

САША КРУГОСВЕТОВ

**ГЛАВНАЯ ЖЕНЩИНА
БОРИСА БЕРЕЗОВСКОГО**
Как самая преданная жена добывала
опального олигарха в суд?

ПЯЛЕТ

САРАНАЧКИ

THE TIMES
SCOTLAND
Cheltenham

**БОРИС
БЕРЕЗОВСКИЙ:**
Миллиардер,
олигарх, мошенник

Я никогда не делаю
миллионы, не делаю
десятки миллионов.
Я делаю только
миллиарды

РОМАН-ИССЛЕДОВАНИЕ
О «ЛИХИХ» 90-Х

try to intimidate
Russia warns Britain

ДОЛЯ ПРИЗНАЧИЛА ВЕЛИКИЕ ГРОШИ
ВОЛОДАРОУ ШАСТЛИВОГО ЧИСЛА

Городская проза

Саша Кругосветов

Полет саранчи

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)-44

Кругосветов С.

Полет саранчи / С. Кругосветов — «Издательство АСТ»,
2023 — (Городская проза)

ISBN 978-5-17-151279-8

«Полет саранчи» – роман-исследование «лихих» 90-х, в котором смелый нон-фикшн переплетается с традициями умной художественной прозы. В центре книги – судьба одного из самых влиятельных и сомнительных персонажей того времени, олигарха Бориса Березовского. Автор романа не понаслышке знаком со своим героем: бывший ученый, писатель на сломе систем оказался в большом бизнесе и работал бок о бок с одиозным БАБ. Перед сознанием читателя проходит история ЛогоВАЗа, эпоха жесткого первоначального накопления капитала в стране и ее действующие полукриминальные лица. Параллельно разворачивается жизнеописание трех известных в российской истории авантюристов: Троцкого, Азефа, Парвуса. Гоголевский вопрос: «Русь, куда ж несешься ты?» – по-прежнему актуален, и перед вами новый ответ.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)-44

ISBN 978-5-17-151279-8

© Кругосветов С., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Слава мирская	6
Тихий август. Вместо предисловия	21
Часть 1. Выход из ковидной спячки	27
Ковид-затишье	27
Какиаггелие	30
Скромное обаяние буржуазии	38
Восьмидесятые. Затишье перед бурей	45
Часть 2. Авантюристы – детство, отрочество, юность	55
Неистовый Лейба	57
Сексот по призванию	61
Парвеню в посудной лавке	67
Везувий просыпается	72
Еврейские авантюристы	94
Часть 3. Персонажи девяностых	103
Бизнес чистыми руками	104
Деньги что камень: тяжело на душу ложатся	122
Маклауд убивал по-братски	130
Петербург девяностых	133
Кафе Сайгон, Невский, 49	134
Ресторан Кавказский, Невский, 25	135
Очки	135
Метрополь, Садовая, 22	135
Кафе и кондитерская Север, Невский, 44	136
Катькин садик	136
Европа	137
Женский туалет на Думской	138
Дом моделей одежды, Невский, 21	138
Рыба, Невский, 21	139
Пассаж, Невский, 48	139
Забавная улица Рубинштейна	142
Конец ознакомительного фрагмента.	143

Саша Кругосветов

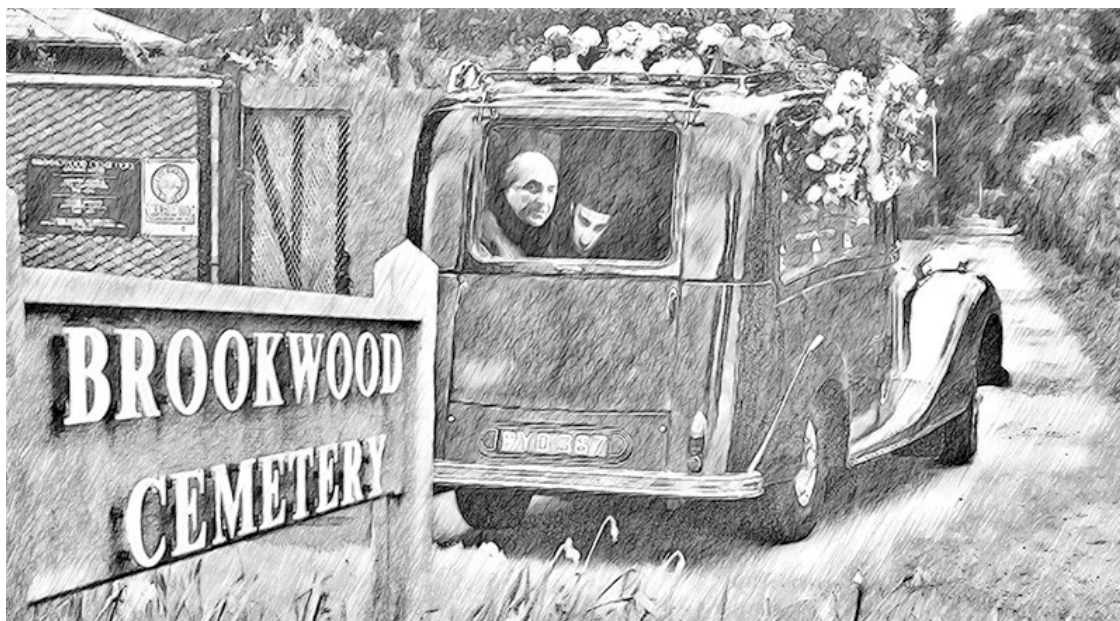
Полет саранчи

© Текст. Саша Кругосветов, 2023

© Иллюстрации. Максим Свириденков, 2023

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2023

Слава мирская

Каждое утро с 6 мая десятки журналистов приходили на Кенсингтонское кладбище как на работу. Изучали отдаленные уголки территории в поисках признаков готовящихся похорон распиаренного олигарха, постоянно были на связи друг с другом и уходили вечером ни с чем. Почему-то были уверены: обряд должен состояться в Лондоне и непременно на самом большом, Кенсингтонском...

Противоречивая жизнь, завеса тайны над уходом в мир иной, несколько раз отменяемые похороны... Прошло больше сорока дней, а тело скандально известного человека так и не предали земле. Расстраиваются свадьбы, отменяются празднования рождений, но чтобы отменить похороны... это, казалось бы, невозможно.

Похоронная интрига три дня держала журналистов в напряжении.

Не отвечала на звонки его последняя жена.

Потерялся всегда доступный западной прессе руководитель *Фонда гражданских свобод*.

Другой известный эмигрант, автор на шумевшего романа о девяностых, уверенно обещал телевизионщикам, что ни один журналист не узнает, где могила его друга.

До 8 мая оставалось неясным, на каком кладбище станут хоронить *короля интриги*. Муж младшей дочери от первого брака накануне сообщил родственникам только время церемонии, которая пройдет не в Лондоне, как предполагалось, а в графстве Суррей. И лишь за пару часов до начала ритуального действия стало известно: похороны – «но это еще неточно!» – пройдут на кладбище Бруквуд.

По словам того же зятя, взявшего на себя организацию проводов знаменитого изгнанника, все эти загадочные маневры производились по просьбе дочерей олигарха, настаивавших на стерильно семейном характере прощания с отцом. Родственники боялись превращения церемонии в спектакль для праздной публики. Особенно нежелательным для них было присутствие российской прессы, в том числе базирующихся в Лондоне корреспондентов российского телевидения. Были приняты усиленные меры безопасности: на похороны допускались только лица по списку, переданному семьей полиции.

Администрация кладбища, потакая желанию заказчика, отвечала всем под копирку: «На среду никаких похорон не запланировано».

Интрига нагнеталась вплоть до последнего дня пребывания тела олигарха на грешной земле: в эксклюзивный список приглашенных не вошли многие из тех, кто был тесно связан с ним последние десятилетия, менялись дата и место захоронения, не прекращалась сумятица вокруг таинства отпевания, а поминки планировалось провести сразу в трех домах... Один из собеседников *The New Times* заметил: «Все так непонятно и запутанно, будто усопший сам вернулся и теперь организует церемонию прощания с собой».

Пять телекомпаний накануне поделили десяток кладбищ и все-таки сумели вычислить то из них, где собирались принять тело русского олигарха.

Предположения массмедиа, что речь идет о Бруквуде, стали подтверждаться после полудня, когда на кладбище начали съезжаться провожающие и охрана жестко запретила въезд всем транспортным средствам, не включенным в список, – даже привозившим материалы для строительных работ, – не обращая внимания на угрожающие крики водителей грузовиков «о нарушении контрактов и ущемлении свободы, гарантированной самой Королевой Великобритании!».

Когда сгрудившиеся у ворот журналисты разглядели в подъезжающих машинах последнюю возлюбленную бизнесмена и охранника усопшего, стало окончательно ясно: олигарха похоронят именно на Бруквуде.

Старательная кладбищенская охрана требовала пропуска и не всегда находила в списках номера подъехавших автомобилей – с ними пошел разбираться бывший деловой партнер олигарха. В результате многим приглашенным на похороны все-таки пришлось идти пешком.

Бруквуд – крупнейшее кладбище Британии (покойник обожал масштаб во всем) и одно из самых больших в Европе. Там похоронены многие британцы, оставившие след в истории и культуре страны: король-страстотерпец святой Эдуард, писательница Ребекка Уэст, художник Джон Сарджент. Отпевание усопшего планировалось по православному обряду – до отъезда в Лондон он принял в Москве православие и крестился. Похоронить его планировалось 6 мая на лондонском кладбище Ганнерсбери в кафедральном соборе Русской православной церкви в Британии – храме Успения Пресвятой Богородицы.

Одна из возможных версий смерти усопшего – самоубийство. В христианской традиции самоубийц не отпевают, а хоронят, как и в других авраамических религиях, за оградой кладбища. Полиция пока воздерживалась от официального объявления причины случившегося – расследование обстоятельств смерти известного человека продлится еще не менее двух месяцев.

Перенос похорон на два дня, по мнению радио *Свобода*, объясняется отказом приглашенного московского священника прибыть в Лондон и провести отпевание. Тем не менее семье покойного удалось *преодолеть все трудности* и организовать отпевание по православному чину в часовне кладбища Бруквуд, известной как *капелла Святых Душ* и приспособленной для проведения богослужений по обрядам различных христианских и околохристианских конфессий. Панихиду согласилась провести греческая неканоническая секта – якобы альтернативного православия. Пастыри там оказались не особо разборчивыми – то ли готовы были благословлять самоубийства, то ли демонстрировали принципиальное несогласие с мнением британской полиции, полагая, что олигарха все-таки убили.

Траурный кортеж выглядел несколько комично. За роскошным, украшенным цветами катафалком *Rolls-Royce* следовали черные цилиндры джентльменов похоронной команды, за ними – разношерстная группа близких: бросались в глаза неуместные здесь розовые волосы, яркая помада и не вполне траурные мини-юбки. Никого из высшего света Англии, ни одного сколько-нибудь заметного человека из России.

Претенциозный автомобиль с гробом казался фанерным. Цветы, машины, церковь, люди, пришедшие проводить близкого человека, – действие было организовано с провинциальной чопорностью и со стороны выглядело несколько гротескным. Съехавшиеся держались, быть может, и не весело, но по крайней мере бодро. Все обратили внимание на то, что близкие родственники покойника прибыли на кладбище в хорошем расположении духа. Шустрые папарацци слез в кадр так и не поймали.

Кавалькада богатых то ли изгнанников, то ли беглецов из России катила неспешно. Манерный распорядитель время от времени выходил из винтажного катафалка и тормозил процессию для только одному ему известных церемоний. За тонированными стеклами пряталась вторая жена олигарха, отсудившая у него после развода рекордные 200 миллионов фунтов, но так и не успевшая получить их полностью.

В часовню, где проходило отпевание, пустили только членов семьи и самых-самых близких. Не попавшим туда пришлось ждать начала погребения на улице. Из-за большого внимания СМИ к похоронам в Бруквуд были направлены дополнительные наряды полиции.

Пока шел православный чин отпевания, гости обсуждали, что же все-таки произошло с олигархом субботним утром 23 марта в доме его второй жены в Аскоте. А через час выяснилось, что на указанном ранее месте погребение не состоится: собравшимся предложили пройти 800 метров до другой точки кладбища, расположенной на противоположной стороне дороги. Наконец-то журналистам, ожидавшим на проезжей части, удалось заснять пешую процессию. Это было все, чего им удалось добиться: на православный участок Бруквуда никто из них не попал.

* * *

О том, как это происходило, РИА *Новости* рассказал зять опального олигарха Егор Шуппе: «Были дети, внуки, внуки укладывали венки, было очень трогательно. Было так, как хотели родственники и, главное, как хотела его мама, – очень просто и тихо».

«Все прошло так, как проходят похороны», – рассказал близкий друг бизнесмена писатель Юлий Дубов.

Ритуальная процедура прощания и захоронения заняла около двух часов.

По словам одного из источников, на похоронах присутствовало 60 человек: «Среди них шестеро детей, шестеро внуков, три жены и близкие друзья».

Это правда – на церемонию выборочно допустили все-таки некоторых друзей усопшего: чеченского политбеженца Ахмеда Закаева, делового партнера Владимира Воронова, писателя Юлия Дубова, бывшего замруководителя *Аэрофлота* Николая Глушкова, журналиста Демьяна Кудрявцева, Марину – вдову экс-офицера ФСБ Александра Литвиненко, юристов бизнесмена. Прессы не было. Некоторых представителей СМИ, несанкционированно просочившихся на территорию Бруквуда с раннего утра, выпроводила полиция.

Разномастная публика на кладбище вела себя по-разному.

Из Франции, где власти арестовали недвижимость когда-то всесильного воротилы, на похороны в Лондон прилетела мать усопшего, Анна Александровна Гельман – бывший сотрудник российского посольства в Великобритании В. Воронов бережно вывел ее из серого *Porsche*.

В компании третьей жены покойного Елены Горбуновой шутил и улыбался бывший директор издательского дома *Коммерсантъ* Демьян Кудрявцев. Окольными путями пробирался сюда блогер Андрей Сидельников – он изначально не верил, что олигарх покончил с собой из-за финансовых проблем; в это до сих пор не верят и остальные друзья.

Кому-то было откровенно весело, другим – не очень. Вместе с подружкой нервно курила вторая жена бизнесмена Галина Бешарова.

Впоследствии в прессе появилось несколько фотографий с похорон.

Раньше всех на церемонию прибыли как всегда набриолиненный секьюрити Ави Навама, первый обнаруживший бездыханное тело босса в ванной, а потом на время куда-то пропавший, и двадцатитрехлетняя любовница бизнесмена Екатерина Сабирова.

Охранник-израильтянин, бывший сотрудник *Mossada*, вечером 22 марта сопровождал олигарха в отель *Four Seasons*, где тот дал интервью корреспонденту *Forbes*. Теперь стало понятно: это было его последнее интервью. Около девяти вечера бизнесмен вернулся в особняк в Аскоте, дал распоряжения Ави и прошел в спальню. Живым его больше не видели. Двадцать третьего марта охранник отправился выполнять поручения хозяина, полученные накануне. В 15:00 он вернулся и обнаружил: дом пуст, а ванная комната заперта изнутри. Взломав дверь, Ави увидел лежащее на полу тело – пульс у босса не прощупывался. Ави вызвал скорую, которая в 15:23 сообщила о случившемся в полицию округа Тэмз-Вэлли графства Беркшир. Стражи правопорядка приехали быстро и оцепили дом с прилегающей территорией. По данным вскрытия олигарх скончался в 9:30 утра.

Ави понимает – к нему теперь слишком много вопросов: как он оставил бизнесмена, зная, что в доме никого нет? Почему особняк не был поставлен на охрану, почему не включены телекамеры по периметру? Разве это объяснение – «ему не давали такого поручения», разве об этом следует напоминать? Что должен чувствовать секьюрити, имеющий более чем пятнадцатилетний стаж службы в государственных и частных охранных предприятиях и не выполнивший свою главную работу – обеспечить безопасность охраняемого лица? Что могло произойти, пока Ави не было дома?

Екатерина Сабирова, находясь в Москве, узнала о кончине *папика* и тут же позвонила Наваме – тот плакал, непрерывно повторял: «Прости» – и вновь плакал. Он не мог говорить. *The New Times* заявляет: «Трудно поверить, что Ави Навама горько оплакивал погибшего олигарха». Почему трудно – они считают, израильтянин был подсадной уткой, соучастником? Интересно, что сейчас – во время похорон – у него на душе? Просчитывает ли он в уме, что могли предпринять некие злонамеренные профессионалы неких секретных служб в его отсутствие? Есть ли у него предположения на сей счет – может, он знает какие-то факты, показавшиеся поначалу незначительными... Простит он себе такой провал, сможет ли жить дальше с тяжелым камнем на сердце? Об этом мы с вами, боюсь, никогда не узнаем. И что ему теперь делать? Этот его стыд и позор – клеймо на всю жизнь. Никто не возьмет на работу секьюрити, о бесчестье которого знает весь мир. *Mossad* будет проверять его на предмет связи с британским *MI-6* и русским *ФСБ*... Что он скажет друзьям и бывшим сослуживцам? А жене? Жизнь когда-то безупречного Ави завершилась вместе с кончиной босса.

Катя Сабирова – московская модель – близкая подруга олигарха: его друзья подтвердили *The New Times*, что покойный был связан с ней четыре года. В понедельник, 25 марта, они должны были встретиться в аэропорту Тель-Авива, чтобы провести в Израиле пару недель. Но 23 марта его не стало. Рядом с ней стоял Ави. Прежде казался таким надежным, а на деле – полный пшик! Кому верить? Чужие люди, жены, дети... Зачем она здесь, для чего прилетела? Анну Александровну, его маму, поддержать? Маме этого не надо. Кто она его маме? Официальных жен три, детей – шестеро... А она? С ней никто и не разговаривает, кроме Ави, будто ее и нет вовсе...

Катя вспоминала настроение любовника после недопустимого, как он считал, проигрыша в суде. В октябре и ноябре часто говорил: «Мне очень плохо, не знаю, что делать, не знаю, что делать дальше, – как жить, на что дальше жить...» Рассказывал о письме российскому президенту – даже прочитал ей. Приносил извинения, просил о возможности вернуться. Такой был прогиб – очень ему хотелось вернуться в свою страну. Не говорил ей, будет отправлять

или нет. И вдруг сказал: «Все, ждем ответа». Постоянно был в депрессии (они вообще теперь не выходили), говорил, что не хочет нигде появляться. Не хотел ни с кем встречаться – тяжело осознавать себя проигравшим. Что-то писал, потом сжигал, много ходил, плохо спал, не мог уснуть. По утрам поздно просыпался и не хотел подниматься с кровати.

Нет, не верит Катя в версию самоубийства. Накануне смерти, в пятницу, 22 марта, он звонил в Тель-Авив предпринимателю Михаилу Черному: предупредил, что в понедельник прилетает, и просил заказать гостиницу в Эйлате. Катя говорила с олигархом за несколько часов до смерти – он подтвердил, что прилетит в Израиль. О суициде вообще никогда не упоминал. Один раз, правда, обмолвился: «Представь, меня не станет, все проблемы уйдут». Но это, ей кажется, не было руководством к действию. В самоубийство трудно поверить... Он определенно планировал поехать в Израиль. А как же с его депрессией? Прочь отсюда... Скорее домой, забыть как страшный сон. Она еще совсем молода, у нее все впереди... Вопрос только, как дальше жить, на какие средства? В модельном бизнесе она давно не работает, выпала из обоймы.

Вторая жена бизнесмена Галина Бешарова – быть может, единственная, кто горевал об ушедшем из жизни неординарном человеке. Встретились – ей 22 было, сейчас почти 55 – целая жизнь позади: есть что вспомнить. Она уже не та Галя, которую полюбил когда-то перспективный старший научный сотрудник. Располнела, да и подурнела, пожалуй. Но она старается, следит за собой – известна как модница и завсегдатай главного лондонского магазина *Harrods*. В свое время увидела в этом эсэнэсе¹ огромный потенциал – что греха таить: увела из семьи. У первой жены его скверный характер – принижала всячески, заставляла бутылки сдавать: денег-то на жизнь не хватало... Вы не поверите, у него на почве денег реально комплексы были! А Галя помогла ему осознать себя, подняться над обыденностью, миллионером стать.

В 1993-м Галина забрала детей и переехала в Лондон: с тех пор супруги жили врозь.

Всю жизнь ее муж был азартным игроком, манипулировал людьми, подставлял друзей и предавал любимых, но каждый раз ему поразительно везло – в последний момент удавалось вскочить на подножку последнего вагона и выйти сухим из воды. Но однажды его замечательная программа дала сбой, и вечный триумфатор покинул поле битвы побежденным.

В отличие от бывшего мужа Галина Бешарова всегда вела скромную жизнь, деньгами не сорила, дорогих вещей не покупала, сама ходила за продуктами, и все, что интересовало ее в жизни, как ни банально, – это дети. Аденьги? Деньги надо уважать, к ним следует относиться куда как серьезно. Потому, наверное, денежки у нее и водились.

Мало кому известно, что с третьей женой, Леной Горбуновой, олигарх много лет жил в разных концах Великобритании. Совместного быта у них не было – встречались только для фотосъемок в гламурных изданиях. Своей семьей олигарх считал именно вторую жену Галину и их детей. И это несмотря на когда-то произошедший разрыв и последовавший долгий бракоразводный процесс! А то, что во время суда они сошлись на отступных, ставших историческими в Англии, тоже говорит о многом. Все кивают: бывший муж ни за что не согласился бы со столь гигантскими суммами, если б его не волновала женщина. Это правда, он до последнего момента проявлял к Галине повышенное внимание: продолжал дарить цветы и дорогие подарки. Пылкая любовь, может, и угасла, но чувство привязанности, похоже, осталось. Экс-супруги продолжали общаться как старые добрые друзья, как люди, которые когда-то любили друг друга. Галина и дети были рядом с бизнесменом до последнего дня. Она позволила ему некоторое время жить в своем доме: там он прятался от назойливых журналистов и находил поддержку после тяжелых судебных процессов с бывшими партнерами.

¹ С. н. с. – старший научный сотрудник.

Именно в доме Галины и нашли погибшего. Теперь *короля интриги* хоронили вместе с эпохой. Она приехала к дому в Аскоте, когда медицинская бригада осматривала тело. Полиция отказалась ее впускать, но Галина отперла двери собственными ключами и вошла внутрь. Воспрепятствовать ей не имели права, потому что Бешарова – собственница дома, в котором проживал усопший. Она тогда наотрез отказалась общаться с журналистами, да и впредь не собирается.

А что сейчас? У нее хорошая квартира, хороший дом, хорошее содержание, она встретила человека, которого любит, с которым счастлива. И *ни-че-го* не собирается теперь менять, как говорится, *был бы милый рядом!*

Детям, конечно, ее бывший внимания не уделял. Младшенькая-то, Настя, выросла: с отцом – одно лицо! Галя ей всегда говорила: «Да, такой отец, ты его редко видишь, но он твой отец, другого не будет». И все-таки Настя написала в некрологе: «Мой отец был неординарным родителем, он научил меня очень многому в этом мире». Вот и хорошо... Только почему на душе-то плохо?

Как дальше жить? В завещание он не включил Галину и ее детей. Бывший муж полностью не рассчитался по суду – передал только недвижимость, но недвижимость содержать надо, налоги платить, состав и уровень персонала поддерживать – откуда деньги брать? А как средств не будет на привычный уровень жизни, что станется с *милым другом*? Не испарится ли он вслед за исчезновением денег?

Саша Нерозина – экстравагантная дама неопределенного возраста. В начале девяностых перебралась в Лондон, а до того жила в России и Средней Азии, где, по ее словам, занималась, конечно же, наукой и, конечно же, журналистикой, потому что это здорово и было очень даже в тренде; а еще подрабатывала – для прокорма, наверное, – в сфере торговли и рекламы. Чем она теперь промышляет, нам сие неизвестно – писательница, наверное? Выпустила книгу *KGB Girl*, планирует продолжить серию книг приключений шпионки КГБ – видимо, эта тема как-то особенно ей близка! Говорят, что гоняет на крутых спорткарах, самолично водит вертолет и посещает самые высокие гостиные Лондона – в общем, русский Джеймс Бонд в юбке! Непонятно только, на кого служит, – да нам-то с вами что до этого? Вот она стоит, собранная, подтянутая, в ожидании обряда отпевания усопшего олигарха, такая непрогнозируемая, такая бедовая и противоречивая, – рядом с взвинченной и нервно курящей, довольно ординарной и довольно бесформенной Галиной Бешаровой.

Саша – в отличие от подруги – любит быть на виду обожает встречаться с прессой. Публично декларирует себя *частью семьи усопшего*: «Отношения с семьей (преследуемого бизнесмена и политика. – *Примеч. авт.*) – это отношения с его последней официальной женой Галиной. Она была моей ближайшей подругой. Эта часть семьи и есть моя семья известного олигарха, с которой я ассоциировала себя, с которой много лет дружила». Парочка производит странное впечатление: что общего у этой отвязной, напористой особы, озирающей гостей холодным взглядом некрупного, но опытного хищника (хорька или куницы?), с ее испуганной *подругой*, типовой хохлаткой из типового курятника, теряющейся при ответе на простые вопросы, волею проказницы судьбы внезапно вознесенной к вершинам богатства, оказавшейся мультимиллионершей и неожиданной победительницей в споре с ее *великим и ужасным* бывшим мужем, известным возмутителем спокойствия доброй старой Англии? У нас нет оснований и права строить предположения об основах их дружбы, но вопросами-то мы можем задаваться?

Нерозина листает страницы памяти: бизнесмену и политику было дозволено все. Была еще одна жена – *параллельная*, так сказать, – с двумя детьми; любовницы, которых он не скрывал, постоянно заказывал распутных восьмиклассниц от агентства *Мадемуазель*. Саша неплохо понимала покойного, он ее, наверное, тоже: оба – искусные манипуляторы. Нерозина не раз

публично декларировала подготовленную ею для гламурной публики сладенькую сказку об отношениях Галины с ее бывшим мужем: «Олигарх всегда оставался романтиком, не только по отношению к Гале, – в его жизни было много женщин, все они приходили-уходили. Слишком поздно он понял, что Галина была его единственной большой любовью. Ему тяжело было смириться с тем, что Бешарова встретила другого человека. Он поздно осознал, кого потерял, но повернуть время вспять уже не смог. Не получилось заново склеить разбитую чашку». Легенда топорно сшита из заезженных штампов и не кажется сколько-нибудь правдоподобной, но Нерозиной, наверное, важно было сохранить на какое-то время хрупкое равновесие в отношениях ее подруги с бывшим мужем. Почему для нее это было важно?

Два года назад вышла ее книга «Секретный дневник русского олигарха», в которой образ главного героя финансового магната Абрама Галинского списан с опального бизнесмена, бывшего мужа подруги. По сюжету романа бизнесмен погибает при загадочных обстоятельствах в своем загородном доме, а спецслужбы Англии и России начинают охотиться за его секретным дневником... Сейчас, когда муж Бешаровой скончался в до мелочей похожей ситуации, книга Нерозиной стала настоящей бомбой: сюжетная канва гибели главного героя романа выглядит абсолютно пророческой. Книга приобрела на Западе невероятную популярность, граничащую со скандальностью.

Со дня смерти *короля интриги* прошло больше сорока дней, но вопросов, связанных с его кончиной, меньше не стало. Что это было – самоубийство или месть со стороны спецслужб? Акт отчаяния или тщательно разыгранный спектакль? Саша Нерозина уверена, что суицида быть не могло! Она знает спальню, знает ванную комнату... В любом случае ноги попадают или за ванну, или в ванну.

Полиция Великобритании ничего не нашла и не доказала. Российским властям его смерть не нужна. Если кто и помог ему уйти из жизни, то это местные спецслужбы, которым невыгодно, чтобы бизнесмен и политик отдавал долги России. Они исчерпали потенциал этого человека уже много лет назад, помогая быть как бы оппозиционером российской власти, хотя он никогда им и не был. Официальное расследование не закончилось, но это *висяк*.

Саша напишет новую книгу «Как убрать олигарха?» Или назовет ее «Кто обыграл короля интриги?» Это будет интереснее, чем «Секретный дневник», потому что Нерозина знает теперь тайные пружины общества лучше, чем два года назад. Посвятит книгу загадочной смерти опального олигарха: что с ним случилось, как он погиб – это самоубийство или спланированное убийство, кому была выгодна его смерть?

Бешарова ей говорила, что бывший муж нашпиговал весь дом микрофонами с записывающей аппаратурой. Когда полиция ушла и Галине удалось окончательно вернуться в особняк, никакой аппаратуры там она уже не обнаружила – о чем это говорит? Кому было выгодно демонтировать всю электронику?

Пора менять приоритеты – новая книга откроет Саше новые двери. Она приступит к работе сегодня же вечером. Напишет как есть. О том, что олигарх был помешан на самопиаре! Мог изворачиваться, делать все для достижения своих целей. Непонятно, как в одном человеке уживались два разных существа: умнейший, веселый, абсолютно нежадный и другой – не просто жесткий, а страшный и жестокий, который пойдет на все и сломает, если захочет, чью-то жизнь и судьбу.

Напишет, что игры, в которые играл покойный, были уж очень опасными. Посмотрите на его политику, бизнес-схемы – все у него было запутано, спрятано. Как привык вести дела в девяностые, так и продолжал.

А пока надо бы поддержать Галю с детьми на этой тоскливой церемонии. Три семьи, все врозь, друг с другом не здороваются, не говорят – будто не знакомы. Поминки будут одновременно в трех разных домах – а Нерозиной-то что? Пусть сходят с ума как хотят... И эта Кате-

рина, его последняя, тоже сдуру прискакала! Чего ты прискакала, муха-цокотуха? Нет больше твоего *папка*, и в этой семье тебе больше не отломится.

А у Гали будут проблемы. Вторую жену из завещания убрал, долги по суду не погасил. Она еще не понимает, что скоро окажется без денег. Не стоит ее пугать прежде времени – пусть пока живет спокойно.

Елизавета – старшая дочь олигарха от первого брака. В свое время гулянками и кутежами доставила немало проблем чадолюбивому отцу – сколько раз он выручал дочь, когда она *наркоманила*, – а теперь остепенилась, превратилась в достойную мать семейства, воспитывает троих детей. Вместе со всеми ждет начала отпевания и вспоминает отца.

Лиза уверена: папа был одним из величайших людей нашего времени. В том, что касается чувства чести, рядом с ним можно поставить разве что Михаила Ходорковского. У человека всегда есть выбор – стать героем или навсегда потерять честь.

Двадцать третьего марта в особняке усопшего работали вызванные охранником полицейские. По сообщениям информантов, смерть наступила в тот же день в 11 утра по местному времени. Узнав о трагедии в Аскоте, Лиза взяла машину и поехала к дому, где жил папа. Огромная территория задолго до подъезда к зданию оказалась оцеплена полицией. Лиза представилась, но ее не пропустили. Позднее выяснилось: поступил ложный сигнал о загрязнении территории химически опасными веществами, долгое время велась проверка и вообще никого не впускали. Потом ее пригласили для официального опознания тела отца.

Получается, что тело предпринимателя после его смерти из неофициальных лиц видели только охранник и старшая дочь. Была информация будто еще и Галина, вторая жена. Охранник – якобы мертвым, Галина – якобы видела. В дальнейшем доступ к нему никто из близких и друзей больше не получил. Патологоанатомы не взяли на себя смелость утверждать, что они работали именно с трупом знаменитого олигарха. Как просто – хотя бы одна фотография! Нет. Мысли у Лизы путаются – похоже, она тоже сомневается в опознании тела отца... Ни одной фотографии *короля интриги* в гробу. Слухи роятся с первых минут смерти, наглухо закрытый гроб частично их подтверждает...

Больше всего вопросов у нее к охраннику. Что он делал в то утро? Допоздна спал, долго говорил по телефону с женой, затем поехал пить кофе, потом в аптеку, какие-то лекарства от простуды себе покупать, затем за продуктами. Дом на охрану не ставил, камеры не включал... А как вернулся и понял, что олигарх заперся в ванной и не отвечает, вызвал скорую – должен был сразу выбить дверь! И это, по ее мнению, одно из косвенных доказательств, что отца убили. Почему секьюрити не решился выломать дверь – может, что-то знал или о чем-то догадывался?

Лиза никогда бы не поняла, что произошло с отцом, если бы случай не свел ее с судмедэкспертом немцем Берндом Бринкманном, подключившимся к независимому расследованию. Она приехала к эксперту – и немец разложил по полочкам, чем отличается убийство от самоубийства: по характеру странгуляционной борозды, по реакции различных органов и тканей...

Бринкманн обратил внимание на отсутствие внешних следов борьбы, впрочем, убийца мог неожиданно напасть сзади и тут же начать душить... Очень вероятно, потому что у покойника при вскрытии обнаружили сломанное ребро. Бернд расскажет обо всем этом в суде.

А еще эта *романтичная* Бешарова! Все наперебой называют ее самой преданной отцу женщиной. Будто их с Катей (младшая сестра Лизы. – *Примеч. авт.*) мама не была преданной женой! А Галины ведь нет в завещании – как она это сделала, что первой и третьей семье ничего не досталось? Ни Елизавета, ни Катя не смогли получить даже личные вещи отца. И вообще все ей досталось. Им по завещанию – одни долги. Теперь Бешарова может позволить себе «не помнить негативное, помнить только прекрасное!» Все хороши – Бешарова, Горбунова, Сабирова... Там еще две Коноваловы были, слава создателю, хоть они сюда не прикатили, – все им мало: так и смотрят, что еще можно отщипнуть. Да и Лизин муженек, Толя Подкопов, тоже,

наверное, глаза пялит на ее недвижимость, и так подъедет, и эдак: уговаривает на него переписать. Когда же служба начнется, сколько можно ждать?!

На прощании с усопшим жены олигарха демонстративно не общались – словно и не знакомы вовсе, будто чужие люди случайно оказались в одном месте на огромном английском кладбище. Собственно, и при жизни-то всеми возжеленного супруга отношений у них не было.

Демьян Кудрявцев отошел в сторону – все-то ему хиханьки-хаханьки, – третья, и последняя, спутница олигарха неодобрительно посмотрела вслед куда как раскованному медиаме-неджеру. Лена Горбунова продержалась в гражданском браке рядом с ветреным олигархом дольше других – более двадцати лет. Смолоду отличалась она умением располагать к себе людей, удерживать при себе непостоянного мужа – тоже, хотя с последней задачей справлялась не всегда. Все в ней по-прежнему гармонично, как в юные годы: одета безупречно – просто эталон стиля, в меру кокетлива, в меру умна, да и язык за зубами держать умеет.

По признанию ее первого мужа, во избежание огласки своего легкомысленного поведения юная провинциалка стала во времена оны агентом одной из спецслужб. Привлекательность, коммуникабельность, природный ум давали ей возможность без труда заводить знакомства с людьми, которыми интересовались органы. Оттачивала свои навыки неотразимого агента в женском обличье, но понимала, что создана для большего, и терпеливо ждала сказочного принца. Принца – не сразу, со второй попытки – встретила-таки: пусть не самого молодого и красивого, зато куда как платежеспособного.

Восхитительно выглядит Елена Горбунова в свои сорок восемь. Внешность и ухоженность жены бизнесмена и политика, дата рождения которой, в отличие от других публичных леди, никогда не скрывалась, до сих пор вызывает завистливые вздохи куда более молодых женщин. Молодость ее сопровождалась бурными и неоднозначными событиями. Женщина с непростой жизненной историей (хотя у кого простая?), выпавшие на ее долю испытания укрепили силу духа и позволили достичь небывалых высот. Самодостаточная леди, интересная публике как мать двоих детей и признанная гранд-дама с немалым личным капиталом, привлекает внимание безукоризненным внешним видом и умением вести себя в высшем обществе. Вести себя как гранд-дама – вполне, но и отбрызнуть для острастки какого-нибудь потерявшего бдительность завалящего докторишку наук, ответив с вызовом вопросом на вопрос, у нее не заржавеет: «Вот интересно, Петя, чего такого он неожиданно забоялся?»

«*Постылая жена*», – нередко говорили о ней в последнее время в окружении олигарха. Да нет, *постылая жена* не станет свидетелем и поддержкой олигарха на самом важном для него судебном процессе, где на кону пять с половиной миллиардов долларов, и не сможет вызвать бурного одобрения непроницаемой британской судьи. Именно с этой как бы *постылой женой* бывший олигарх в ноябре 2012-го долго обсуждал самое важное для него в последний год жизни письмо российскому президенту о возможности возвращения на родину. С Еленой Горбуновой и с матерью – обе дружно убеждали его помириться с президентом. Советовался именно с ней, третьей по счету, не с первой – серой мышкой, о которой никто ничего не знает, не со второй, рядом с которой Лена просто кладезь интеллекта.

У *бывшего* был мотив наладить отношения с Кремлем – он просто устал постоянно бегать от проблем. Тем более что не почитал президента своим врагом – политическим противником и только! Но в нем-то политического противника никто не видел – считали врагом и предателем. «Смертельно устал он от всего, вот в чем причина», – думала Горбунова о покойном муже.

Когда супруги расстались, Елена запросила для себя и своих детей пять миллионов фунтов стерлингов из суммы, вырученной *бывшим* от продажи их дома в графстве Суррей на юго-западе Англии, но денег не получила – вырученные средства ушли на погашение долгов запустившегося олигарха. *Постылая* еще претендовала на два объекта недвижимости во Франции, а также на долю в средствах по итогам мирового соглашения бизнесмена с семьей покойного гру-

зинского миллиардера. Ей пришлось обратиться в суд: гражданская жена в английском праве мало чем отличается от официальной, по крайней мере если речь идет о правах на имущество. Суд принял решение заморозить около 200 миллионов фунтов стерлингов активов опального олигарха и в обеспечение безбедной жизни замечательной гранд-дамы Елены Горбуновой и ее детей арестовал поместье Шатоде-ла-Гаруп и виллу Клоше-де-ла-Гаруп на мысе Антиб. Так была достигнута еще одна блистательная победа сей жизнестойкой женщины. Правда, продать эти средиземноморские усадьбы пока невозможно – дома проходят во Франции по делу о незаконной легализации средств. Победа победой, но когда она дождется денег для себя?

Алекс Гольдфарб (руководитель Фонда гражданских свобод. – *Примеч. авт.*) считает: последние пару лет у покойного была уже хроническая депрессия. С ума все походили!

Пару лет? Офигеть! Не знает Лена такого... Что-то не видела. Антидепрессанты, правда, принимал. После решения суда пытался справиться с ударом, под который поставил и себя, и всех близких. Должен был разработать план, как *жить дальше*. Решил договориться. Он хотел вернуться. С Леной вдвоем они и придумали тогда, что надо написать послание в Кремль. Ее *бывший* умел начинать с чистого листа то, чего не знал, не умел и в чем ничего не понимал. Вся страна в девяностые оказалась ровно в той же ситуации... А у него было такое качество.

За девять дней до смерти он оформил завещание детям первой сожительницы, Елене Горбуновой, своей матери и ее личному помощнику: все расписал по долям.

Чего у покойного больше – активов или долгов, теперь разбираются финансисты и юристы. Если подсчитать претензии *Аэрофлота*, Самарской области и самой Горбуновой, то наберит миллионов 500, не меньше, в долларах, конечно. Насчет активов куда сложнее, потому что олигарх всю жизнь прятал их от кредиторов.

В том же завещании назначил и душеприказчиков: адвокатов Котлика и Линдлея, дочь Екатерину, Елену Горбунову и Юлиа Дубова.

Юристы говорят: крайне редко случается в британской практике, чтобы сразу три душеприказчика – Юлий Дубов и два адвоката – отказались от исполнения своих обязанностей. Елена Горбунова и дочь Екатерина думают. В активах покойного – полная неразбериха; допустив ошибку, есть риск, что по английским законам придется платить кредиторам из собственного кармана. Но Лена как раз кредитор, чуть ли не самый главный, она от своего не отступит, точно останется душеприказчиком, пусть хоть все уходят.

Они прожили фантастическую жизнь. И очень рискованную. Он подвергал опасности и себя, и Лену с детьми. Иногда приходили спецслужбы: «Есть сигнал, появился человек. Надо делать то-то, то-то. Надо разделиться». Детей обожал... Но муж и отец был безответственный... Вот и с деньгами так ничего и не довел до конца.

Известный писатель издали казался ладным дубком – в соответствии с фамилией, – хоть и росточком не вышел. Прическа, борода с усиками, как всегда, в идеальном порядке. И отвечать горазд на любые, самые заковыристые вопросы – не задумываясь, лихо, да так, что искры высекались. В книгах его живут тоже весьма лихие ремарковские герои – в основном выходцы из академической среды (нонсенс, не правда ли?) – с примесью провинциально-русифицированной бондианы, да и ему самому хотелось бы слыть: для посторонних – категорически резким и ледяным, всезнающим и весьма опасным, для своих – теплым и *милейшим*. Кривоватые мелкие зубки и беспокойные глазки выдают двойственность его сервильной природы и застарелую неуверенность в себе, скрытую за маской матерого гуру, познавшего в деталях приводные механизмы его собственной карманной вселенной. Писателю ничего не стоит мимоходом заявить: «Теорема Геделя о неполноте² лишь подтверждает „Критику чистого разума“ Канта»³.

² Теорема Геделя о неполноте в вольной фолк-формулировке «доказывает, что есть вещи, непостижимые для человеческого разума».

Звучит куда как эффектно, но не думаю, что вслед за доктором наук Юлием Дубовым, в прошлом типичным работником НИИЧАВО, нам с вами стоит втягиваться в разговоры *пикейных жилетов* типа: «Чемберлен – голова. И Ллойд-Джордж – тоже голова».

Юл размышлял над старой идеей Саши Нерозиной о том, что олигарх ловко имитировал свое исчезновение, изменил имя и внешность и бесследно исчез под покровом *программы защиты свидетелей*. Кто видел его труп – дураковатый и вконец растерявшийся Ави или наркозависимая, полувменяемая Лиза? А где фотографии тела?

Еще год назад принц Майкл Кентский, друг и покровитель опального бизнесмена в Лондоне, насколько Дубову известно, обращался с таким предложением в соответствующие органы. Принц (лишенный, кстати, из-за брака династического статуса) искренне полагал, что жизни его русского друга угрожает реальная опасность.

Гений интриги под чужой фамилией – это уже не всемирно известный опальный бизнесмен и политик, это скромный гражданин Великобритании, и задержать его за старые преступления перед законом никак не получится, ибо грехи эти *почили* в архивах вместе со смертью подозреваемого!

Такая схема и прежде работала безотказно. Нацистские преступники успешно *закрывались*: кто Аргентиной, другие Бразилией, как ни добивался Израиль их выдачи! Куда, например, делся Борман, куда – Скорцени? Хотя именно об этих двоих наворочено слишком много мистификаций и откровенного вранья.

Защита свидетеля? Да нет... Согласно принципу *бритвы Оккама*, «не следует без необходимости множить сущее». В данном случае слишком сложно для исполнения. Отработанный материал легче все-таки убрать – рутинная операция спецслужб: сделали дело и забыли. Не похоже на самоубийство. Коля Глушков и Бешарова уверены, что это не просто смерть – олигарха убили.

Уйти из жизни из-за финансовых затруднений? Не смешите мои ботинки! Всю жизнь у него были *сплошные финансовые затруднения*, всю жизнь ему не хватало денег на то, что хотелось бы сделать. Покойный не из тех, кого бытовые вещи могли сильно выбить из колеи. Хотел ведь вернуться в Россию...

Катерина, его последняя дама сердца, рассказала: написал письмо в Кремль, да еще и от руки, что-то Дубову не верится в такое! «Почерк у него – полуславянская стилизация китайских иероглифов. Разобрать почерк невозможно, он и сам не понимал, что пишет; рукописное послание говорило бы о крайнем неуважении к адресату».

Юл скучает по другу – он всегда восхищался опальным олигархом, не думал, что все закончится столь быстро и необъяснимо.

Это была такая молния – человек невероятной активности, очень динамичный, очень умный, быстро думающий, не всегда правильно, но всегда быстро. Весьма серьезная и очень крупная личность. Дубов за всю жизнь не встречал никого подобного, а повидал он многое и многих.

В нем все было экстравагантно – он просто не понимал, что такое середина. Золотая середина – хорошая штука: люди, придерживающиеся умеренности, долго живут, прекрасно себя чувствуют, друзей у них больше, чем врагов. У покойного вместо золотой середины – черная дыра, через которую он перепрыгивал, мечась из крайности в крайность. Если был семьянином, можно было только смотреть и удивляться – с таким вниманием, с такой любовью относился к близким. Мог бросить все, как бы важно это ни было: политику, деньги, что угодно. Звонит мама – все пошли вон: он разговаривает с мамой. А если он был бабник, то такой,

³ Ключевой вопрос «Критики» – исследование познавательной возможности разума в отрыве от знаний, получаемых опытным путем. В книге используется базовое понятие этики Канта – *категорический императив*. Гедель этики вообще не касался.

что Казанова и Дон Жуан отдыхали. Все время впадал в крайности, признавал только крайние положения маятника, в середине ему было чертовски скучно...

Юла часто спрашивали, кем был его друг: бизнесменом, политиком, идеологом? Вряд ли из всех его ипостасей стоит выделять одну – бизнес, например. Не потому, что был плохим бизнесменом, – все-таки он кое-что после себя оставил. Если бы его жизнь ограничивалась только бизнесом, это была бы катастрофа. Чего он точно не умел, к чему был неприспособлен, так это к усидчивому, планомерному, ежедневному труду. Приходить на работу ежедневно в восемь или в девять страшно скучно, совершенно бессмысленно, и вообще непонятно кому и зачем это нужно... Нет, ну один раз можно для разнообразия прийти в шесть, всех разбудить и вызвать на совещание! Один, ну, может, два... Рутинка – это ад.

Читать циферки – ужасно, говорить с кем-то о чем-то – от скуки скулы сводит... Приходят люди, что-то пытаются объяснить, а тебе хочется совсем иного. Потому что вот вчера такая девушка была, что нужно ей прямо сейчас звонить, а этот сидит и нудит про свое! У него везде был такой стиль, и в политике в том числе⁴. Наворотил, накуролесил... Кто теперь в этом сможет разобраться? Друга Юла оставил душеприказчиком. Одним из... Спасибо, удружил. Не разберешься – тогда согласно самой справедливой в мире британской судебной системе плати кредиторам из собственного кармана. Покойный был влюблен в английский суд. Потом любовь свою растерял почему-то. А теперь еще и умер. Вот зачем тогда Юлу рисковать? У него и так негусто осталось. Хочется для себя пожить, не для великих идей шефа. А душеприказчиками пусть наследники будут: дети – Лиза с Катей, Лена Горбунова, им есть за что бороться.

Чего Юлу сейчас не хватает? Отцовского дома под Серпуховом. Туда бы он съездил: у него там куча подшивок перестроечных журналов – заперся бы месяца на четыре, вспомнил, как они жили, когда еще надежда была, а потом... Потом, наверное, обратно. А вот и на панихиду зовут вроде.

В стороне держался Ахмед Закаев, *премьер-министр* Республики Ичкерия в изгнании. Когда-то бригадный генерал Первой и Второй чеченских войн, ныне он премьер несуществующего правительства несуществующей республики. Сам-то он еще существует или уж нет? Поддержавшего его бизнесмена и политика нет в живых, а он здесь – в заморской стране, на чуждом ему христианском кладбище. О Аллах, зачем ты не дал мне умереть на полях сражений за независимость родины?

В 2003-м лондонский суд отказал московским властям в запросе на выдачу Закаева, посчитав обвинения политически мотивированными и высказав опасения, что Закаева – в случае выдачи России – могут подвергнуть пыткам. В том же году он получил в Англии политическое убежище. В защиту бывшего бригадного генерала выступили тогда актриса Ванесса Редгрейв, британский журналист Том де Ваал, правозащитники Сергей Ковалев, Валерия Новодворская, Елена Боннер, журналист Андрей Бабицкий, писатель Владимир Буковский, журналист *Новой газеты* Анна Политковская, правозащитники *Мемориала*.

Поддержал Закаева и *Фонд гражданских свобод*, созданный опальным олигархом. Фонд оплачивал значительную часть расходов защиты борца за независимость чеченского народа, в том числе поездки в Лондон свидетелей и экспертов.

Действующее правительство Чеченской Республики в 2009-м заявило, что Закаев – «один из немногих адекватных представителей так называемого правительства Ичкерии», который «отвергает террористические методы сопротивления» и за которым «не тянется шлейф тяжких преступлений». Двадцать пятого июля 2009 года в интервью *Би-би-си* Закаев дал понять, что готов сотрудничать с Рамзаном Кадыровым, признавая нынешние власти Чечни легитимными: «Не считаться с реальностью – это не только политически безграмотно,

⁴ Автор использовал материалы интервью А. Егоровой в *Новой газете* (от 4 марта 2016 года).

это вредно для всего и для всех» – и вскоре объявил о прекращении сопротивления боевиков с 1 августа 2009 года.

Тридцатого октября 2009 года Парламент Чеченской Республики потребовал роспуска *телефонного парламента* Ичкерии, состоящего из двух *депутатов* – Саралипова и Бешиева, находящихся в Париже, а также избранного ими *телефонного правительства* Ичкерии в Лондоне, состоящего из двух *министров* – Закаева и Ферзаули.

Ахмед познакомился с усопшим в Ингушетии во время Первой российско-чеченской войны. Будучи замсекретаря Совбеза, *гений интриги* по праву считался ключевой фигурой российской делегации. Тогдашний глава Совбеза и руководитель делегации Иван Рыбкин не раз подтверждал, что договор о мире в мае 1997-го президенты Ельцин и Масхадов подписали главным образом благодаря фантастической настойчивости ныне покойного олигарха.

Болтают, будто бизнесмен отправил в Кремль письмо, в котором просил прощения и заявлял о желании вернуться в Россию. Закаев не верит ни единому слову: не могло быть такого письма. Если бы оно существовало, его опубликовали бы во всех СМИ сразу после отправления. Олигарх до последнего оставался верен себе и не предавал ценностей, за которые боролся.

К послеельцинской власти покойный относился как к диктатуре, которая свернула свободы и на корню задушила демократические процессы, проявившиеся в России во многом благодаря тому, кого сейчас будут отпевать.

Усопший был не только бизнесменом, но еще и одним из ведущих московских политиков (с 1996 года). Конечно, как и все смертные, допускал ошибки, но умел их признавать.

К олигарху иски на сотни миллионов долларов... О чем это может свидетельствовать? О том, например, что у него сохранилось еще немало всякого, если говорить о материальных ценностях. Те 25 или 30 миллионов фунтов, которые он потерял в суде, не могли стать чем-то определяющим в его борьбе, для его материальной базы – тоже. Ахмед не кассир и не бухгалтер олигарха и, конечно, не подсчитывал средств погибшего. Но ему не верится, что у бизнесмена так плохи были дела, что из-за этого он покончил с собой.

Противники Республики Ичкерии хотят, чтобы они закрылись, ушли в подполье, чтобы их не было ни видно, ни слышно. И тогда их борьба будет проиграна московскому режиму.

Закаев жизнь прожил, он немолодой уже человек... Письма с просьбой о прощении, о котором говорил пресс-секретарь Кремля, Ахмед уверен, не дождался от усопшего – и от него не дождутся. А так, время покажет...

У Закаева с Борисом не было совместного бизнеса, но был общий политический интерес. Для олигарха – Россия, для Ахмеда – Чечня. Никаких финансовых вливаний в правительство Чечни за рубежом, которое Закаев возглавляет, никогда не существовало – в этом просто не было необходимости. Ахмед к усопшему с такой просьбой не обращался.

Столько людей – ни одного лица, отмеченного печатью значительности и духовной жизни, ни на одном не заметно следов сердечных терзаний. Кроме, пожалуй, мамы, Анны Александровны, у нее единственной неподдельная трагедия – потеря любимого сына.

«Есть лица, подобные пышным порталам, где всюду великое чудится в малом»⁵, – сказал поэт. На этой скорбной процессии *порталы* так себе – хоть и пыжаты, а значительным, тем более великим, здесь, увы, не пахнет. «Есть лица как башни, в которых давно никто не живет и не смотрит в окно» – *теплее*, пожалуй, да и подходит лучше: *башни* и *башенки*, не освещенные изнутри... Кто эти люди, собравшиеся здесь, – образцы какой незнакомой цивилизации? Инопланетяне или просто существа другого биологического вида? Надолго они перебрались

⁵ Николай Заболоцкий.

на берега *Туманного Альбиона*, пустят ли здесь корни? Много ли им подобных осталось и еще коптит небо на просторах нашей многострадальной родины?

Усопший, кстати, тоже не вызывал симпатии или сердечного влечения российской публики, да и фактурой не отличался – маленький, суетливый, невнятный...

Почему Дубов восхищается им? Почему боготворит сошедшего в мир иной нескладного странного человечка? Для него почивший в бозе олигарх не просто соплеменник – вождь стаи! Стаи, несущей тлен и уничтожение. Какой вид на грешной земле отличается особой всеядной прожорливостью (налетает, как туча, и съедает все живое), да еще и особой плодовитостью? Чей *свободный полет* ассоциируется с одной из самых страшных *казней египетских*? Обратим внимание на ключевое словосочетание – *свободный полет!* Значит ли это, что именно эти существа – истинные поборники свободы, лежащей в основе всякой демократии и особенно либерализма? «Подул сильный ветер, а за ветром налетели на Египет полчища саранчи, сожрав всю зелень вплоть до последней травинки на земле египетской». Усопший, несмотря на тщедушность, был признан сотоварищами абсолютно восхитительным экземпляром – эталоном умной, горделиво-царственной и блестяще образованной мужской особи *саранчи перелетной обыкновенной*: безответственной и безнравственной, невероятно прожорливой, безжалостно пожирающей зеленые побеги нормальной жизни, а заодно и соплеменников с друзьями, оставляющей после себя пустыню, лучше всех кроющей самок и особо плодовитой... и свободной, свободной, свободной, самой свободной, во всех отношениях самой свободной!

* * *

После православной панихиды закрытый гроб с телом доставили к месту захоронения под огромной многовековой елью в глубине от дороги. «Девочки, дочери, выбрали потрясающее место – самое красивое в этой части Англии», – сказал в телефонном разговоре с *The New Times* Юлий Дубов.

Во время церемонии прощания стояла тишина. Процессом никто не руководил, не было поминальной речи, присутствующие не произнесли ни слова – тихие, скромные семейные похороны. Зоя Богуславская, координатор премии *Триумф*, и чеченский политбеженец Ахмед Закаев приготовили прощальные речи, но не стали их произносить. Кто-то из родственников плакал, бросали в могилу горстки земли. В 16:00 на месте могилы установили небольшой деревянный крест с латунной табличкой.

Надпись на могиле в переводе с английского языка звучит так: «Светлая память Борису Березовскому, *Платону Еленину*. Скончался 23 марта 2013 года в возрасте 67 лет. Покойся с миром».

Имя *Платон Еленин* усопший взял в 2003-м, принимая политическое убежище в Великобритании.

Олигарх как магнит притягивал к себе в Лондоне недовольных, которые рады были за деньги кричать о *кровавом режиме* в России, раздавать интервью британской прессе о репрессивной машине Кремля. Теперь на могиле надпись «*Покойся с миром*», а в очередь за его деньгами стоят уже не оппозиционеры, а многочисленные кредиторы и наследники.

Одним из первых с кладбища поспешно уезжает Ахмед Закаев. Остальные тоже не задерживаются.

«Он похоронен, похоронен хорошо. Семья довольна тем, как все прошло, – сказал впоследствии Шуппе. – У всех нормальная ситуация, когда умирают отцы, дедушки, но это аномалия, когда у матери умирает сын, причем единственный сын, занимавший в ее мире огромное место. За этой шумихой люди забывают о том, что у матери умер сын».

После похорон восьмидесятилетняя мать бизнесмена Анна Александровна сказала: «Я довольна тем, как это все произошло». Была на похоронах, не проронила ни слезинки; вече-

ром вместо поминок был товарищеский ужин в любимом итальянском ресторанчике Бориса *Аллоро* близ его *офиса*.

«Семья усопшего осталась удовлетворена тем, как прошли похороны», – сообщил прессе зять покойного. Тело Березовского спустя полтора месяца после смерти было наконец предано земле, но расследование дела о кончине бизнесмена не только продолжается, но и затягивается.

Прошли годы. В прессе появлялись фотографии запущенной могилы Еленина-Березовского. Кто в Англии остался из родственников?

Главная жена Лена, которую он из провинциалки превратил в гранд-даму. Катя и Лиза – дочери. Все не бедствуют. Но на могилу приличную не раскошались. Уж ему-то родственники и жены – за дворцы и виллы, что он им оставил, – могли бы. Ну, жены – первая, вторая, третья – господь им судья. А дочери от первого брака? Как он с Лизкой носился, когда она куролесила, как Катьку любил!

Сергей Соколов, руководитель охранной фирмы: «Меня вид его могилы не удивляет. Просто к Боре приходили, когда от него что-то требовалось, и любили его только за деньги».

Тихий август. Вместо предисловия

Железный август в длинных сапогах стоял вдали с большой тарелкой дичи⁶.

Совсем в другом обличье явилась мне концовка лета 2018-го: какая-то тихая погода, слишком робкое солнце... Ко всему примешивался привкус увядания – вторая половина августа в Петербурге игрой красок и вечерней прохладой напоминает о приближении осени.

Договорился встретиться с журналистом Димой Теткиным – «вечным мальчиком из маленького города», по его собственному выражению, – для записи интервью на радио *REGNUM*. Припарковался у проходной некой бывшей конторы, где в советские времена трудились свои Журбины, а директорствовали собственные Андреи Бабиचेvy. Почему бывшей? Потому что непохоже это на действующий завод, вряд ли там что-то еще производят.

Кажется, я уже был когда-то у этой проходной... Типография Ивана Федорова, что ли? Если не ошибаюсь, типографщикам в начале девяностых не удалось выкупить здания с землей – случились какие-то проблемы с КУГИ (Комитетом управления госимуществом). Здесь теперь не печатают книг, не прессуют обложки, не шивают корешков, просто сдают помещения в аренду – довольно распространенная нынче форма выживания старых предприятий. От прежней жизни осталось нагромождение индустриальных кубов в стиле Жоржа Брака – разновеликих строений середины прошлого века, наспех подкрашенных и опутанных неопрятными наслоениями позднейших коммуникаций. Потрескавшиеся дома, наподобие шепчущихся фантомов, сиротливо жмутся друг к другу, вспоминая давние дела канувшей в Лету советской эпохи.

Что на часах? Минут десять еще есть. Начало записи в четырнадцать.

Ворота настезь. Две расплывчатые фигуры – когда-то маскулинной, а теперь неизвестно какой гендерности, – проспиртованные агендеры, одним словом. Равнодушные стражи у ворот ветхой цитадели одного из осколков советского мира увлеченно обсуждали нечто околофутбольное.

Пришлось довольно нетактично прервать их разговор:

⁶ Николай Заболоцкий, «Ночной сад».

– Послушайте, уважаемые, у меня запись на студии *REGNUM*, позвольте пройти!

Распльвчатые удивленно взглянули на меня, с явным неудовольствием переспросили: «Регнум – радио? – пошуршали засаленными бумажками. – Нет таких, звоните *им*, пусть встретят» – и продолжили увлекательную дискуссию.

Позвонить *им* – большая проблема. Мы с Димой давно знакомы, переписываемся, встречаемся иногда поболтать и пообедать. У меня есть *e-mail* Теткина, *WhatsApp*, мессенджер, есть и номер мобильного. Но Дима – большой оригинал – на телефонные звонки не отвечает, объясняя тем, что не любит телефон. А мне что делать? Звоню-таки на мобильник, пишу на *gmail* – нет ответа.

Болтаюсь у проходной, хожу взад-вперед. Ворота – настезь, машины въезжают и выезжают; стражи тем временем занимаются *своими делами*. Им неинтересны машины, неинтересна и странная персона, фланирующая мимо их неодолимого поста охраны.

Жарко. Время течет и плавится, иногда останавливаясь и затвердевая наподобие теплого бабушкиного варенья.

В 14:30 из-за поворота появился «вечный мальчик», напористо вещая своему спутнику нечто возвышенно-ритмизированное: «Высоко в небе, где падают звезды, как слезы и розы в первых стихах».

Дмитрий обрадовался, заметив меня, будто это оказалось приятной неожиданностью:

– А, вы уже здесь? «Фонарями, проезжающими машинами каждый день прохожу мимо себя», – отречитативил он, возможно, собственные вирши. – Наверное, мимо вас тоже. Оччен-н-н хараш-шо, пойдете... Со мной, – бросил он охранникам и увлек своего спутника и меня в извилистые дворовые проходы, обрамленные допотопными фабричными корпусами. Комментировать опоздание не стал, вдохновленный, возможно, примерами вечно опаздывающих президентов некоторых великих держав.

А потом были студия, интервью... Говорили о работе инженера, о бизнесе, об олигархах, о литературе, о гераклитовой метафоре времени и даже о боевых единоборствах как о театре.

После выхода передачи в эфир мы снова встретились и будто продолжили ранее начатый разговор. В присущей ему отвязной манере Дима заявил, что я как человек интересней того, что пишу: «Многие ваши вещи, особенно записки о Крыме, довольно любопытны, но не кажутся мне первичными».

«Напишите лучше о своей жизни, – добавил он. – В девяностые вы оказались в эпицентре событий, в которых подчас решались судьбы России. Просто воспоминания о том времени, о работе с олигархами, криминалитетом – вы же многих хорошо знали».

Первой мыслью было: «Писать о выскочках запыленных девяностых? Бр-р-р, вряд ли это *герои моего романа*. Не самые духоподъемные воспоминания, да и человеческий материал не особо интересный».

Дима был настойчив: «Попробуйте. Современной публике нон-фикшен может оказаться ближе устаревшего жанра романа».

Меня его идея не заинтересовала, и вскоре разговор был благополучно забыт. Но дружеские советы поделиться собственными впечатлениями о *проклятых* девяностых с неизменной регулярностью поступали от разной пишущей братии, от друзей, однокашников и многих других, кто мне небезразличен.

Опять нон-фикшен, опять публицистика? Несколько лет назад я твердо решил писать только худлит, гнал от себя идею *открывать глаза* общественности на абсурды и парадоксы первых лет так называемой *демократии* в России – не хотелось погружаться в темные времена безвластия, вернее, власти нуворишей-однодневок, не хотелось, чтобы мое имя ассоциирова-

лось с этими весьма влиятельными в свое время, но крайне несимпатичными персонами, ежеминутно *da surgere scelus*⁷, да и сказано о них уже немало.

Но воспоминания о девяностых, сыгравших важную роль в моей жизни, не давали покоя, раз за разом всплывали в памяти, словно демоны из «Капричос» Гойи бились изнутри о черепную коробку, и я дал задний ход. Почему не попробовать? Написать без преувеличений. Попытаться уйти от назидательности и моральных оценок; написать как было – просто собственные впечатления.

Летом 2020-го приступил к написанию «Полета саранчи», постепенно увлекся, и вот книга перед вами, мой читатель. Вы читаете предисловие – довольно старомодно писать авторское предисловие, не так ли? Что делать – Кругосветов вообще старомоден, как все *поколение Кругосветовых*. Если так хочется остаться современным и быть в тренде – можете перелистнуть и сразу перейти к первой части.

Итак, о чем эта книга? В первую очередь, о темных временах.

О которых некогда сказал Бертольд Брехт: «Право, я живу в мрачные времена. / Беззлобное слово – это свидетельство глупости. / Лоб без морщин / Говорит о бесчувствии. Тот, кто смеется, / Еще не достигнут / Страшной вестью»⁸.

А еще Брехт говорил о хаосе и голоде, о резне и живодерах, о возмущении несправедливостью и отчаянии, «когда несправедливость есть, а возмущения нет», о праведной ненависти, уродующей человека, о законной ярости, от которой хрипнет голос.

Вот что писала об этом неистовая Ханна Арендт⁹: «Размышляя о *темных временах*, нужно учитывать камуфляж, производимый и распространяемый истеблишментом – или *системой*. Если функция публичной сферы – проливать свет на человеческие дела, то, значит, наступает тьма, потому что этот свет гасят „кризис доверия“ и „закулисное правительство“, речь, не раскрывающая, а заматающая под ковер то, что есть, и призывы, моральные и прочие, под предлогом защиты старых истин всякую истину низводящие до бессмысленного трюизма». Перевод нам достался неуклюжий какой-то, но смысл понятен.

Все это не ново, добавляет Ханна. Сартр описывал в «Тошноте» мир, в котором все, у кого есть общественное признание, принадлежат к числу *salauds*¹⁰ (знакомая ситуация, не правда ли?), а все, что есть, «существует в непрозрачной бессмысленной фактичности, распространяющей помрачение и вызывающей тошноту». «И это та же ситуация, которую описывал Хайдеггер, говоря о *толпе* и *болтовне*. В человеческом существовании все реальное и подлинное становится жертвой подавляющей власти *болтовни*, возникающей из публичной сферы, упреждая и уничтожая смысл и бессмыслицу всего, что могло бы принести будущее». Почти сто лет прошло – ничего не изменилось. Власть СМИ и социальных сетей огромна – тоталитарная власть *болтовни* ежедневно и даже ежеминутно перечеркивает наше будущее. По существу, мы уничтожаем свое будущее и будущее детей собственными руками.

Какой вывод делает Ханна Арендт? Она говорит о том, что даже в самые *темные времена* «мы вправе ждать какого-то освещения, и это освещение приходит не столько от теорий и понятий, сколько от слабого света, который некоторые люди зажигают почти при любых обстоятельствах и которым освещают отведенный им на земле срок». Арендт пишет именно о таких людях *темных времен* – об очень разных и весьма противоречивых, среди них Карл Ясперс, Готхольд Лессинг, Роза Люксембург, Бертольд Брехт. Они зажигали свет – вопрос только: какой и для кого?

⁷ Порождающими криминал (*лат.*).

⁸ «К потомкам».

⁹ Х. Арендт, «Люди в темные времена».

¹⁰ Мерзавцы (*фр.*).

В моем романе другие герои, и пишу я о совсем других людях: о них самих и об их душах, которые, увы, не светят в темноте, – о *мертвых душах*; они ведь тоже порождение *темных времен*. Люди, сердца которых сжались и заледенели, как ни странно, в самых жарких схватках за деньги и власть. Замерзли или были мертвы задолго до этого?

Книгу можно было озаглавить по-разному: «Мертвые души – 2», «Живые трупы», «Чичиковы и Тартюфы девяностых», «Ниспровергатели и барыги», «Недолгий век зомби», «Счастье андроидов девяностых», «Манкурты Золотых храмов». Но я назвал ее «Полет саранчи».

Названия говорят сами за себя – мне, пожалуй, без каких-то оценок не обойтись, и хотя следовало бы избегать назидательности, авторскую позицию утаить не удастся.

Кого выдвигали *темные времена*, годы безвременья? Увы, Россия девяностых не дала нам светочей прогресса. Вместо них пришли ниспровергатели, разрушители, авантюристы, бесконечно преданные не только идеям так называемой *новой революции*, но и своим вполне земным слабостям: похоти, деньгам, властолюбию, мести, жестокости, эгоцентризму, ханжеству и коварству.

Для кого написан «Полет саранчи»? Обычно книгу адресуют единомышленникам. А кто мои единомышленники, кто сам-то автор – лихой либерал или железобетонный патриот?

В начале девяностых автор скорее либерал, энтузиаст шестидесятых – был полон надежд, поддерживал какое-то время Ельциных-Собчаков-Старовойтовых... Но со временем во многом и во многих разочаровался, и на сегодня я скорее *чужой среди своих, свой среди чужих*. Либералы не принимают меня – я тоже не хочу, да и не могу принимать их всегда и во всем.

Мое любимое радио – *Эхо Москвы*. Но почему от этих уверенных в себе ребят, *эхомосковских* модераторов, столь часто разит махровым большевизмом в защите так называемых *либеральных ценностей*? Почему они видят в разгоне тоталитарных сект – гонение на свободу совести, в критике акционизма *Pussy Riot* – наступление на свободное искусство, а в агрессивной пропаганде радужных знамен – неизменный залог светлого будущего человечества? Почему некоторые модераторы радиостанции сами становятся ярыми пропагандистами? Неужели высокообразованные и достойные уважения ведущие Сергей Бунтман и Ксения Ларина не понимают, что своей агрессивностью, а временами и ограниченностью ставят себя на один уровень с поющими птичками госканалов?

Сергей Николаевич Турчин – главный герой этой книги, а его ближайшее окружение (как правило, без фамилий) – персонажи вымышленные, писательские композиты – своеобразные пазлы, полученные от соединения фрагментов, вырезанных из нескольких прототипов. Любое сходство этих персонажей с реальными людьми – если такое произойдет – автором не подразумевалось и стало результатом случайного совпадения либо свободного полета мысли читателя.

Большинство же остальных героев, достаточно известных широкой публике, названы собственными именами и фамилиями; я описываю конкретных людей такими, какими они остались в моей памяти и памяти других современников, и события, происходившие с ними на самом деле.

Боюсь, мои суждения о некоторых одиозных фигурах, ставших в новейшие времена иконами либеральной тусовки, вызовут резкую критику этой работы, а самого автора – не исключая – сделают нерукопожатным в определенных кругах. В конце концов, это не так важно. Важно другое: если мы хотим иного будущего страны, начинать следует с себя, в том числе вышеобозначенным *иконам*, уже пора! Эту простую мысль мне и хотелось бы донести до моего читателя.

Нам нужны демократические преобразования, не так ли? Мы этого хотим? В девяностые мы тоже хотели. Тогда почему не получилось? Может, виноваты не только те, кто в Кремлях угнездилися? Нам их ведь не с Марса прислали. Почему Россия – как при Сталине, так и теперь – скатывается к пресловутой уваровской триаде?

Делать свободу чистыми руками – вы ответите: популизм – просто сказать, да трудно сделать, разве не так?! Еще незабвенный *дедушка Ленин* говорил: «К чертовой матери этого Парвуса, революцию нельзя делать грязными руками»¹¹. У него самого, правда, не совсем получилось, вернее, совсем не получилось!

Попробуем избежать ошибок девяностых – они еще свежи в нашей памяти. Не сразу, не мгновенно – я уверен – Россия найдет свою дорогу.

А новые Березовские и Патаркацишвили – их много наплодилось после ухода первой партии Борисов Абрамычей и Бадриков, поменялись только фамилии и жены с детьми – пусть летят в теплые края. Для них наступит зима. Мы просто забудем о них. Как в свое время улетели и стерлись из нашей памяти Троцкий, Азеф, Парвус и другие прославленные авантюристы XX века.

Книга, если откинуть пролог и данное предисловие, устроена следующим образом. В нее вложены два романа. Один – о жизни в период от конца восьмидесятых до начала двухтысячных некоего Сергея Турчина, очевидца лихих девяностых. В основе воспоминаний Сергея – хорошо известные автору реальные события, происходившие в *ЛогоВАЗе*, вокруг него и в стране в целом, а также действующие лица этих событий – тоже реальные и весьма публичные персонажи: Березовский, Патаркацишвили, Дубов, Глушков, Литвиненко и многие другие. Второй роман – сравнительное жизнеописание четырех известных в российской истории авантюристов еврейского происхождения: Троцкого, Азефа, Парвуса и БАБа (Бориса Абрамовича Березовского). Первые трое сыграли заметную роль в перевороте 1917 года, БАБ – тоже известный авантюрист, а теперь он трактуется некоторыми еще и как историческая фигура, но уже эпохи революции 1991 года. БАБ – многогранная личность – сознательно или бессознательно впитал в себя многие черты своих великих предшественников.

Части 1, 3, 5, 7 относятся к *роману 1*. Части 2, 4, 6 относятся к *роману 2*.

В первой части Сергей Турчин знакомится с вопросами, которые ему зададут на радио, перебирает в памяти мемуарное наследие девяностых, вспоминает о собственной жизни перед революцией 91-го, а заодно о последних годах восьмидесятых в жизни Бориса Березовского, одного из главных героев этой книги.

В остальных частях – со второй по седьмую – *романы 1* и *2* структурированы схожим образом, а их сюжеты развиваются синхронно. Каждый из них содержит три части, изложенные в естественной последовательности – «Юность» (части 2 и 3), «Зрелость» (части 4 и 5) и «Увядание» (части 6 и 7). В тексте эти этапы жизни иногда метафорически называются *утром, полднем и вечером*. Для главных персонажей обоих романов – БАБа и Турчина – условное взросление заканчивается в начале девяностых – на подходе к революции 91-го, сами девяностые – это пора их зрелости, а ее рубежом становится 2000 год – переход от революции к периоду стабильности. Для Троцкого, Азефа и Парвуса годы созревания, вхождения в революцию 1917-го и начала отхода от дел несколько отличаются.

Главы «Маклауд убивал по-братски» (часть 3), «Лето олигарха» (часть 4) и «У разбитого корыта» (часть 6) выполнены в виде коллажей из вырезок журнальных и газетных публикаций

¹¹ Анна Ильинична Ульянова рассказывала, что ее брат Володя с детства отличался исключительной честностью и порядочностью: «...был большим шалуном и проказником, но его хорошей стороной была правдивость: нашалит и всегда признается». А Михаил Зощенко в «Рассказах о Ленине» поведал, как маленький Володя в течение двух месяцев испытывал угрызения совести после того, как разбил графин, но не сознался, а также о том, что взрослый Ленин однажды дал неточное указание своей подчиненной, но затем признал ошибку, поскольку был исключительно справедливым человеком!

того времени. В вырезках сохранены логотипы изданий, тексты заметок существенно сокращены, но коррекциям и адаптации не подвергались.

В конце книги приводится интервью, данное Турчиным на радио, в котором он пытается дать собственную оценку девяностым в новейшей истории России. Я решил не выделять это интервью в виде отдельной части и включил его как главу в последнюю, седьмую часть книги.

Часть 1. Выход из ковидной спячки

Ковид-затишье

*Бедный человек, говоришь «после нас хоть потоп!» и всего только дергаешь за ручку бачка.
Станислав Ежи Лец*

Был обычный день дождливого июля 2020-го: до кондрашки напугавший всех коронавируса, казалось, начал уступать позиции, когда власти по всему миру, обезумевшие от беспрецедентного распила, решили перевести дух, а заодно дать возможность обалдевшему от самоизоляции и телезапугивания обывателю понемногу возвращаться к обычной жизни. Уже открылись уличные кафе, парикмахерские, массажные кабинеты. Со дня на день начнут работать фитнес-центры и промтоварные магазины. Вирусологи по инерции продолжали страшить народонаселение *новой испанкой* XXI века, но сорвавшийся с цепи усредненный гражданин, считающийся работающим на удаленке, а на деле получивший неограниченный пока сроком, оплачиваемый в полной мере отпуск, рванул по ресторанам, пляжам, шашлыкам на открытом воздухе, забыв о масочном и перчаточном режиме.

Сергею Николаевичу – шестьдесят пять. Лоб украшен волной темных волос с вкраплением возрастного серебра. Стройный, худощавый, грациозными движениями напоминающий породистую борзую.

Взглянем на него со стороны и в один голос скажем: недаром его фамилия Турчин, без генетической экспертизы заметно, что в славянскую кровь его предков закачали немалую долю туркестанских генов – черные брови вразлет, миндалевидные темно-карие глаза и яркие губы чувственного рта контрастируют с бледным аскетичным лицом и впадинами хорошо выбритых щек.

В молодости он стеснялся своей худобы и легкости. Теперь и то и другое – в самый раз! С возрастом меняются акценты: худоба добавляет силуэту изящества линий, легкость превращается в подвижность и молодость.

Сегодня первый выход в город, первый деловой контакт.

До этого они с женой отсиживались на даче в Новотоксове, бродили по лесам, гуляли вдоль берегов Хепоярви и Кавголовского озера, ходили в магазин перед самым закрытием – в десять, пол-одиннадцатого, – когда покупателей почти не было.

Четыре месяца самоизоляции. Иногда их навещали дочь с мужем. Дети еще в марте переболели *коронным* вирусом – встречаться с ними безопасно.

«Так-так, Сергей Николаевич, – он подошел к зеркалу. – Почему, собственно, Сергей Николаевич?»

Человек контактный и общительный, он не любил внешних атрибутов уважения. Уважение должно быть, дистанция с малознакомыми – тоже. Но ему нравилось, когда его называли Сергеем и обращались на *ты*. Даже молодые, особенно если молодые. *Ты* и по имени – так ведь и было до Петра Великого: очень по-русски и совсем не означает панибратства.

Самоизоляция давалась чете Турчиных без труда. Юля, в прошлом телережиссер, отошла от дел и с удовольствием возилась с цветами в саду, Сергей последние восемь лет в основном занимался литературой.

Мир изменился. Телевидение, интернет, видеоконференции, вебинары и прочие *веб-вики* – теперь можно работать дома со справочниками, первоисточниками, видеоматериалами и фонотекой. Профессиональные и дружеские контакты? Нет проблем: соцсети, *Skype*, *WhatsApp* – говори сколько хочешь, пялься друг на друга, пиши сухие деловые или, наоборот, страстные и небезразличные письма. Хотелось бы, конечно, лично увидеть близкого друга, похлопать по плечу, посидеть в ресторанчике, побывать на репетиции своей пьесы, презентовать в Союзе новую книгу... Не хватало конкретной причастности. Сергей решил, что пока это можно пережить – придется отказаться от встреч, зато останется больше времени для работы. Рассказы публикуются, книги издаются, рецензии выходят в периодике и тэпэ.

В общем, все сносно. Его не устроили бы исключительно виртуальные контакты, будь у него любовница, но эти грозы в его жизни отшумели – возможно, навсегда.

Дождь бесцеремонно стучал по стеклам и отливам окон, погода не вдохновляла, но Сергей почему-то ощущал странный подъем настроения.

Сегодня он наденет темный консервативный костюм, белую рубашку, лаковые туфли *Кавалли*. И конечно, деловой галстук... Репсовый полосатый или *Виндзор*? Ну уж точно не *Бало*, не *Аскот* и не *Шарпей!* Только сейчас он понял, как ему не хватало этого «появиться на людях».

Сегодня у него интервью на радио *Зов Петербурга*.

Интерес к девяностым сохраняется, равно как интерес к заметным персонажам того времени.

Любопытно, почему *зовпитерцы* обратились именно к нему?

Сергей не был другом олигарха, сам не олигарх, не политолог, держался подальше от политики – *мелкая сошка*, как сказал о нем однажды Бадри, – в политических тусовках участия не принимал, не был свидетелем эпопей захвата *ОПТ*, *Сибнефти*, ничего существенного не может сообщить об участии фигуранта в Чеченской войне, в избирательной кампании Ельцина 96-го года. Сергея ну никак не назовешь раскрученной *PR*-фигурой.

Сколько претензий в этом нелепом английском псевдониме – *Платон*, да еще *Еленин!* Философ Платон, а еще немножко и «великий революционер» Ленин... как много уже было сказано о *Еленине!* Кто на новенького, кого бы еще они могли расспросить? Многочисленных жен, детей, малолеток-однодневок, приглашенных когда-то для эротического дивертисмента к завтраку увядающего олигарха? Бывших партнеров по бизнесу? Все уже было, заезженная пластинка... Все, как правило, говорят не о фигуранте – на фигуранта им плевать, – говорят о себе любимых.

Может, потому и обратились к Сергею? Он встречался с Борисом довольно часто, в определенный период – раз в неделю. Подчиненный и в какой-то степени партнер, он видел шефа в разной обстановке глазами *человека обыкновенного*. Турчину ничего не надо доказывать. Тогда не надо было, теперь – тем более. Он действительно может сказать и скажет ровно то, что видел и знает... *Ровно то* – вот и он вынес на языке это слово-заноу... Почему они так любили и теперь любят нелепое интеллигентское *ровно* – Венедиктов, Юлик Дубов, БАБ, Ленечка Богуславский?

Преобразование России из сверхдержавы в нищую страну – одно из самых любопытных и драматичных событий в истории человечества. *Платон Еленин*, он же Борис Абрамович Березовский, – в конце девяностых не было другого человека, стоявшего столь близко ко всем трем ветвям российской власти: криминалу, бизнесу, правительству. Не было другого человека, которому сползание России в пропасть принесло столь грандиозные доходы.

Магнаты российского бизнеса унаследовали богатство от Советского Союза, стали *уполномоченными миллионерами*, а Борис построил собственную империю – причем сам, с нуля. Многие внесли посильный вклад в распад огромной страны, но именно БАБ воплотил в себе дух эпохи. Никому не удавалось так тонко улавливать быстро меняющиеся обстоятельства: при каждом новом повороте событий Борис изобретал новые способы наживы. Он поднялся и стал вторым лицом в Совбезе – БАБ креп, а Россия слабела. Почему демократические принципы могли столь безнадежно отравить российское общество? Карьера *Платона Еленина* – так он называл себя в последние годы жизни – возможно, позволяет ответить на этот вопрос.

В Англии он догорал, это было заметно.

Прислушивался ли он к себе? К звуку своей души? Сверял ли этот звук со словарным мусором, которым заваливал уши окружающих? Ему было немало лет. За долгие годы человек приходит к такого рода мыслям: вот была жизнь, а теперь надо смириться, подготовиться к уходу. Теперь уже нет резона жонглировать словами – демократия, свобода, еврейская тяга к деньгам, православие, русский народ... «Я могу, если захочу, из обезьяны сделать президента» – было и такое высказывание¹²... О принципах, чести, достоинстве слов почему-то не прозвучало – наверное, не нашлось. Не хочется, да и обидно – исчезнуть просто так, небрежно, по ходу. Было ли у него желание дойти до тайны жизни, ответить на вопрос: зачем это все с ним произошло? Последние его интервью уже немного такие.

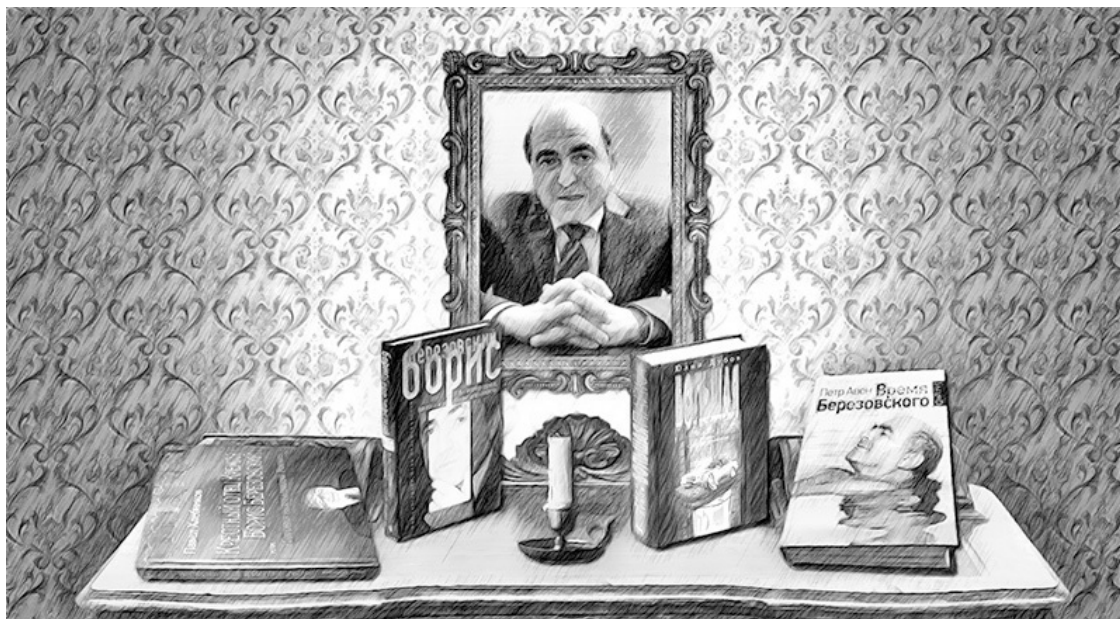
БАБ смотрит в камеру немного печальным, пожалуй, даже прощальным взглядом... Уже почти оттуда, с той стороны завесы. По инерции продолжает сбивчиво печатать языком отработанные за годы *володения умами* штампы, делать так хорошо раньше срабатывавшие театральные паузы, иногда сбивается – зачем он об этом? – и вновь продолжает... Незачем уже обманывать и обманываться. Но ему не остановиться; бежит по инерции – словно курица с отрубленной головой.

Без мысли о смерти ничего в самом себе не разглядеть. И нам в нем тоже. Тайна ухода из жизни – великая тайна есть.

Прошло семь лет, как Бориса не стало, но его до сих пор вспоминают. Он хотел быть на виду, всегда был на виду и тем не менее унес с собой немало загадок.

¹² Артем Боровик, интервью Диброву, 2000 год. https://www.youtube.com/watch?v=K_gwu5cEolc.

Какиаггелие

Сергей ходил по квартире и вспоминал книги о БАБе: он прочел почти все, что было издано о Березовском в последние годы. Заметный человек оставляет след в памяти современников, к нему возвращаются, о нем пишут – мемуары, эссе, аналитические статьи, скандальные откровения. БАБ никого не просил, нашлись добровольцы, которые, сами того не понимая, невольно передали нам его особый *Завет*. Нет, не благовест принес Борис на Землю, не Евангелие. Но и он тоже был своеобразным вестником – не ангелом, но аггелом¹³ – то же греческое слово *αγγέλ*, но без титула: надбуквенного знака для обозначения священных понятий. Уже сформировался свод книг о БАБе; что ж, назовем его *какиаггелием* (*κακήαγγελία*) или просто *аггелием* – дурным посланием.

Сколько этих *Аггелиев* БАБа?

Аггелие от Павла, от Петра, от Юла, от Георгия.

Наверное, есть и другие книги-вестники, которые не примет осиянная как-нибудь вечно живая братия *семибанкирицины*. Но они все-таки есть – как их теперь называть, апокрифами? *Аггелие* от милейшей Саши Нерозиной (скандально известный «Секретный дневник русского олигарха»), например. Фильм НТВ «Неподсудные» (консультант Луговой¹⁴), неудачный в художественном отношении, а в документальном – просто развесистая клюква о благородных и совсем неблагородных офицерах спецслужб. Телевизионный фильм РТ Андрея Кондрашова «*Березовский*», тоже заказной – авторы изложили в нем отдельные факты из жизни уже опального олигарха (2012 год), не особо обременяясь логикой, документальностью и обоснованиями. Зыгарь – вторая глава в книге «*Вся кремлевская рать*» – довольно аккуратненько все подобрано.

Немало тех, кто ничтоже сумняшеся тщился приобщиться к столь благодатному делу – накропать и издать собственные апокрифы об эпатажной жизни известного человека. Им всем далеко до фундаментальных четырех *Аггелиев*. Это, конечно, только личное мнение Сергея –

¹³ Аггел – грамматически искусственный термин для обозначения «злых вестников», или падших ангелов (аггелы сатаны), в отличие от сохранивших свое первоначальное достоинство светлых «ангелов Божиих».

¹⁴ Депутат Луговой станет консультантом сериала НТВ об отравлении Литвиненко. <https://www.ntv.ru/novosti/1272358/>.

кто знает, насколько он прав? Многие старались – и друзья, и враги, и приближенные к телу, и удаленные, и благодетельствованные им (не удивляйтесь – такие тоже есть), и обманутые – лукавые, громогласные Доренки, торжествующие недоучки Невзоровы, обиженные и отодвинутые от кормушки Темнянские и даже Дима Запольский почему-то в их числе – а он-то к БАБу никаким боком!

На радио *Зов Петербурга* Сергей ответит на вопросы журналиста – тоже внесет свой скромный вклад в послание от БАБа. Турчин мысленно перебирал в памяти объемные гроссбухи – описания жизни *великого и ужасного*; нужно ли ему вообще это интервью, зачем возвращаться к давнему периоду собственной жизни, ведь больше двадцати лет прошло? В свое время он сам принял решение покинуть круговерть БАБа, узаконенную тогдашним бомондом *обитель греха*, и никогда впоследствии о том не пожалел. Но девяностые стали для него важным периодом жизни, принесли много плохого, но ведь и хорошего – тоже немало!

Так... Книги о БАБе. Начнем с начала.

«Крестный отец Кремля» – от Пола Хлебникова¹⁵, *Аггелле* от Павла, можно и так сказать, хотя сам-то автор назвал свою книгу «Историей разграбления России».

Летом 1996 года Пол начал знакомиться с деятельностью БАБа, встречался с ним самим, с разными людьми. Первые впечатления о БАБе: высокий интеллект, говорит нервно, четко формулирует, сопровождает речь активной жестикуляцией и взмахами рук.

Правда – вещь текучая и неуловимая, особенно в России девяностых. Многие собеседники Пола этой текучестью пользовались, говорили не всю правду, а лишь некоторую, выгодную для себя часть.

В конце 1996 года Пол опубликовал в *Forbes* статью *Godfather of the Kremlin?* («Крестный отец Кремля?»), в которой обвинил Бориса Березовского в мошенничестве, отмывании денег, связях с чеченской мафией, в заказных убийствах, в том числе в организации убийства телеведущего Влада Листьева.

Борис подал иск за клевету на журнал в Высокий суд Лондона. БАБ считал, что он выиграл суд, и очень гордился этим. На самом деле было мировое соглашение. Суд не присудил Березовскому компенсации, не вынуждал журнал публиковать опровержение статьи. *Forbes* отказался лишь от утверждения, что Березовский организовал убийство Влада Листьева: он и не говорил об этом напрямую, потому что не имел доказательств. В тексте книги Хлебникова, вышедшей в 2001 году, Турчин тоже не нашел буквальных утверждений об участии БАБа в убийстве Листьева.

Вот сейчас на радио его спросят: «Можете ли вы, Сергей Николаевич, подтвердить, что книга написана добросовестно – со знанием всех фактов и обстоятельств?» Сергей лично знал многих фигурантов книги... Да, Пол во многом разобрался, добрался до подноготной БАБа, все сделал, как и положено профессиональному журналисту. Беспристрастен ли он? Не было ли это заказом группировок, противостоящих в то время интригам и замыслам Бориса? Какое сейчас это имеет значение? Если Сергея спросят, он готов подтвердить: да, так и было, факты говорят сами за себя. О работе БАБа в Совете безопасности, исполнительным секретарем в СНГ, о его участии в Чеченской войне – с этим Турчин никогда не соприкасался и потому не может сказать, насколько достоверно Пол описал именно это. Были еще какие-то вопросы – торговля металлами, участие в захвате алюминиевой промышленности... Но то, чему Сергей был свидетелем, описано Полом предельно точно. А пристрастность Хлебникова, праведный гнев редактора *Forbes* и прочая «лирика» – это его личное дело. Хотя можно понять журналиста: в его переживаниях чувствовались страдание и обида за свою многократно – и в прошлом,

¹⁵ Пол Хлебников – правнук контр-адмирала А. Небольсина, потомок декабриста Ивана Пушина. Его семья покинула Россию в 1918 году, эмигрировав в США, где Пол и родился. В 1991 году Пол Хлебников получил докторскую степень в Лондонской школе экономики и политических наук. Владея пятью языками, работал в *Forbes* корреспондентом, затем – старшим редактором. В апреле 2004-го создал русскую редакцию *Forbes*, стал главным редактором журнала.

и теперь – поруганную родину. Сам же Сергей Николаевич Турчин в девяностые не испытывал к БАБу особых эмоций – ни восторга, ни презрения, ни одобрения, ни осуждения, ни любопытства, ни безразличия... Ни-че-го. Орбиты их жизней соприкоснулись и разошлись, но сами они продолжали жить в разных мирах. Как ни странно, со временем у Сергея почему-то проснулся интерес к незаурядной личности БАБа. Особенно сейчас, по прошествии стольких лет.

Пожалуй, *Аггелие* от Павла – самая понятная книга, написанная, видимо, для неофитов XXI века (как в свое время Евангелие от Марка, составленное для молодых язычников-римлян, неофитов I века н. э.).

Совсем другое дело – «Время Березовского»: огромный, всеобъемлющий труд Петра Авена¹⁶, *Аггелие* от Петра, с претензией на всеохватность.

Книга разбита на разделы: «Математик», «Бизнесмен», «Магнат», «Олигарх», «Оппозиционер», «Изгнанник». О БАБе рассказывают друзья, партнеры, женщины, политические деятели, журналисты, случайные попутчики.

Это не исследование – беседы, размышления, мнения различных людей. Многих... Разных... Но все – единомышленники. Что значит единомышленники? Как могут стать единомышленниками мультимиллионеры, вице-премьеры, медиаменеджеры, телекиллеры и девушки с пониженной социальной ответственностью? Да очень просто: они все – одна компания, у них единая философия существования, в одном мире живут – и все, а не только дамы, персоны с несомненно пониженной социальной ответственностью. Отсюда столько общих восторгов! Очень даже *бархатная* книга получилась.

«Вот это времена! – восхищаются они. – Ах, как интересно было в конце восьмидесятых заниматься наукой!» Наукой по-советски – осваивать бюджет, фонтанировать публикациями, выгрызая степени и звания. Потом – бизнесом. Эти сказали друг другу: «Мы заработали по миллиарду долларов». Другие сказали что-то такое же. Третьи возмутились: «Как так, а почему меня-то забыли? Я тоже из науки вышел и тоже свой миллиард сделал». Помните ограниченное, словно бриллиант, выражение Полонского? «*У кого нет ярда, пусть идут в жопу!*»

Чудные были годы, весело! А потом все рванули в политику! Там использовались те же приемы, главное, что *приватизация государства начинается с приватизации его доходов*. Методика отработана. Какие законы, какая такая демократия? Ельцин должен победить Зюганова – и точка! Волошин с Чубайсом должны победить *Примуса с Лужком*. А на этом фоне суперсмелой и суперкреативной борьбы за свободу *семибанкирицины* (термин неточный, было *письмо тринадцати*, значит, правильней сказать: *тринадцатибанкирицина*) давайте еще немного поотхватываем за бесценные лакомые куски бесхозной родины: *ОПТ, Сибнефть, АвтоВАЗ, Аэрофлот, Русал...* Наверное, тогда и были заложены основы будущей *демократической деспотии* современной России.

Вот и обсуждают. Фридман обижается – его не допустили к залоговым аукционам, Авен подтверждает: да-да-да, так и было... А Потанина с Березовским допустили – ах-ах-ах! Все без исключения в восторге от замечательной эпохи бесконтрольного ограбления страны. Все признают БАБа самым смелым, самым отвязным, самым успешным и беспринципным... И обаятельным, обаятельным, обаятельным...

¹⁶ Российский государственный деятель. В 1991–1992 годах – замминистра иностранных дел, председатель Комитета внешнеэкономических связей РСФСР, министр внешних экономических связей РФ. С 1994 года – член наблюдательного совета «Альфа-Групп». С 1994 по 2011 год – президент «Альфа-банка». А что же означает фамилия Авен? Согласно Библейской энциклопедии Брокгауза, Авен («ничтожность», «пустота», «идол») – презрительное именование пророком Осией города Вефиля, именуемого иногда Беф-Авен (или домом нечестия) из-за господствовавшего здесь разврата и идолопоклонства. Несмотря на то что Вефиль был *домом Божьим*, в котором долгое время находился ковчег завета, позднее он стал домом идолопоклонства (золотой телец).

Как же это было отважно и креативно – брать эскортниц, стыдливо называя их просто *девушками*, на совещания к президентам смежных государств, встречаться с другими сильными мира сего то в Англии, то в Америке! Нет, БАБ, безусловно, необыкновенно талантлив, творчески разнообразен, безумно смел. Есть и недостатки у человека – как без этого? Долги, например, не любил отдавать. Особенно обидно, когда тебе. Авену не вернул пять миллионов *зеленых* – совсем пустяки для таких крутых парней! Но что не вернул – все равно неправильно... Познер, еще будучи в Америке, сделал по заказу БАБа работу за свой счет, а тот отказался платить – ему теперь не нужна работа американского журналиста!

Флагманы сегодняшнего бизнеса пожарили бедного БАБа: свой бизнес не умеет планировать... Не умеет планировать, то есть строить с нуля? Конечно, не умеет – ему и не надо с нуля. Всем нравится чеканная формула БАБа – приватизацию следует начинать с приватизации прибыли: поставил своего человека во главе и качай чистую маржу, пока все соки не выкачаешь. Приведу примеры для будущего учебника: вначале ободрали *АвтоВАЗ*, потом *Аэрофлот*, *ОРТ*, *Сибнефть*, далее везде... Никто из уважаемых респондентов не возмутился, да и чему возмущаться? Березовский действительно умел проворачивать аферы лучше многих.

А вот что написал об этом Пол Хлебников: «Он вцеплялся в крупную компанию, высасывал из нее деньги, превращая в банкрота, державшегося на плаву только благодаря щедрым государственным субсидиям. Его словно магнитом тянуло к наиболее кровавым точкам России: бизнес по продаже автомобилей, алюминиевая промышленность, выкуп заложников в Чечне. Многие из его деловых начинаний – от захвата *ОРТ* до перекупки *Омского нефтеперерабатывающего комбината* – были омрачены убийством или случайной смертью ключевых фигур». Ничего, просто ничего подобного мы не найдем в *бархатной* книге Авена.

Но есть другое. Почему-то все мало говорят о БАБе, больше – о себе: «*Мы не смогли, не хватило масштаба, не хватило таланта*». Не в таланте, не в опыте дело. Не хватило чувства ответственности. Не хватило честности и принципиальности. И это грызет, точит. Видно, всем хотелось оправдаться. Показать не БАБа, а себя – и обязательно с лучшей стороны. Мы-то не такие. Нас вот не допустили к залоговым аукционам. Мы работали системно, шаг за шагом, продумывали на два, на три шага вперед. «Что тут обсуждать? – подумал Сергей. – Им всем по душе методы БАБа. Допустили бы до аукционов, до семьи президента, до его приемной, до СМИ, до обмена пленными – делали бы то же самое. Одного поля ягоды». Может, он, Сергей, перегибает – это ведь сослагательное наклонение, его к истории не применяют...

Идеи БАБа – в широкие массы *семибанкищины!* Мощное произведение получилось, поистине *Аггелие* от Петра!

Но почему «Время Березовского»? Не особенно удачное название... БАБ не стал самой крупной и самой влиятельной фигурой того времени. Почему не *время Ельцина*, не *время генерала Лебеда* и *премьера Черномырдина*, например, почему не *время Басаева с Хаттабом*? Почему не *время Япончика* и *деда Хасана*?

«Большая пайка» Юлия Дубова, *Аггелие* от Юла. Ну, Юл, ну, талант – первая проба пера в литературе – и сразу удача! Роман получился легкий, увлекательный, живой, искренний. Герои и события описаны интересно, подробно, узнаваемо. И хотя большинство персонажей, за исключением *Платона* и *Ларри* (аналогов Бориса Березовского и Бадри Патаркацишвили), синтезированы, логика событий, их внутреннее наполнение переданы довольно достоверно. Написано с подъемом, с восхищением, с ремарковской лихостью. Да, Юлик знал все *лого вазовские* перипетии досконально, изнутри – никто другой не смог бы так подробно и точно описать эти события: организация торговли машинами, *мельницы* начала девяностых, проблемы захвата автосервисов в Ленинграде, взрывы на предприятиях, борьба с рэкетирами, выпуск ценных бумаг АВА, перекрестное акционирование АВА и *АвтоВАЗа*, захват *АвтоВАЗа*, работа с льготами афганцев, гибель и предательство героев книги...

Искренне и правдиво рассказано о переживаниях одного из героев, доктора наук (в котором угадывается автор книги), оказавшегося после нескольких лет самоотверженной работы на благо любимой компании отвергнутым старыми друзьями, фактически – ни с чем. Любимую похитили и убили, *ремарковские* друзья отвернулись, жизнь прошла впустую. Сейчас Юл, судя по телеинтервью, выглядит человеком, твердо знающим, чего хочет. Но, видимо, в свое время его могли посещать мысли о жизненном фиаско. Сергей подумал, что Дубов, сам того не понимая, предвидел трагическую судьбу, а возможно, и мысли отцов-основателей *ЛогоВАЗа* – самого БАБа, Бадри, Николая Глушкова, Михаила Гафта.

Юлий Анатольевич – небезразличный человек. Персонажи «Большой пайки» постоянно попадают в самые сложные и самые опасные ситуации. Очень уж хочется автору, чтоб у его героев «все было, а им за это ничего не было»! В общем, получить все, но долгов не отдать, обещаний не выполнить. Отнять, обмануть, заболтать, запугать... В крайнем случае... что в крайнем случае – об этом не говорят. Бизнес – война, на войне все средства хороши. И скелеты – чтобы в шкафу, а где шкаф – неизвестно. *Джентльмены удачи a la russe*. Книга весьма восторженная получилась – романтика, очень поэтическая ода об *олигархах с большой дороги* – удачное выражение А. Хинштейна, не правда ли?

Проницательный петербургский издатель и критик Виктор Топоров в посвященной «Большой пайке» статье «Гибель богов, или Золото матушки Волги» пробует разобраться в мотивациях Дубова-писателя: «Единственным правдоподобным мотивом написания „Большой пайки“ является стремление объясниться с миром, причем в первом лице множественного числа: вот мы какие! Здесь мы стоим и не можем иначе! Объясниться, по возможности оправдаться (ничего, однако же, – но тоже только по возможности – не приукрашивая и не пропуская), но заодно и возвыситься в наших глазах (а уж в собственных – и подавно)».

Хинштейн тоже попытался исполнить собственную ораторию на заданную тему¹⁷. Нет, не прозвучала у вас песня, Александр Евсеевич, – все правильно написали, все точненько, нота в ноточку попадаете каждый раз, как в том анекдоте: *тютелька в тютельку*, но скучно-то как! – очень по-лилипутски получилось. Юлий Анатольевич против вас, Александр Евсеевич, просто великий Гомер – море эмоций, просто буря и натиск!

Вспомним Симпсонов. Гомер Симпсон с детства исповедует ценности лихого и живучего хулигана-двоечника. А его сосед Фландерс, наоборот, – ценности отличника, он подчеркивает *антиобщественную* (ха-ха) позицию Гомера. Ну и на чьей стороне окажутся симпатии читателя? Вот то-то!

Сергей мысленно отметил еще одно достоинство книги – команда пробивных и отвязных *инфокаровцев* не висит в воздухе. То тут, то там появляются различные персонажи, которые в те времена проживали свою немаловажную для нашей страны жизнь. Юлий Анатольевич лизнул не только горячо любимых *Платона* и *Ларри* – до сих пор с дрожью в голосе кланяется и благодарит, благодарит и кланяется, *любит* сладко и страстно, уже и не нужно – нет, ну никак ему не остановиться! Почему? Это отдельный вопрос. Помимо четырех мушкетеров – отцов-основателей *Инфокара*, сквозь ткань романа задумчиво проходит неясная, но *хитромудрая* и особо влиятельная фигура некоего Федора Федоровича, приобретающая особое значение в более поздней книге Дубова «Меньшее зло». А вот в реальной жизни... в одной ли команде оказались мушкетеры *Инфокара* и разные серые кардиналы из «Большой пайки»? Это большой вопрос. Но мы с вами, да и Сергей Николаевич тоже, можем пока оставить за скобкой Эф. Эф. и других влиятельных персонажей, лихо и далеко за пределами общечеловеческих норм решающих с подачи *инфокаровских* рыцарей плаща и шпаги захребетные и даже временами вполне людоедские проблемы, потому что нас сейчас интересует только история жизни и нравственный императив – да-да, не больше, но и никак не меньше! – *великого и ужасного* БАБа.

¹⁷ Александр Хинштейн, «Березовский и Абрамович. Олигархи с большой дороги», 2013 год.

Вот мы подошли и к четвертому *Аггелию* – от Георгия – «Березовский. Автопортрет, или Записки повешенного» под редакцией американского историка российского происхождения Юрия Фельштинского. Слова – вроде самого БАБа, скомпоновано и подобрано Фельштинским. Кто здесь в большей степени автор? Послание от БАБа – это *Аггелие*, а кто составил? Пожалуй, все правильно – *Аггелие* от Георгия.

Сам БАБ говорит о себе – собственные устные словоизвержения, положенные на бумагу его штатным *летописцем* Фельштинским.

Почитаем, как пересказывает идеи *повешенного* достославный *аггелист*. Сергей Николаевич взял в руки книгу и погрузился в чтение.

«Я счастлив постоянно», «Я все детство дрался» – врет, наверное, но звучит неплохо.

«Первый мой учитель – академик Трапезников, настоящий аристократ. А настоящий аристократ отличается от обычного интеллигента тем, что для него экономическая мотивация не доминирует!» Вот, оказывается, каковы нравственные ориентиры БАБа – весьма неожиданно!

«Я никогда не переступал внутреннюю этику и мораль. Поэтому я последователен во всем».

«Против совести, убеждений не шел, потому и счастлив внутренне».

«Незлопамятен. Меня часто предавали помногу раз».

«Меня выбивают из себя неожиданные звонки, касающиеся детей».

«Что касается любви – я не пребывал ни в чем, кроме любви. Любовь важнее всей моей жизни».

«Женщины меня не предавали. Я не представляю себе ситуацию, чтобы женщина, которая много лет была близка, могла пойти против меня с иском».

Какой же романтический образ живописуется, как он себя подает, этот БАБ, – красивый, благородный, сильный человек! Очень интересно, пойдём дальше.

«Мы рождаемся с геном веры – чтобы не убивать, не красть, не возжелать жены ближнего своего (и далее списком десять заповедей)» – да полно, друзья, о ком вы это, ужель о самом *БАБЕ великоленном*? Что-то мало похоже на Борю Березовского!

«Православие, более чем что-то другое в России, в состоянии помочь определить правильные ориентиры» – ого, начались настоящие откровения!

«Эстетика – более широкое понятие, чем изменение общественного строя!» – вершина нелепости и самомнения! Или пока еще не вершина?

«Наступило время новой эстетики, которая определяет новые этапы развития. Христос определяет, что перед другими надо вести себя как перед самим собой!» – без комментариев.

Дальше опять о себе благостно: «Мы делали все законно! Друг в друга не стреляли, олигархи – точно нет!»

«Я хочу жить в согласии с собой, с Богом и так далее». Что означает «и так далее»?

«Я не занимаюсь политиканством, интригой. Разводка окружения – это не политика!» («Появление БАБа в клубе Ельцина сразу после взрыва, заявление, что покушение было организовано спецслужбами, истерика Лесневской после убийства Листьева с обвинением Гусинского и Лужкова – это не политиканство?» – подумал Турчин.)

Сергей попытался понять, что может быть общего у столь разных персонажей, как Б. Березовский, Г. Гудков, С. Миронов, А. Митрофанов, В. Жириновский, С. Кириенко, В. Матвиенко, В. Шендерович, М. Ходорковский, А. Литвиненко? Все они – *бывалые*, отличающиеся от «обычных людей» одной необыкновенной способностью: у них всегда готов ответ на любой вопрос. Особенно хороши *Киндер-сюрприз* и *Плавленный Сырок*. Хотя *Сгорякружка* – тоже хороша. О таких *бывалых* писал давний приятель Турчина:

«*Бывалые* отличаются особой независимостью и борзотой. Знают точное решение любых проблем. У них готов рецепт на все случаи жизни. Если выясняется, что нельзя действовать

так, как они предлагали, возникает новое решение. Если и это решение неудачно – находится третий вариант. Почему вы так уверенно предлагали первый вариант? Это было правильное решение в определенных обстоятельствах и в определенный момент».

Чубайс в *Аггелии* от Петра сказал о БАБе: «Его позиция легко менялась на противоположную и при этом так убедительно доказывалась, что после всего он сам верил, что она не менялась, и остальные тоже».

«*Бывалость* – главное свойство характера этих людей, как правило – бывших комсомольских вожаков. Все они выходцы из комсомола». БАБ и комсомольцем был, и Совет молодых ученых возглавлял в ИПУ – смолоду был *молодежным вожаком* по призванию. Оттуда и принес бойкость своих всеобъясняющих речей.

Вернемся к «Запискам повешенного».

«Я не занимаюсь теневой политикой, все делаю открыто и декларативно. Основная идея моего политического присутствия – выиграть не власть, а страну!» У этого человека не было ограничений, и пределов ему не положено – он мог не задумываясь говорить на любую тему и декларировать любые цели.

«Современная технология противоречит лицемерному образу жизни».

«Свобода – система внутренних ограничений, десять заповедей, в их рамках – что угодно». Опять – не воруй, не возжелай жены ближнего, не убий! Будто не о себе говорит – артист непрофессиональный, но, несомненно, талантливый – настоящий лицедей!

«Я чист перед собой!» («Не изменял себе любимому», – подумал Сергей.) «Любовь к другому – высшая степень эгоизма!»

«Меня не волнует, что народ думает обо мне. Народ – понятие абстрактное». И тут же: «Я постоянно вынуждаю наш недальновидный народ признаваться в его заблуждениях». Как это можно, ведь народ только что был абстрактным понятием?!

«Христос говорил то же, что и Моисей, но в другом гносеологическом аспекте» – сами-то подумайте, Борис Абрамович, что вы такое сказали?

Ну и напоследок: «Как говорил академик Ракитский, национальная идея России – чистый сортир!» Ну хватит уже безответственной болтовни, да и напыщенных благоглупостей – тоже хватит!

В предисловии книги Алексей Митрофанов назвал БАБа *лондонским мечтателем*, который проиграл битву с Системой – вообразил самого себя Системой, а был просто *смазкой*. Он был игроком, истина для него была понятием договорным. На суде с Абрамовичем, представлявшем тогда Систему, англичане выбрали Систему «Что случилось потом – неважно, – пишет Алексей. – Политика и бизнесмена Березовского больше нет. Он не делает публичных заявлений, не наносит публичных ударов, не плетет публичных интриг. Игра закончена. Забудьте!»

Пожалуй, сам Фельштинский, сформировавший книгу, лучше многих подвел черту под неискусными упражнениями своего заказчика: «Для БАБа никогда не существовало морали. Не было такого понятия в его организме. Ему нужны были только кайфы, Бориса интересовали только победы».

Ну что же – его можно понять. Как говорил Джон Рокфеллер: «Знаете, что доставляет самое большое удовольствие? Видеть, как приходят дивиденды от вложенных усилий».

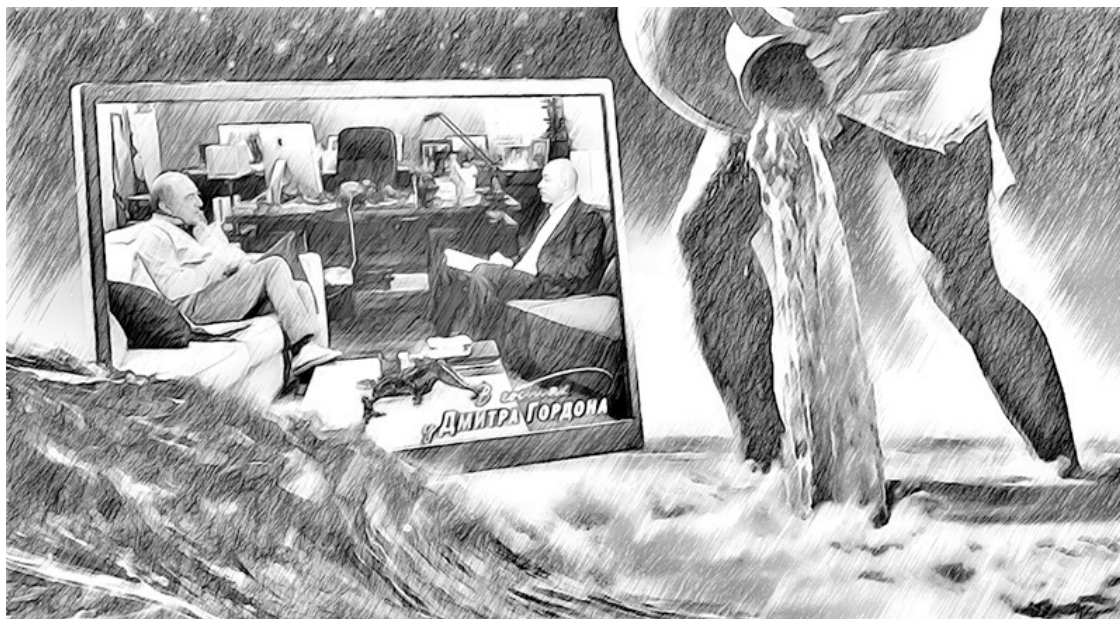
«Шагреновая кожа его жизни в Лондоне сжималась, – пишет Фельштинский. – В 2004-м, когда Путин пошел на второй срок, с кайфом стало плохо. Появились Украина, Грузия, Киргизия.

2006-й – гибель Литвиненко, первая страница эпилога. Февраль 2008-го, уход Бадри – вторая страница эпилога.

2012-й – мировое соглашение с Инной Патаркацишвили, вдовой Бадри, иск против Анисимова.

Он одерживал победы, пока вектор его движения совпадал с Кремлем».

Скромное обаяние буржуазии

Сергей Николаевич погуглил – Водолей: «Люди, рожденные под этим знаком, вероятно, самые загадочные. Не всегда нам по силам постичь их логику, движение мысли и способность реализовать свои планы в жизни самыми невероятными способами. Мужчины – бунтари, лишённые предрассудков, для них не существует авторитетов. Однако многие *Водолеи* отличаются психическими отклонениями, повышенной нервозностью и аутичностью».

Аутичность?

Ну а что об этом пишут? *Три признака аутистического спектра: дефицит способности начинать и поддерживать социальное взаимодействие, ограниченные интересы, часто повторяющиеся поведенческие действия.* Первое – вряд ли, второе и третье – может быть. Похоже на какие-то преодолённые или частично скомпенсированные детские комплексы.

Нет навыков разделённого внимания и взаимности при контакте, нет согласованности с партнером. Вполне возможно. БАБ часто говорил, что не разбирается в людях. Женщин не любит, а *жалеет*. Кто-то писал о его неспособности к сопереживанию – своеобразный душевный аутизм.

Не хочется думать о БАБе исключительно в негативном ключе. Многие восхищались обаянием Бориса Абрамовича. Многие – в том числе и весьма достойные: Юлий Дубов, Петр Авен, Станислав Белковский, Леонид Богуславский и даже Владимир Познер. Сергея всегда это немного удивляло – сам он не испытывал к Борису пиетета. Впрочем, и не был с БАБом по-настоящему близок – их связывали только деловые контакты. Может, посмотреть что-то из последних интервью? Освежить в памяти образ *великого и ужасного*? Все-таки прошло немало лет, многое забывается с годами.

Гордон – Березовский, *Ютуб*, третья серия от 2012-го. Первое впечатление – прекрасное! Человек говорит о том, что выстрадал и хорошо знает, – тепло, интеллигентно, держится скромно и в то же время респектабельно.

«Думаю о политике непрерывно. Я это люблю» – милые, домашние, доверительные объяснения, неофициальный тон разговора, теплые, немного поучительные интонации. Прекрасный рассказчик, речь журчит, иногда усиливаясь, иногда прерываясь паузой, грустной, чуть

растерянной улыбкой, вздохом усталого, умудренного многими знаниями и многими печальми человека.

«Ельцин – величайший политический деятель России всех времен. Он показал мне, что такое политика».

«На площадь сейчас выходят люди, рожденные не в СССР».

«Я не виню никого – ни Володю, ни Романа, – виню только себя».

«Лихие девяностые... Лихие – не в смысле плохие, нет – смелые и свободные!»

«У Лужкова сейчас неприятности. Жалею Лужкова, жалеть – не значит любить. Жалею как православный человек».

Гордону нравится теплая, семейная интонация их беседы.

Не слишком ли много БАБ себя хвалит? Просто дифирамб поет: *я оптимист, всегда чувствую себя комфортно, постоянно счастлив, испытываю полное удовлетворение от вложения в революцию Украины, любил только своих жен...*

Турчину чудится что-то знакомое в миленьком образе рано состарившегося мальчика (в 2012-м БАБу 66 лет) с тонкими ручками и ножками, никогда не знавшими трудного мужского труда, в бойкой скороговорочке, незамутненной уверенности в своей вечной правоте и незыблемом превосходстве – над всеми мыслимыми и немыслимыми оппонентами. Ба, да это же *Плавленный сырок*, Виктор Шендерович, – тоже *бывалый*. Похоже еще на Сергея Пархоменко – *не волнуйтесь, я все объясню!* В речи БАБа подсознание Турчина непроизвольно отмечало мусорные, квазиинтеллигентные обороты из арсенала почти всех ведущих *Эха Москвы: такая история, другая история, опять же, значит, ровно...* Кстати, и Юл Дубов, когда-то весьма симпатичный ему, до сих пор грешит этими неуместными *«ровно»* и *«история»*.

«Мои политические прогнозы всегда оправдываются. Не знаю случая, когда не оправдались». Время уже расставило точки над *i*, ничего из его великих предвидений не подтвердилось: что кого-то «вскоре вздернут на рее», что «инаугурации в 2012-м не будет», что Ходорковский выйдет только после ухода ВВП, о судьбе России вообще, о *Единой России*, о скором и триумфальном собственном возвращении.

И вот что еще неприятно резануло Сергея Николаевича: было заметно, что БАБ получал особое удовольствие, называя Юмашева – Валей, дочь Ельцина – Таней, Волошина – Сашей, Суркова – Славой, а Путина – естественно, Володей. «Когда мы были дружны с Володей...» Как это щекочет Боренькино самолюбие – прям мягкой кисточкой по пузу! Так и хочется добавить за него – *моя семья, моя мишпуха...* Да, звучит довольно провинциально. Но ведь у него есть и своя, настоящая семья. Хочется спросить: как случилось, что в приличной, скромной и в советском смысле абсолютно благонравной семье родителей БАБа вырос такой шустрый и отвязный сынок?

Сергей Николаевич поймал себя на мысли о том, что ответы БАБа – всего лишь красиво выстроенные легенды: о потрясающей дружбе с Бадри; об информационных технологиях как втором пришествии Христа, которое сделает жизнь прозрачной и избавит человечество от привычного вранья детям, близким, любимым; о полной некоррупционности окружения Ельцина; о кавказских сепаратистах как людях слова и чести; о тактильных ощущениях и ревности, главных признаках *настоящей любви*, и о многом другом. В его сказках – ни понимания жизни, ни слова правды. Досужие размышления невоцерковленного и довольно невежественного БАБа об иудеохристианской истории заканчиваются финальной максимой: «Христос сказал, что любовь выше свободы!» Гордон счастлив. Оба счастливы. Гордон спрашивает, что такое любовь. БАБ с придыханием и загадочно улыбаясь шепчет: «Моя формулировка: *любимый человек – дополнение до цельного!*» (Почему не до целого, а именно до цельного? Многозначительно и бессмысленно, по мнению Турчина.) Гордон в восторге от возможности подыграть, БАБ скромно опускает глаза, восхищенный глубиной собственного высказывания – ух ты!

«Почему я скатываюсь к негативу? Это не годится, – остановил себя Сергей. – БАБ много достиг в бизнесе, стал политиком федерального уровня, впоследствии – прославленным, авторитетным изгнанником, лондонским сидельцем, обласканным западной прессой...»

Сергей знал Бориса до 2000-го, на радио он не будет говорить о том, что стало с БАБом позже. А у Гордона – 2012-й, поздний период. С виду уверенный в себе, возможно уже больной – человек в телевизоре безостановочно генерирует сгустки безответственных утверждений, касающихся самых различных областей человеческой деятельности – почему этот шустрый Гордон поддакивает всем его ахинеям? Конец близок, БАБ все потерял. Его сознание по инерции борется, он еще пытается верить в успех, верить, что победит Систему, что победит весь мир, а подсознание шепчет: «Все!» На самом деле он уже знает о своем поражении на всех фронтах.

Это не тот Березовский, каким мы знали его в зените сомнительной славы и раздутого подконтрольными СМИ успеха.

Было время – ему казалось, жизнь удалась: женщины, путешествия, работа, власть – когда-то он жил на полную катушку, но не в 2012-м. Пусть олигарха судят другие, Сергей не судья ему. И потом – БАБа уже нет. Что за радость оттоптаться на могиле мертвого льва? Почему, кстати, за его могилой никто не ухаживает? Где все эти любящие и преданные жены, дети, где сонм наложниц и девушек на час?

«Буду говорить как есть. Негатива, конечно, не избежать, но на *Зове* надо постараться дать объективное, беспристрастное интервью. Тем более что личных претензий к Борису у меня нет. Девяностые – лучший период моей жизни, и в значительной степени – благодаря работе в *ЛогоВАЗе*. Посмотрю-ка вторую часть *Гордон-БАБа*».

Борис говорит: «У Медведева клиника, он хронический больной. Я могу разобраться в любой проблеме, можно открыть книгу...»

Его учили: если ты знаешь свое дело в науке – можешь объяснить работу кому угодно. Он проверял на маме, объяснил ей обе свои диссертации, и она поняла. Мама, наука, учителя – звучит тепло, по-человечески, обаятельно! Борис понимает, что искусно выстроил линию беседы, делает умильную гримасу и в этот момент теряет нить рассказа... О чем, собственно, они говорили? Чтобы заполнить ненужную паузу, очень проникновенно произносит: «Поэтому...» Опять пауза... «Поэтому... Если не можешь объяснить – дело нечисто». Гордон понимающе кивает – ой, нечисто! Кто не может объяснить, с чьей стороны нечисто?

Ах да, они говорили о Медведеве, о последнем президенте! Так вот, оказывается, он карлик. И дело не в росте – дело в том, что он себя не самоидентифицирует, не может принимать самостоятельные решения, не ощущает мир. Речь его развита, но бессодержательна! А выдает Медведева якобы оговорка «мои слова отлиты в граните» – оговорка, конечно, по Фрейду (*а почему не по Маклюэну, например?*), но он реально не понимает. Все смеются... «Дурилка картонная» – опять смеются! Потом о разных кандидатах – этот несамостоятельный, тот глуповатый, а тот хорошо исполняет задания, которые дает хозяин (это о Чубайсе, кстати)... Еще один – ум есть, адекватности нет (о Явлинском).

Турчин подумал: уж не о себе ли БАБ рассказывает? Большая голова, узкие плечики, детский ротик с упрямо поджатыми губками; речь развита, но практически бессодержательна, ум есть, адекватности нет – БАБ действительно плохо понимает, о чем говорит. Может, это у него *болезнь карликовости* – не физической, а человеческой? Карлик, всю жизнь мечтавший стать великаном...

Возможно, маразм жизни Березовского в тот период (после 2010 года) был естественным продолжением маразма и фальши периода его советской – так называемой научной – деятельности, в которой он обменивал колеса и запчасти с *АвтоВАЗа* на степени и звания, торговал постельным бельем в Махачкале, тогда же вступил в партию, чтобы сделать карьеру, соблазнил деньгами жену друга и благодетеля, а потом имел одновременно три семьи – настоящий Сан

Саньч Любомудров из «Прохиндиады», живущий по принципу «Ты – мне, я – тебе», – все начиналось весело и забойно, словно увертюра первоклассного водевиля!

Но Борис знал и другие времена, когда, несомненно, слыл настоящим *бывалым* – с ним считались, его боялись.

Был ли он ключевой фигурой в избирательной кампании Ельцина 1996 года? Важной, но не ключевой. Тогда вопросы решали Юмашев, Дьяченко, Чубайс, возможно, Виктор Илюшин – те, кто имел доступ к *телу* (БАБ такого доступа не имел).

Нельзя отрицать – Березовский многое сделал в тот период для аналитической группы Чубайса. Вся мощь подконтрольных ему *Первого* и *Шестого ТВ-каналов* была брошена на очернение Зюганова, главного конкурента действующего президента. Он сумел перетянуть на сторону Ельцина генерала Лебеда, участвовал в переговорах с чеченскими сепаратистами, содействовал заключению Хасавюртовских соглашений.

Но вот что самое главное: не было равных БАБу в организации провокаций – высосанная из пальца интерпретация покушения на президента *НФС* Б. Федорова, публикация в *Новой газете* (подстрочник составленной из нескольких кусочков пленки об угрозах президенту *НФС* со стороны силовиков), своевременная и *правильная* подача случившегося *семье*, *искусное* освещение кокаинового скандала с тем же Федоровым – все, что привело в итоге к разгрому группировки Коржакова, Барсукова, Сосковца и их увольнению. А что же президент *НФС*, его ведь чуть не убили? Стрелецкий писал: «Для Березовского люди делились на две категории: презервативы в упаковке и использованные презервативы. Как только человека используют, Березовский его выбрасывает».

В результате Коржакова, Барсукова, Сосковца (а еще и Стрелецкого) сделали *козлами отпущения* в деле о *коробке из-под ксерокса*. Так все-таки – была коррупция в избирательной кампании Ельцина или нет? «Исчерпав все возможности, следствие не установило источник, из которого были получены изъятые доллары», – объяснил генпрокурор.

Третьего июля закончился второй тур выборов, Б. Ельцин вновь стал президентом России. Западные наблюдатели пришли к заключению, что «выборы были свободными и честными».

Свободными – пожалуй, но никак не справедливыми.

Сам БАБ говорит: «Никого из претендентов не убивали, не арестовывали, не выгоняли из страны – значит, выборы были демократическими!» – говорит с кривой ухмылкой, не особо доверяя собственным словам.

Правда ли то, что он стал ключевой фигурой при создании избирательного блока *Единство*, когда пытался перетянуть на сторону президента губернаторов, поддержавших блок *Отечество – вся Россия (ОВР)* Лужкова – Примакова? Блок *Единство*, выигравший у *ОВР* на выборах в Госдуму третьего созыва, стал впоследствии основой партии *медведей Единая Россия*. Может, именно он оказался человеком, протолкнувшим Путина на роль преемника? И то и другое маловероятно. Настоящим мозговым центром, к которому прислушивался президент, стала тогда группировка Юмашева, Дьяченко, главы президентской Администрации Волошина и его молодого перспективного помощника Владислава Суркова.

В тот момент в российской прессе величали БАБа *серым кардиналом Кремля*, он сам всем рассказывал, что политика *семьи* – продолжение его гениальных прозрений. Да, он переманил в *Единство* губернаторов, но потом потерял интерес к работе по партийному строительству. Да, к нему прислушивались Таня и Валя, но Ельцин – недолюбливал. Осенью 99-го в Кремле было общее понимание: «Борю надо сливать» – своей суетой и бесконечными советами и комментариями он утомил Дьяченко, Юмашева, Волошина, да еще и Абрамовича, ставшего к тому времени *кассиром семьи*.

Что касается преемника – тут нет сомнений: это был выбор самого Ельцина.

Тем не менее БАБ был действительно мощной фигурой. Он придумывал иезуитские многоходовки – вышеупомянутая *пленка Федорова*, операция «Мордой в снег!» Гусинского, *откровения* группы товарищей из ФСБ во главе с Литвиненко, которым якобы было дано задание убить Березовского. В результате он часто добивался очернения и устранения конкурентов или отказавших ему в сотрудничестве по принципу «Ты – мне, я – тебе» – директора ФСБ Н. Ковалева (после публичного выступления Литвиненко), первого вице-преьера А. Чубайса (после отказа Березовскому в захвате *Связьинвеста* и *Газпрома*), генпрокурора Ю. Скуратова (после возобновления им дела об убийстве Листьева), премьер-министра Е. Примакова (добившегося открытия уголовных дел по *Аэрофлоту* и *Андаве*, по мошенничеству и отмыванию денег в *АвтоВАЗе*, по фальшивым авизо в 1992–1993 годах в подконтрольном Березовскому *СБС-Агро*), мэра Москвы Ю. Лужкова (идущего вторым в тандеме с Примаковым на президентские выборы). «Увольнение Примакова было моей личной победой», – заявил БАБ в интервью французской газете *Le Figaro*. Да, это был выдающийся успех даже для такого мастера политических интриг.

С помощью подконтрольных СМИ он оказывал жесточайшее давление на премьера Кириенко, организовывал массовые продажи ГКО, финансировал забастовки шахтеров... В конце концов *семибанкирищина* в 98-м опрокинула финансовую систему России, в результате чего Кириенко тоже был снят.

БАБ создал собственную разведывательную службу *Атолл*, шпионил за всеми, шантажировал *семью*.

На ключевые посты расставлял своих. Ему было недостаточно, что премьером стал лояльный Степашин, первым замом Степашина БАБ пробил нужного ему Аксененко, министром МВД – Рушайло, с которым ранее работал в Чечне, главой президентской Администрации – Волошина, в прошлом партнера по проекту *А WA*. Он хотел все решать и всем управлять.

Опустил Гусинского, поднял Гусинского; снял Чубайса, поставил Чубайса; поставил Лебеда, снял Лебеда. И везде свои люди... Он так считал, он много говорил о своей решающей роли. И довольно часто это было именно так. БАБа просто распирало от ощущения собственной значимости. Великий манипулятор, шофер на втором сиденье. Ему казалось, что новый директор ФСБ, назначенный вместо Ковалева, новый премьер, назначенный вместо Степашина, и новый президент, выбранный в 2000-м, – тоже его креатура, которая непременно гарантирует БАБу иммунитет от расследований и судов. Жизнь показала, как горько он ошибся. Но Березовский долгое время продолжал верить в свою звезду и собственное всемогущество – близорукость или банальная наглость? Уже плотно обосновавшись в Лондоне, он выходил к посольству РФ с плакатом «Я тебя породил, я тебя и уйму!», заявляя о намерении устранить российского лидера, – но это потом.

В октябре 1996-го, став госчиновником (замсекретаря Совбеза РФ), он вновь активно занялся выкупом заложников в Чеченской войне, а по существу – торговлей живым товаром. «Ничего не поделатъ – война всегда была и будет. Зато какой бизнес!» – высказывание вполне в русле воспеваемых им христианских добродетелей!

Как здорово: поймал человека, перепродал за казенный счет, что-то и самому перепало. И вот к нему приходит настоящая слава – освободил корреспондента *НТВ* Елену Масюк, потом – Валентина Власова, полпреда РФ в Чечне, британских волонтеров Джона Джеймса и Камиллу Карр, комиссара ООН Винсента Коштеля – сотни, тысячи *кайфов*! Помогал ему генерал А. Орлов, помощник заместителя, а потом и министра внутренних дел, гроза Москвы и окрестностей, получивший за свои геройства орден Мужества. Чем помогал? Лично приезжал в аэропорт, чтобы БАБ мог пронести на борт чемодан *зеленых* без проверки. Иногда и сам доставлял деньги. Где теперь ловкий генерал, впоследствии многократно судимый за воровство и коррупцию, бежавший по подложным документам за рубеж?

Чечня всегда была козырной картой БАБа. В марте 1999-го в Грозном похищен полпред МВФ РФ в Чечне генерал-майор Шпигун (БАБ был тогда исполнительным секретарем СНГ), а в августе группировка Басаева и Хаттаба вторглась в Дагестан, так началась Вторая чеченская война. Со временем выяснилось, что незадолго до вторжения БАБ передавал крупные суммы денег Басаеву и Удугову. Об этом говорил Масхадов, впоследствии и сам БАБ это признал.

После отъезда из России его комбинации и многоходовки по-прежнему отличались хитроумием и размахом: представление ложного доноса в Лондонский суд – чтобы избежать экстрадиции БАБа и Ю. Дубова в Россию; создание фиктивной партии *Либеральная Россия*; опасные манипуляции с кандидатом в президенты И. Рыбкиным и вывоз его в Киев; непонятные смерти множества связанных с ним политических деятелей; заигрывания с цветными революциями на Украине, в Грузии и Киргизии. Но это все произошло после того, как он стал не союзником, а противником Кремля, и успех уже не сопутствовал ему в полной мере.

Сколько же всякой всячины случилось на веку этого невзрачного, чрезвычайно шустрого человечка – иному хватило бы на десять жизней. Нет у него биографа. Пол довольно подробно описал жизнь Березовского – но лишь до 2000 года. Хинштейн зафиксировал только то, что можно разглядеть через бойницу бумажных документов – подробно, точно, но довольно плоско. А ведь БАБ был живым человеком – даже очень живым! Получилась скучная книжка из серии *ЖЗЛ*. Дубов написал весьма подробно, но это истории до 1996 года, не позже и слишком уж комплиментарно. Ю. Фельштинский в основном напирал на *как бы философские* размышления *повешенного*. Мало, совсем мало экшена, а ведь именно нестандартные действия, стремительные поездки и фантастические *подставы* и *разводки* составляли основное содержание и интригу плутовского романа жизни *великого* и неповторимого БАБа. У М. Зыгря о Березовском фрагментарно: описан кусочек жизни нашего героя – конец 99-го и начало лондонского периода, и то лишь отдельные эпизоды.

Сергей нашел книгу Никиты Чекулина «Не своя игра». Было интересно заглянуть с ее помощью в лондонский офис опального олигарха. Здесь он встретил своих старых знакомых – Бадри, Николая Глушкова, Юла Дубова, *логовазовскую* экономистку Наташу Носову. В офисе бывали известные люди: доверенный человек Сороса мрачноватый А. Гольдфарб, подчеркнута отстраненный *биограф* Ю. Фельштинский, медиаменеджер Д. Кудрявцев, адвокаты Березовского – Р. Герсон и Дж. Мензис, зять БАБа Е. Шуппе, один из лидеров *Либеральной России* С. Юшенков, коварный М. Коданев, парламентарии Ю. Рыбаков и С. Ковалев, кандидат в президенты И. Рыбкин, представитель чеченских сепаратистов А. Закаев, вечно интригующие А. Литвиненко и его жена. С БАБом в Лондоне встречались всезнайка С. Белковский, громогласный С. Доренко, корреспондент газеты *Коммерсантъ* талантливая Наталия Геворкян, один из лидеров *КПРФ* В. Видьманов, главред газеты *Завтра*, истинный «поэт-патриот» А. Проханов, неистовые журналисты А. Политковская и А. Бабицкий, бесконечно звонил плохо разбирающийся в людях Б. Немцов. Разные персонажи – много очень приличных, а все равно гадюшник. Где были глаза Политковской, Немцова, Рыбкина, Юшенкова, Ковалева? Зачем они лезли в эту клоаку? Оппозиция должна быть, но не во главе же с человеком без чести!

«Если я все это скажу на *Зове*, сразу стану нерукопожатным в либеральной тусовке, – подумал Сергей. – Дело не в этом: надо избегать крайних суждений. Просто ограничусь тем, что знаю лично, с чем сталкивался в девяностые».

Вокруг БАБа, как всегда, было очень интересно, жизнь кипела. Говорят, выпускался *Колокол*, но не герценовский, конечно, – правда, как ни гуглил, Сергей его не нашел. Не виден он из Петербурга. Про всю эту тусовку не скажешь словами Шиллера: *Vivos voco; mortuos plango; fulgura frango* («Зову живых; оплакиваю мертвых; сокрушаю молнии»). Ни живыми, ни мертвыми, тем более молниями там не интересовались.

Н. Чекулин на биографа все равно не тянет: описывает только лондонский период жизни БАБа, и то не весь – до 2004 года (в это время Чекулин вернулся на родину). Но самое главное – его книги о БАБе носят явно провокационный, а возможно, и заказной характер. Биограф не должен быть ангажирован, а Чекулин танцует танец, на который был приглашен, – не стоит осуждать его, жизнь подчас именно так и устроена: бывают предложения, от которых нельзя отказаться.

Борис любил говорить, что «знает, как надо», – боже, сколько твердили: *бойтесь тех, кто знает, как надо!* Многие верили новоявленному пророку, шли за ним – слепой поводырь слепых, иначе не скажешь! Как же много ему дано было природой, он мог бы создать тоталитарную секту, типа секты Виссариона, Муна, сайентологии, *Белого братства*, или что-то в том же духе: превращать людей в зомби, лишать воли и управлять ими по собственному усмотрению. Нет, его претензии были несравненно шире – хотелось вертеть всю Россию на одном месте, ни много ни мало! Да, да, именно на этом месте... И не только ему одному: вокруг всегда вилась стая отвязных и *бывалых* – попросту барыг и проходимцев.

Сергею вспомнился фильм «Скромное обаяние буржуазии»: очень похоже на то, что было в *ЛогоВАЗе* девяностых, что он видел собственными глазами. За прекрасной речью и учтивыми манерами выходцев из академической среды скрывались неудержимые и совсем неакадемические страсти: тяга к большим деньгам, к большой власти и, как ни странно, просто к молодой *клубничке*. В общем, уже не водевиль, но пока не трагедия – пока еще просто фарс, но довольно жесткий. Вкусно выпить и закусить тоже были не дураки. Этот странный и выморочный мир, где герои, усладив свою плоть малолетками обоих полов и женами компаньонов, запускали очередную выгодную сделку по торговле за счет казны живым товаром, военнопленными, покупали за бесценок кусок страны на залоговых аукционах, делали конкурентам предложение, *от которого нельзя отказаться*, писали все разговоры на видео – так, на будущее, на всякий случай, – складывали их в коробочки с надписями «Гусь», «Примус», «Таня», «Семья», а затем меланхолично рассуждали об *идеалах демократии*, о десяти заповедях, о борьбе с криминалом и коррупцией, о будущей свободной России, о том, что Зюганов и Примаков тянут нас обратно в стойло коммунистической несвободы. Что тут скажешь – *скромное обаяние истинных будущих олигархов*.

Восьмидесятые. Затишье перед бурей

Дурные мысли... Понятно, что дальше: мысли – слова – намерения – поступки – привычка – характер – судьба. Мысли программируют судьбу – штампуете трюизмы, дорогой товарищ! Хоть и тривиально, но, видимо, так и есть: дурные мысли порождают дурную судьбу. Сергей размышлял не о БАБе – бог с ним, с БАБом, – он думал о собственной жизни. Забыть дурные мысли – все, об этом ни слова! Какая разница, как жил и что делал БАБ, – это его выбор. Он был магнатом и крупным политическим деятелем; Сергей не станет фокусироваться на критике – расскажет то, что знает из собственного опыта, этого достаточно.

Так, где-то был перечень вопросов интервьюера... Алексей Корпетченко, кажется... Надо освежить в памяти личную, так сказать, историю.

Итак, первый.

Я знаю, большую часть жизни вы были инженером и занимались наукой. Когда и как вы пришли в бизнес?

Первый же вопрос оказался непростым, как на него ответить? Легко сказать, «пришел в бизнес»...

Это ведь не одномоментно произошло, вчера – инженер, научный работник, преподаватель, сегодня – бизнесмен. Надо вспомнить середину восьмидесятых. Восемьдесят пятый был, пожалуй, знаковым в жизни тридцатилетнего молодого ученого Сергея Николаевича Турчина. В тот год он из НПО *Гранит*, где занимался оборонкой, перешел в институт Научно-технического объединения (НТО) Академии наук (АН) на Огородникова (нынче Рижский проспект). Они с Юлей вместе с 83-го – в 85-м решили наконец пожениться, и в тот же год их стало трое!

Восьмидесятые: что это были за годы? Как же давно случились эти самые предреволюционные, преддевяностые – будто и не с ним, а с чужим дядей, наспех описанным в чьих-то воспоминаниях... Впоследствии Сергей называл восьмидесятые *затишьем перед бурей*.

Когда живешь счастливо, кажется, что вокруг ничего не происходит. Сергей с Юлей не замечали многого из того, чем в то время жила страна. Какая страна? Какое им было дело до скучных событий в скучной *Совдепии*? Жили своей жизнью, дышали полной грудью. Много путешествовали: раньше порознь, теперь – вместе. Объехали Прибалтику, Крым, Кавказ, Сред-

нюю Азию, Северо-Запад. Сергей работал в Академии, вел Межведомственную межрегиональную группу. Проводил совещания и семинары в академических институтах Эстонии, Латвии, Украины и Белоруссии. У них с Юлей росла прекрасная девчонка. Когда немного подрастет, будет брать ее с собой в свои бесчисленные поездки.

Юля поменяла специальность – оставила инженерную деятельность и перешла на ТВ, пробовала силы в нескольких телевизионных специальностях и стала наконец режиссером. У родителей Сергея спокойно на душе – им нравилась умная, доброжелательная, красивая невестка. Нравилась их семья. Они жили в любви и согласии.

Теперь считается хорошим тоном ругать советскую власть... Есть за что. Но Турчины тогда действительно жили счастливо – может, потому, что были совсем молоды?

Вскоре после перехода Сергей получил в институте обособленное подразделение – в приказе сказано: для разработки перспективных промышленных сетей по международным стандартам MAP/TOP¹⁸. Такие сети должны были стать основой будущих автоматизированных производственных систем, и на это выделялись приличные деньги. Империя пыталась бороться – чтобы преодолеть отставание, чтобы не топтаться на месте, двигаться вперед. Советская техническая интеллигенция в большинстве своем еще жила иллюзиями. Многим чистым и наивным душам казалось: что-то можно еще сделать. Но получалось неважно, потому что не было современной микроэлектроники, быстро росло отставание в компьютерной технике – это противоречие вызывало у людей ощущение когнитивного диссонанса. Но они по инерции пытались выйти из тупика, не останавливались и упрямо шли вперед.

Руководство АН Советского Союза – да, тогда еще был Советский Союз, а его город назывался Ленинградом! – предпринимало самостоятельные шаги. В НТО было создано одно из первых венчурных предприятий. Нашли немецкого партнера и создали совместное предприятие (СП) *Компьютеры АН (КОМПАНА)*. СП возглавил Саша Тараненко, который до этого работал у Сергея в секторе. На выбор его кандидатуры повлияло немаловажное в те времена обстоятельство, что он был членом партии. Какой партии? Да той самой – тогда еще единственной, декларировавшей себя в качестве *руководящей и направляющей силы советского народа*. Может, так оно в какой-то степени и было, вопрос только – куда она всех нас вела?

Саше удалось быстро создать современное предприятие, СП заработало, сотрудники НТО впервые увидели персональные компьютеры. Хороший пример для ученых НТО, прекрасная школа для сотрудников *КОМПАНА*. Начальник отдела этого СП, Сергей Тарасов, в дальнейшем, уже в двухтысячные, дорос до должности вице-губернатора Санкт-Петербурга.

Сергею довелось встречаться по компьютерным делам с руководством Академии. Турчина вместе с его руководителем и другом профессором Мариком Барановым, одним из ведущих специалистов по теории дискретных систем, тогда тоже молодым человеком, пригласили к президенту АН Анатолию Петровичу Александрову. Очень крупная фигура в сложившейся советской иерархии, патриарх Академии хотел посоветоваться с ними по вопросам закупки компьютеров. Молодые ученые были крайне удивлены, насколько просто и демократично держался академик при встрече: «Вы, наверное, будете меня ругать, но я заказал компьютеры», а дальше – каких и сколько. Они его будут ругать... В душевной советской империи разного рода руководители держались подчеркнуто снобливо и заносчиво со всеми без исключения «простыми смертными». Для обычных инженеров и научных работников руководство начиналось с инструктора райкома и заместителя главного инженера института. Что уж говорить о членах бюро обкома, о начальниках главков, министрах и их заместителях? Президент Академии встретился и беседовал с ними на равных.

¹⁸ Аббревиатура английских названий протоколов функционирования промышленных и офисных сетей.

Так же спокойно и доброжелательно держался с ними и любимец Академии, вице-президент Евгений Павлович Велихов, президент Курчатовского института. Сергею запомнилось одно высказывание академика (озвученное несколько позже и не ему): «...а подводный *город Солнца* мы обязательно построим. Ресурсы нефти и газа арктического шельфа – основа топливно-энергетического комплекса России в XXI веке. И добывать эти ресурсы придется под вечными арктическими льдами. Это будут волшебные города на дне океана, где люди будут работать и жить в условиях цивилизации следующего столетия».

Увы вам, академик-мечтатель, – жизнь оказалась сложнее и трагичней: никаких *городов Солнца* не получилось, а в конце восьмидесятых Велихову пришлось лично участвовать в ликвидации страшных последствий чернобыльской аварии.

Сергей подумал: чем крупнее масштаб личности, тем проще и доступнее человек держится, независимо от занимаемой должности. Так же держался и директор ЦНИИ *Гранит* В. В. Павлов. И член-корреспондент АН М. А. Гаврилов, руководитель Школы по теории дискретных устройств, в работе которой Сергей неоднократно принимал участие. И член-корреспондент АН В. А. Павленко, генеральный директор НТО АН, где он тогда работал.

Потом, во времена перестройки, мы увидели на высших государственных должностях и узнали имена таких людей, как Сахаров, Ельцин, Попов, Старовойтова, Травкин, Собчак... Их, к сожалению, было на удивление мало, а многие вскоре сдулись.

Гораздо больше было совсем других – талантливых проходимцев и барыг, – в смутное время на поверхность поднимается мусор. Власть в России захватили голодные красные директора, криминал, прожорливые и беспощадные неофиты молодой буржуазии и их послушная креатура.

Смутные времена, пожалуй, и сейчас еще не закончились. В. И. Новодворская еще в 90-м предвидела нашу сегодняшнюю жизнь: «Система не разрушается. Система переходит на другой уровень функционирования. Система увековечивает себя, причем с помощью демократов, которые жизнерадостно вступили в общий заговор против демократии. Сегодня режим действует более утонченно, не с дубиной, как в сталинские времена. Вся эта деятельность демократов, все их мельтешение, их беспредельная наивность и не менее беспредельная продажность – это может привести к тому, что Система переживет не только XX, но и XXI столетие».

А пока в стране восьмидесятые, все идет как обычно, но в обществе нарастает ощущение грядущих изменений. И ощущения эти постепенно превращались в перемены.

Первые перемены оказались довольно странными и никого не вдохновляли. Новый генсек Горбачев, как и его предшественники, начал с антиалкогольной кампании: «*В шесть утра поет петух, в восемь – Пугачева. Магазин закрыт до двух, ключ – у Горбачева*», «*„На недельку, до второго“*», *закопаем Горбачева. Откопаем Брежнева – будем пить по-прежнему*». На экран пустили «безалкогольный» боевик «Лимонадный Джо». Восемьдесят пятый год – массовая вырубка виноградников. Утеряны уникальные сорта – тяжелейший удар по селекционерам, посвятившим жизнь выращиванию винограда. Бодрый Лигачев лихо принимал решения: «Винотеку уничтожить, *Массандру* закрыть!» Под тотальную вырубку пошли коллекционные сорта – например, *жим-кара*, основной компонент знаменитого вина *Черный доктор*. В результате возникшего дефицита спиртных напитков в магазины было выброшено огромное количество подпольного алкоголя, на производство которого уходил весь сахар. С прилавков магазинов сахар исчез – его продавали теперь только по карточкам.

Были предприняты и другие меры административного характера – ускорение развития народного хозяйства, «борьба с нетрудовыми доходами», введение госприемки, имитация и демонстрация борьбы с коррупцией. Потом власти предержавшие стали понемногу отпускать вожжи. Восемьдесят шестой год – возвращение из ссылки академика Сахарова, прекращение преследований инакомыслящих. Введение хозрасчета, самофинансирования. В 1987-м объяв-

лена *перестройка*. Заявлено о реформировании системы в духе демократического социализма. Гласность, снятие партийной цензуры. Отказ от классового подхода в дипломатии, улучшение отношений с Западом. В экономике узаконивается частное предпринимательство в форме кооперативов, совместных и малых предприятий.

Часть населения (в основном молодежь и интеллигенция) была охвачена эйфорией от долгожданных перемен и невиданной по советским меркам свободы. Деньги в огромной стране валялись буквально под ногами, и вскоре появились очень богатые люди: Артем Тарасов – первый легальный миллионер.

Руководители Советского Союза, партийные бонзы откровенно метались – может, слишком отпустили? Как бы чего не вышло! Пробовали замедлить раскрутку маховика – стали вводить контрмеры, ограничения рыночной экономики, с демократией тоже как бы не переборщить! Сергей вспомнил, что какое-то время действовало ограничение наценки на товары в 15 процентов.

Параллельно с работами в НТО Турчин с друзьями создали малое предприятие в Таллинне (Таллинн, который тогда писали с одной «н», еще был в составе Союза) и кооператив в Ленинграде. Занимались внедрением локальных сетей.

Да, они неплохо заработали в тот период и приобрели бесценный опыт предпринимательской деятельности. Все давалось очень легко. Как обойти ограничение в 15 процентов? Это же простейшая математическая задача: закольцовываем три хозяйственных объекта и после определенного количества перепродаж товара через собственные структуры получаем на выходе нужную наценку.

В буднях страны сосуществуют замшелые партийные методички из оруэлловского мира, с одной стороны, и новые экономические формы, открывающие активному человеку практически неограниченные возможности для предпринимательства. В рамках своего института Сергей не раз наблюдал эту странную эклектику По-прежнему инструкции спускались из обкома партии – иногда до уровня лабораторий. Сотрудников, как и раньше, направляли на овощебазы – кандидаты, доктора наук и даже членкоры занимались ручной переборкой гнилой картошки и капусты с морковью.

Но жизнь шла вперед, и многое менялось. Выборы Верховного Совета. Конфликт Горбачева и Ельцина. Восемьдесят девятый год – вывод войск из Афганистана. Ослабление контроля над странами соцлагеря. Реабилитация жертв сталинских репрессий. Окончание холодной войны. Система рушилась, но продолжала бороться, держась за свои привилегии и привычки. Подавление митингов молодежи в Алма-Ате, ввод войск в Азербайджан, разгон демонстрации в Грузии, начало Карабахского конфликта, борьба с сепаратистами Прибалтики... Все расплывалось. Из магазинов исчезали продукты. Росла инфляция. Введены карточки на многие виды продуктов. Гиперинфляция. Полное вымывание некоторых видов товара. Рост внешнего долга страны. И неистребимая, удушливая *обыденщины жуть*¹⁹!

В конце восьмидесятых отец Сергея все больше и больше болеет. Ему необходимо хорошее питание. Ничего особенного: творог, сметана, докторская колбаса – обычные продукты, которых теперь нет в продаже. Продукты привозят в гастроном – угол Кировского и Братьев Васильевых – к 12 часам, разбирают все за 20–30 минут. Отцу не по силам дойти, Юлия работает – что делать? На трамвае, на метро, бегом (машины у них тогда не было) Сергей добирался до гастронома, покупал все, что требуется, относил отцу – и опять на работу. Дефицит. Проблемы со всем – с вещами, с продуктами. Выручали привилегии отца, участника трех войн, – что-то можно было найти в спецмагазине для льготников. Здесь к празднику продава-

¹⁹ Выражение В. Маяковского из поэмы «Про это».

лись заказы: икра, консервы, твердокопченая колбаса. Мебели в магазинах нет, но льготники могут купить ее два раза в году в специальном магазине. Выбор – максимум два гарнитура. Да и то не придешь просто купить. За несколько дней составляются списки, с вечера накануне дня продажи все приходит к магазину. Делают переключку, дежурят всю ночь, зимой жгут костры, чтобы согреться. Потеряешь очередь – жди еще полгода. Все это ложилось на Сергея. Он записывался, дежурил, покупал по отцовской доверенности. Такие же проблемы были у них и с другими вещами: спортивная куртка, велосипед – в итоге все это покупались как бы для папы. Отцу – за восемьдесят, ему просто необходимы велосипед и спортивные куртки... Так же приобретали они и свой первый автомобиль – *Жигули* 13-й модели. Модель-то 13-я, но ничем не отличается от *единички*. Сергей для простоты называл ее *копейкой*.

Истекает срок карантина Сергея в связи с прежним допуском к секретным документам – он становится выездным. Когда это было? Кажется, 1990-й.

Его командируют в академические институты стран Восточной Европы, сначала в Братиславу, потом в Софию. Готовит поездку специальный человек, очень важная и крайне несимпатичная *тетя*. Она получает визу, приобретает билеты, рассчитывает, сколько нужно валюты на транспорт, гостиницу, на командировочные расходы. И выдает командированным документы и валюту. Как же она всех их презирает! Выделяет и выдает деньги так, будто делает личное одолжение. Возникающие вопросы обсуждаются в крайне унижительной форме. Сергей не вникает, не спорит – все равно потом за каждую копейку надо будет отчитаться. При поездке в Братиславу она рассчитала ему командировку на сутки меньше, хотя сама приобретала билеты и точно знала даты. Денег не хватило на одну ночь в гостинице, командировочных – на один день. В результате Сергей сутки провел в Братиславе без денег и ночевал в зале ожидания в аэропорту. Хорошо, что полиция не проявила к нему интереса. А что можно было сделать? Где он мог взять валюту? Рубль тогда не конвертировался. При получении финансового отчета Турчина эта дама, как образцовый советский функционер, не испытывала каких-либо неудобств и не выказывала раскаяния. К счастью, в девяностые с зарубежными поездками все разительно изменилось.

Девяносто первый год. Закончились десять лет его лучшей, настоящей жизни, когда, кроме неудобств *советского образа жизни*, семья Турчиных в полной мере использовала его плюсы. Путешествовали за гроши. Наслаждались ощущением безопасности в самых отдаленных местах нашей страны. Тыкали пальцем в карту, садились на раздолбанный сельский автобус и ехали в глухой поселок в горах Узбекистана, например. Приезжали в незнакомое место – их окружали красивые загорелые чумазы дети. «Откуда вы, откуда вы?» – кричали и тянули к себе домой. Там их встречали взрослые. Фотографировались вместе на память. Угощали чаем со сладостями. Полная свобода. Полная безопасность. Сейчас об этом можно только мечтать. Вспоминать и вздыхать.

В конце восьмидесятых рухнула советская империя. Кончилась привычная профессиональная жизнь многих, *зона комфорта* ушла в прошлое. Академические программы закрывались. Финансирование текущих работ приостанавливалось.

В 91-м на ученом совете института Сергей сдавал последнюю работу своего сектора. Отзывы были очень хорошие. Члены ученого совета говорили, что институту нужны именно такие разработки, что не существует отечественных аналогов. Но средств, необходимых для продолжения и внедрения подобных работ, тоже уже не было. Через две недели направление Турчина закрыли, а подразделение расформировали – прекрасные специалисты оказались на улице.

Восемь лет Сергей отработал в оборонке, занимался ракетами, стоял у истоков отечественной микроэлектроники и вычислительной техники, потом перешел в объединение Ака-

демии наук. И вот этому поставлен предел: придется из науки и техники уходить. Ему уже тридцать шесть – проектная деятельность стала делом всей жизни: как это интересно – собрать холодный металл и оживить его в соответствии с дебютной идеей! А еще были статьи, диссертации, авторские свидетельства, более ста научных трудов...

Сергею Николаевичу, подобно большинству старателей и тружеников науки, пришлось думать, как жить дальше, вернее, выживать.

Так было по всей стране – наука, промышленность, сельское хозяйство – деньги урезали, предприятия закрывали, коллективы ликвидировали.

Куда шли специалисты высшей пробы и просто целая армия инженеров и техников?

Кто-то оставался работать по специальности, это были настоящие подвижники – как можно было работать? Заказов нет, финансирование сокращено, зарплаты нищенские, да и те выдавались нерегулярно. В отдельных организациях пытались удержать на плаву тематику и часть специалистов. Насколько Сергей знает, в Зеленограде тогда удалось сохранить технические наработки и отдельные группы проектировщиков микросхем.

Кто-то уехал за рубеж и там, на чужбине, нашел работу по специальности. Наиболее разворотливым удалось найти место в бизнесе. Но были и те, кому пришлось работать охранниками, сторожами, разносчиками рекламы, продавцами на рынке, страховыми агентами, риелторами... Страна потеряла не только ценных профессионалов, но и механизм их подготовки. Длинная цепочка, десятилетиями работавшая на *ковку* специалистов высшего уровня: школа, институт, НИИ, аспирантура, работа на заводах с уникальными технологиями – все рухнуло в одночасье.

С тех пор прошло тридцать лет. Долгие годы молодежь не шла в НИИ и на производство – наши дети дружно становились *офисным планктоном*. И теперь нам предстоит заново строить эти цепочки, восстанавливать образование, готовить новых *профи*, налаживать утраченные производственные связи. Сейчас, по прошествии стольких лет, мы с вами наконец вспомнили, что главный капитал страны – люди!

В тридцать шесть остаться у разбитого корыта неприятно и обидно... А в пятьдесят, шестьдесят разве легче? К счастью, у Сергея был собственный опыт работы в бизнесе. Опыт – это хорошо... В любом случае надо все начинать сначала.

Сергей вспомнил, как выносил личную научную библиотеку, как отвез и сложил ее на пороге магазина технической книги – угол Литейного и Жуковского. Оставил на память два десятка любимых книг, свои публикации и научные рукописи. Жена плакала: «Я выходила замуж за ученого! Кем ты теперь будешь, Сережа, жалким мерчендайзером?»

Он не стал искать инженерной работы в других институтах и КБ: жребий брошен – теперь только вперед!

Придется стартовать с нуля. У них с Юлей маленький ребенок. Семью надо кормить. Что делать? Был ученым, инженером, теперь станет предпринимателем. Какой она окажется, эта новая жизнь? Сейчас, оглядываясь назад, Сергей может сказать, что девяностые – отчаянные девяностые – оказались для них самыми тяжелыми.

*На земле весь род людской чтит один кумир священный,
Он царит над всей вселенной, тот кумир – телец золотой!*²⁰

Тысяча девятьсот девяностый год – разрушена Берлинская стена. Объединение Германии. Август 1991 года – ГКЧП. Декабрь 91-го – передача Ельцину ядерного чемоданчика. Спущен государственный флаг СССР, Советский Союз перестал существовать.

²⁰ Куплеты Мефистофеля из оперы Гуно «Фауст».

Сергей с друзьями арендовали подвальчик на улице Маяковского, где и началась их новая самостоятельная жизнь. Никаких начальников, никаких райкомов, обкомов: наконец-то он сам себе хозяин. Сумел продвинуть товар – получи, что заработал. Не сумел – подтяни ремешок и зубы на полку. Первый год у него с друзьями не пошло. Заработанные деньги таяли на глазах из-за инфляции. Вложились в производство, наклепали хардвера своей разработки, но скоро выяснилось, что эти изделия никому теперь не нужны.

Да, вот именно так Сергей и оказался в бизнесе. Как он себя там чувствовал в эти годы – другой вопрос. Сожалел об инженерной работе, о науке? Да, очень. Но жизнь была ключом, диктовала свои правила и почти не оставляла времени для вздохов и сожалений.

Зато во сне он временами приходил в *Гранит*, – почему-то именно в свой родной *Гранит*, – просил принять простым инженером. На любую, пусть самую маленькую зарплату. Вспоминал, сожалел, но понимал: пути назад нет.

Теперь-то он может позволить себе не торопясь подумать об этом. Много из того, что раньше знал как «Отче наш», стерлось из памяти. Однажды ему захотелось самому, без помощи справочника просчитать высоту орбиты геостационарного спутника. Оказалось, он забыл формулу центробежной силы... Пришлось повозиться: ему удалось вывести эту чертову формулу, вычислить высоту возможного космического лифта – задачка для 8-9-го класса средней школы.

«Не думаю, что мне по силам было бы вернуться в науку – и сейчас, и в начале двухтысячных, – подумал Сергей. – В инженерную практику – тем более, вычислительная техника ушла немислимо далеко. Верно говорят о реке, в которую не войти дважды, – река другая, да и сам я уже не тот».

Инженеры всегда были нужны – и теперь тоже. Сергей был прекрасным инженером, он провел и внедрил несколько классных разработок. Но так ли важна была та наука, которой он столь увлеченно занимался, – теория релейных устройств? Какова была советская наука восьмидесятых, что это вообще было и зачем? Ничего из того, что они тогда в многочисленных научных школах по логическому синтезу систем управления исследовали, теперь не вспоминается – все оказалось ненужной *болтовней*, в определении Арендт. Микроэлектроника и вычислительная техника шли вперед семимильными шагами, но нужна ли была для этого именно их наука?

Может, и не было никакой науки? Тратились государственные деньги, содержались институты, выпускались журналы, издавались книги... И тогда правильно, что всю эту лавочку прикрыли? Жизнь заставила. Прикрыли – и хорошо! Как говорил незабвенный Игорь Семенович Кон, «все сущее разумно».

Сергей нашел в интернете публикацию своего давнего знакомого Толи Шалыто, теперь уже доктора наук, профессора, «У нас была великая эпоха»²¹. Посмотрите, сколько нас было, у нас была великая кибернетика! Конечно, Анатолий Абрамович имел в виду в первую очередь то, чем сам занимался, теорию конечных автоматов, – не помехоустойчивое кодирование, не вероятностные автоматы, не распознавание образов, не асимптотическую сложность алгоритмов, не проблемы равенства классов P и NP и много других «не». Но основополагающие достижения в области конечных автоматов были сделаны до восьмидесятых годов. Дала ли эта теория какие-то полезные прикладные результаты? Повлияла ли теория конечных автоматов на развитие микроэлектроники, компьютерной техники? Сергей тоже занимался конечными автоматами и неплохо знал, что делалось в этой области до девяностых годов. Публиковался в журнале «Автоматика и телемеханика», выпускаемом Институтом проблем управления (ИПУ), выступал у них на семинаре. Огромный институт, тысячи научных сотрудников, фан-

²¹ «Информационно-управляющие системы», № 1, 2003 год. <https://cyberleninka.ru/article/n/u-nas-by-la-velikaya-epoha/viewer>.

тастический потенциал! Десятки институтов подобного профиля – практически во всех крупных городах советской России.

Теперь, по прошествии тридцати с лишним лет, Сергей уверен в том, что теория дискретных устройств почти не повлияла на развитие прикладных дисциплин, связанных с развитием электроники и вычислительной техники. Он, как и все, заблуждался, жил иллюзиями, ему казалось это очень интересным – все что-то придумывали, обсуждали, спорили, но история рассудила по-своему: спичка зажглась и сгорела, остался пшик. Себя он особенно упрекать не может. Сергей много работал как инженер, и за плечами у него успешный опыт создания *железа*, как говорили в НИИ и КБ. Помогла ли ему лично теория? В расширении кругозора – да, в инженерной практике – скорее нет.

В этом же ИПУ АН в свое время трудился и Борис Абрамович, в 1991-м – уже доктор наук и член-корреспондент АН. О его работе в науке, о так называемых *внедрениях* методов *многокритериальной оптимизации* многое написано. Остаются недоуменные вопросы – что он сделал лично, как влияли исследования его лаборатории на автоматизацию конкретных производств, было ли это хоть чуть-чуть наукой? Даже близкие друзья олигарха высказываются о его научном потенциале скорее отрицательно. Жора Ремизов, впоследствии сотрудник *ЛогоВАЗа*, рассказывал Сергею, как он писал докторскую Борису Абрамовичу. Непонятно, зачем он ему об этом говорил? Кто только не приложил руку к этой его докторской – дело темное! На фактическое соавторство в свое время претендовали также Денисов с Красненкером...

Схема такая. Молодые сотрудники его лаборатории пишут *диссеры* БАБу и начальникам с *АвтоВАЗа*, с завода получают запчасти и *Жигули*, подгоняют материальное обеспечение для благоприятного голосования ученого совета. В планах у *молодого ученого* (в 91-м ему сорок пять) Нобелевская премия – никак не меньше! Как он сам говорил: «Я – образец классического советского карьериста. Я не согласен был с компартией, хотя был ее членом». С этой платформы *любомудровской прохиндиады* начинался его путь в бизнес.

Будущий партнер Березовского по *ЛогоВАЗу* Самат Жабоев так объяснял особую эффективность *научной работы* БАБа: «Вы не представляете, что значили в те времена запчасти! Крыло от *Жигулей* в восьмидесятые – это гораздо больше, чем десять тысяч долларов сегодня.

А кузов в сборе открывает перед тобой любые двери. Запчасти – сумасшедший, ни с чем не сравнимый ресурс».

Александр Долганов (впоследствии – один из руководителей *АвтоВАЗа*): «Он был элементарным фарцовщиком. Уезжая с завода, Боря навьючивал на себя пару сумок запчастей и пер на перекладных из Нового города до Жигулевского моря – это километров сорок. Жалкое и одновременно впечатляющее зрелище! Каждая сумка весила едва ли не больше, чем он сам. „Боря, ты надорвешься“, – говорил я ему, он так жалостливо смотрел в ответ – не помочь ему было невозможно».

А. Хинштейн цитирует А. Зибарева, замгенерального *АвтоВАЗа*: «Березовский постоянно просил о чем-то, ходил за мной хвостом, чуть ли не держась за лацкан пиджака, заваливал просьбами помочь с запчастями нужным людям: ученым, чиновникам, каким-то приятелям его и знакомым. Я никогда Борису не отказывал, регулярно отправляя запчасти почтой, наложенным платежом, по указанным им адресам. Не исключаю, что с этого он имел свою выгоду».

Владимир Темнянский (впоследствии замгендиректора *ЛогоВАЗа*): «Мы знакомы с 86-го, уже тогда Борис зарабатывал на жизнь мелкими спекуляциями: доставал автозапчасти, кузова по двойной, а то и тройной цене».

Тот же А. Хинштейн приводит слова В. Хроленко о том, что Березовский забирал детали у некоего М. Гриба, имевшего *левый* цех по производству *вазовских* запчастей, а потом перепродавал через Бадри – тогда еще скромного замначальника Грузинского центра *АвтоВАЗ-техобслуживания*.

Сегодня это называется коммерцией: обычная торговая практика набирающего в России силу капиталистического образа жизни. Тогда же суровые социалистические законы за подобные фокусы-покусы отправляли людей в *солнечный* Магадан.

Тайная жизнь бойкого, суетливого доктора наук, завлаба, руководителя совета молодых ученых академического института – известно ли о ней в институте, знал ли об этом академик Трапезников? Какая уж тут тайна! Знали, разумеется, знали... Закрывали глаза на мелкие шалости перспективного завлаба: он был удобен и полезен, институтское начальство, видимо, с удовольствием принимало его многочисленные услуги. А уж как сам-то Борис Абрамович был рад – чтобы во всем-всем угодить, понравиться вышестоящим товарищам.

Как говорили в ИПУ, Березовский отличался вкрадчивыми манерами и предупредительностью, почти каждый день находил повод обсудить что-то со своими научными руководителями²².

Так продолжалось вплоть до 1979 года, пока не разразился непривычный для научной среды скандал: скромный ученый был задержан за спекуляцию и препровожден в тюремную камеру.

Осуждал ли Сергей Березовского за делячество и карьеризм? Скорее нет, чем да. Это была распространенная практика того времени. Вступали в партию, делали карьеру. Выстилали дефицитными товарами тропинки для себя любимых в бюрократических джунглях. Писали статьи, диссертации нужным людям, брали в соавторы начальников. Большинство диссертаций в сфере управления и информатики были в те времена очень посредственными. Сергей никогда не думал вступать в партию, но ведь и он был когда-то комсомольским функционером. А вот статьи писал сам, девайсы проектировал сам, проблем не было – он фонтанировал тогда идеями, из него просто перло, все происходило как бы само собой, Сергей получал от работы огромное удовольствие. Борис, возможно, был другим. Ну и что? Бартер, товарный обмен – сейчас, в наше время, это кажется ерундой, детскими шалостями. Даже тот смешной случай,

²² А. Хинштейн, «Березовский и Абрамович. Олигархи с большой дороги», 2013 год.

когда кандидата наук Борю Березовского на Северном Кавказе поймала милиция при попытке привезти из столицы и выгодно продать постельное белье... Смешной, курьезный случай.

Детские шалости – с них подчас многое начинается. А ведь когда-то Борис, как и мы все, был просто ребенком. Интересно, каким он был ребенком?

Часть 2. Авантюристы – детство, отрочество, юность

Кто такой *авантюрист*? Искатель приключений²³, беспринципный человек, занимающийся *авантюрами*²⁴. *Авантюра* – рискованное, сомнительное предприятие, затеянное в надежде на случайный успех, это по Ожегову. Еще вариант – приключение, опасное по своей природе, обычно сопровождаемое риском встретиться с неожиданными событиями, людьми и обстоятельствами. *Авантюризм* – стиль поведения человека, а также деятельность, в процессе которой совершаются рискованные поступки ради достижения легкого успеха, выгоды.

Кто только не писал на тему *детства, отрочества и юности!* Мы без конца мысленно возвращаемся к истокам, к началу своего земного пути, потому что *все мы родом из детства* – там спрятаны разгадки многих загадок, оттуда растут корни многих неразрешенных проблем. Детские комплексы подчас словно тени следуют за нами и нередко становятся мощным двигателем самолюбия, раненного необъяснимой несправедливостью еще во мгле сиреневых туманов детства... В какой момент в ребенке просыпается *великий авантюрист* – еще до школы, в отрочестве, а может, в юности или уже совсем не в ребенке – только под давлением суровых обстоятельств, когда человек достигает зрелого возраста?

Полистаем страницы жизни политических авантюристов, целый пласт которых сформировался на рубеже XIX–XX столетий. Каждый из них – герой личной драмы; как правило, это люди, не нашедшие своей роли и переросшие уготованную им судьбу в обществе. В XIX веке такой человек мог получить образование, стать *живым трупом*, уйти в *подполье*, эмигрировать, в конце концов. Но на пороге XX века он решительно вышел из *подполья* и начал действовать. Многим казалось тогда: если очень постараться, даже маленькому, но дерзкому человечку по силам изменить историю цивилизации, направить ее в другое русло, обмануть неумолимую судьбу. А ради светлого будущего не грех и пожертвовать многим: отречься от чести, добра, мещанского благополучия (на время, конечно же), от *царствия небесного* – в него уже мало кто верил! Да и почему не отказаться, кто его видел, это пресловутое «царствие»?

Российский полицейский режим и будущие могильщики режима – всех захватила стихия кровавой игры, превратившей жизнь наших соотечественников в жуткую, захватывающую и никого не оставившую равнодушным фантазмагорию. Азеф, Распутин, а затем Ульянов-Ленин стали крупнейшими трагическими фигурами первых двух десятилетий XX века. Какие они разные и какие, в конце концов, одинаковые! Распутин – дремучий мистический старец, управляющий решениями маловменяемой истерички-императрицы и через нее – слабавольного императора. Азеф – заигравшийся в детектива великий провокатор, от единоличного решения которого в какой-то момент зависело, жить или убиенным быть самодержцу Николаю II, – воображал себя «всесильным евреем», подобным вымышленному «сионскому мудрецу». И Владимир Ульянов – безумец, совершивший попытку создания *царства небесного* на земле, – мы знаем, насколько мучительными и кровавыми получились эти роды. Все трое воплотили в себе безудержное стремление к власти, желание во что бы то ни стало изменить ход исторических событий, крайний индивидуализм, волюнтаризм, культ доморощенного *сверхчеловека*, переступившего через устаревшие буржуазные нормы морали и нравственности, через смерть и страдания ненужного им, отработанного *человеческого материала*.

Прошло девяносто лет, история прокрутила оборот, начала новый виток. В России опять революция, и теперь-то мы уже точно понимаем, что надо делать – строить капитализм! Опять – *весь мир насилья мы разрушим*, что характерно – *до основанья, а затем...* Лозунг

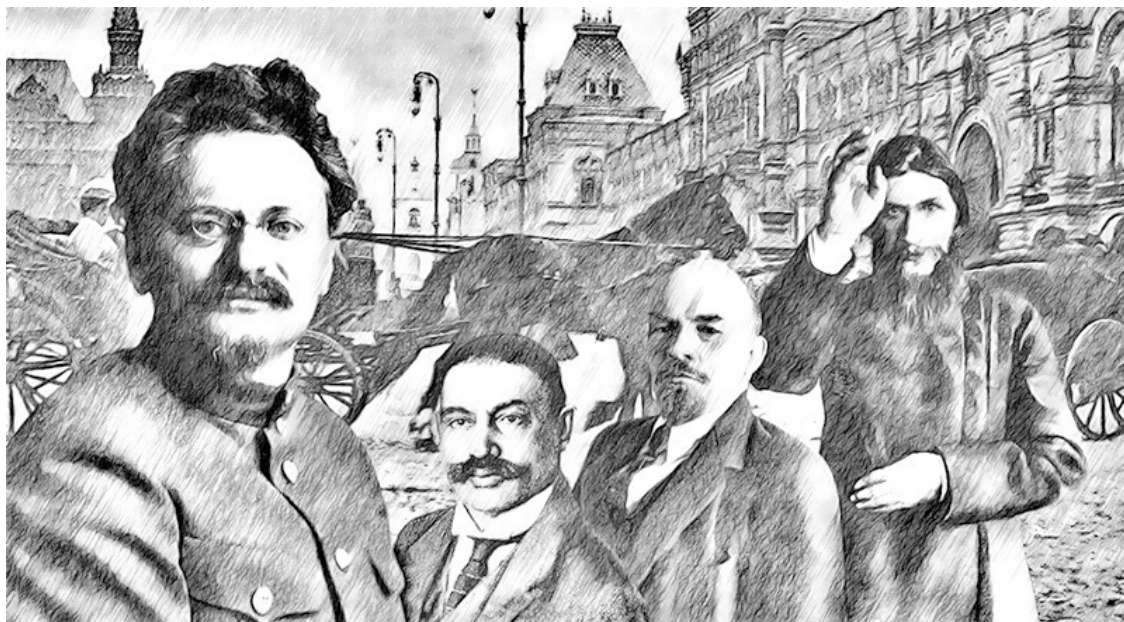
²³ Словарь Брокгауза и Евфрона.

²⁴ Толковый словарь Ожегова.

девятидесятых. И конечно, *кто был ничем, тот станет всем*. Правда, это уже не о пролетариате, а о *новых русских*. Что в восьмидесятых делали Березовские, не нашедшие своей роли и переросшие, как они считали, уготованную им судьбу в обществе? Диссидентами не становились. Могли получить образование, стать *живым трупом*, делать советскую карьеру, держа фигу за пазухой, или уйти в духовное *подполье*, уехать за рубеж, наконец. В начале девяностых они решительно вышли из *подполья* и начали действовать – были уверены: если постараться, можно изменить историю, обмануть жестокую судьбу. Все как девятью годами назад: ради *светлого будущего* можно отречься от чести, добра, мещанского благополучия и, конечно же, от *царствия небесного*, в него уже никто не верил... креститься можно (чай, в православной стране живем!), свечку в церкви поставить можно, а верить?! В кого и зачем?

Здесь мы вспомним о некоторых эпизодах таких ярких политических фигур, как Троцкий, Азеф и Парвус. Почему выбраны именно они? Отчаянные игроки, в каждом можно усмотреть переключку с характером и жизнью нашего современника – БАБа, *великого и ужасного*. Все очень похоже начинали, шумели, блистали и как под копирку бесславно закончили свои шумные и блистательные карьеры.

Неистовый Лейба

Одним из крупнейших авантюристов XX века стал Лейба Троцкий; у него фантастический послужной список: Октябрьская революция, организация Красной армии, победа в Гражданской войне! Учитывая, что начинал он с нуля, не имея военного образования, боевые достижения Троцкого кажутся уникальными в военной истории прошлого века.

Итак, его детство. Один из вершителей Октябрьского переворота, создатель Красной армии Лев Троцкий (тогда еще Лейба Бронштейн) родился 25 октября 1879 года (7 ноября по новому стилю) в деревне Яновка Елисаветградского уезда Херсонской губернии.

День рождения Льва Давидовича совпадает с днем Октябрьской революции. Можно, конечно, попытаться извлечь из сего факта какие-то мистические выводы, но сам он увидел в этом лишь курьезное совпадение и заметил его только через три года после большевистского переворота.

Родился Троцкий в семье землевладельца и земельного арендатора Давида Леонтьевича Бронштейна, неграмотного, но весьма предприимчивого еврея. Лишь к концу жизни Давид научился читать по слогам, и то с единственной целью – прочесть заголовки книг и статей своего знаменитого сына. Мать Троцкого Анетта Львовна, еврейская мещанка, получила скромное образование. Из восьмерых ее детей, кроме Льва, выжили лишь его две сестры и брат. Отец и мать Лейбы были крупными землевладельцами: сдавали в аренду земельные наделы, были обычными эксплуататорами крестьянского труда и достигли на этом поприще неплохих финансовых результатов.

Первым учебным заведением будущего председателя Реввоенсовета республики, о которой тогда еще никто даже не задумывался, стал традиционный еврейский хедер.

Будущее, все в будущем. Лейба еще станет идеологом Коминтерна, а пока растет в многодетной семье и чувствует там свое полное одиночество. Вот что он писал о детстве: «Ко времени моего рождения родительская семья знала достаток. Это был суровый достаток людей, поднимающихся из нужды вверх и не желающих останавливаться на полдороге. Все мускулы были напряжены, все помыслы направлены на труд и накопление. В этом обиходе детям доставалось скромное место. Мы не знали нужды, но не знали и щедростей жизни, ее ласк.

Это было сероватое детство в мелкобуржуазной семье, в деревне, в глухом углу, где природа широка, а нравы, взгляды, интересы скудны и узки.

Земля, скот, птица, мельница требовали всего внимания без остатка. Времена года сменяли друг друга, и волны земледельческого труда перекатывались через семейные привязанности. В семье не было нежности. Но была глубокая трудовая связь между матерью и отцом. Оба хорошо знали, что такое предельная усталость тела»²⁵.

Большую часть времени мальчик проводил в играх с крестьянскими детьми. Он практически не разговаривал на идиш, зато в совершенстве владел русским и украинским языками. Общение с простыми людьми, тогда – париями общества, повлияло на формирование лидерских качеств в характере Льва Давидовича.

Троцкий вспоминает, что в его семье не было религиозности. Родители поддерживали ее видимость по инерции: в большие праздники ездили в синагогу, по субботам мать не шила, по крайней мере открыто. Их привязанность к обрядам – по мере роста детей и благосостояния семьи – постепенно утрачивалась. Отец и с молодых-то лет не особенно верил в Бога, а в более поздние годы уже спокойно говорил об этом. Мать же предпочитала обходить вопрос веры, но в подходящих случаях не забывала поднимать глаза к небесам, призывая всевышнего в свидетели ее праведных намерений.

Детство и юность Троцкого прошли в стороне от столбовой дороги развития марксизма в России – вне крупных университетских центров, вдалеке от рабочих предместий, – он вырос, не имея представления о повседневных нуждах набирающего силу рабочего люда заводов и фабрик.

Семья Бронштейнов не отличалась ни особым благополучием, ни общественными привилегиями, но не испытывала и материальных трудностей. В начале жизненного пути для Троцкого не было серьезным препятствием и его еврейское происхождение. К тому же отец Льва Давидовича не стремился замыкать детей в узком местечковом мире, столь блистательно описанном Шолом-Алейхемом. Льва он отдал в Одесское реальное училище святого Павла.

Ученикам-евреям на русском языке преподавалась Библия и история еврейского народа, но «эти занятия никто всерьез не принимал». Троцкий тем не менее запомнил «замаскированные гнусности» учителя истории по отношению к полякам, немцам и всяким «еврейчикам».

Мальчик выделялся среди сверстников умом и красноречием, в нем уже тогда проявились желание и умение обращать на себя внимание. Лева Бронштейн писал стихи, переводил на украинский басни Крылова; рано пристрастился к чтению, к печатному и устному слову. Увлеченно писал сочинения на различные темы, которые учитель неизменно выделял и вслух читал в классе, – в общем, Лева мечтал стать писателем. Всю последующую жизнь Лев Давидович прошел с пером в руке. Оно всегда было его главным оружием наряду с незаурядным талантом оратора. Десятки книг, тысячи статей дают богатый материал для ответа на вопрос: скажи, что ты пишешь, и я скажу, кто ты. Человек разносторонних способностей, он любил математику и мечтал о поступлении на математический факультет Императорского Новороссийского университета, основанного в Одессе на базе Ришельевского лицея.

Со временем музыка поэзии и гармония чисел будут забыты и навсегда уступят место в его сердце боевым маршам мировых революций.

Постигая науки, юноша познакомился с трудами Карла Маркса и примкнул к местному кружку социалистов.

«И в деревне, и в городе я жил в мелкобуржуазной среде, где главные усилия были направлены на приобретение, – вспоминал он впоследствии. – По этой линии я оттолкнулся и от деревни моего раннего детства, и от города моих школьных годов. Инстинкты приобретатель-

²⁵ Л. Троцкий, «Моя жизнь».

ства, мелкобуржуазный жизненный уклад и кругозор – от них я отчалил резким толчком, и отчалил на всю жизнь».

Троцкий очень скоро стал, как мы теперь говорим, неформальным лидером группы молодых людей, искавших выхода переполнявшему их стремлению работать «на благо общества». В Николаеве, где отпрыск мелкобуржуазной семьи оканчивал последний класс учебы в реальном училище, он и его друзья смогли создать *Южно-Русский рабочий союз*, в котором насчитывалось до двухсот членов, главным образом рабочих города, николаевских судостроителей.

Окончив училище в 1895-м, Лева Бронштейн полностью переключился на революционную деятельность.

В 1898 году активность молодого человека была пресечена арестом, за которым последовали два года тюрьмы с дальнейшей ссылкой в Сибирь. В этот период революционер обзавелся новой фамилией – Троцкий, которую сохранил до конца жизни.

В одесской тюрьме он с *неутомимой жадностью* штудировал множество богословских трудов. Знал все секты и ереси старого и нового времени, все доводы православия против католицизма, протестантства, толстовства, дарвинизма, но апологетическая литература не произвела на него особого впечатления. Идеологический борец прежде всего, Троцкий хотел быть подготовленным к встрече с «клерикализмом», который ненавидел со всем жаром революционера-марксиста. Впоследствии он писал: «Бородатые и седовласые митрополиты, Победоносцев, их вдохновляющий, и другие столпы государства, считающие нас, революционеров, безумными фанатиками, а себя представителями трезвой мысли, требуют от всех веры в бессеменное зачатие и в Святой Дух, передающийся через хлебные облатки».

Да, жизнь на окраинах империи была жестокой и бесперспективной. Да, детям не хватало любви и ласки. В том мире, где начинал свою жизнь еврейский мальчик Лейба, не было ни Бога, ни справедливости. Но нам, живущим в XXI веке, непонятно, почему столь одаренный и довольно образованный юноша предпочел одной красивой сказке о добром, вечно восстающем из пепла Боге, другую религию-химеру – бездушный, жестокий, беспощадный миф о секулярном, пролетарском коммунистическом мессианском будущем (чем не новый жестковый иудаизм?):

*Весь мир насилья мы разрушим
До основанья, а затем
Мы наш, мы новый мир построим:
Кто был ничем, тот станет всем.*

В этом куплете соединилось все: иудаизм, христианство и коммунистический интернационал поют в унисон гимн будущей революции. Нельзя не признать, что на рубеже веков старушка Европа решила *тряхнуть стариной* и увлеклась трудами новых харизматичных пророков того времени – Маркса и Энгельса. Что уж говорить о молодых? Пубертатному возрасту свойственны максимализм и жестокость, а еще вера в будущий прекрасный мир *свободы, равенства и братства*. Но ведь они уже тогда знали, что придется разрушить все – экономику, страну, границы, семью, веру, культуру, память предков... Что в этом механическом мире не будет места для *буржуазных пережитков*: любви, радости, нежности, надежды, счастья растить детей, в нем не будет ничего человеческого. Еще Энгельс писал, что *семейное хозяйство при социализме должно стать частью общественного труда, а уход за детьми и их воспитание – общественным делом. В связи с этим семья просто отомрет*. Посмотрите, что за чудовищный микс канцеляритов! Ни харизматы «Капитала», ни харизматы русской революции не

²⁶ Жестковийность – упрямство, непреклонность.

предполагали, что их *будущий прекрасный* мир станет жестоким миром механически мыслящих кастрированных бюрократов.

Такой же бездушный лозунг: «Революция – все, люди – ничто» – был взят на вооружение и в девяностые. Гайдар со товарищи-младореформаторы считали: Россия населена *совками*, все, что существует в *этой стране*, следует не задумываясь смести с лица земли и только потом строить новое. А для этого годятся любые способы и любые средства. Пусть инфляция разрушит все – в этом нет никакой проблемы. Так или иначе, этот старый хлам мертв и не нужен. Гайдар вещал в революционном раже: «Научные учреждения могут подождать! Северные районы не нужны! Старое поколение виновно...» Корыстные и самовлюбленные или искренне заблуждающиеся, они строили капитализм чисто большевистскими методами: важна цель, а средства – безразличны.

Разве нельзя было разглядеть последствия *на берегу*, до переправы?

Возможно, мы не одобряем выбор Троцким и многими другими музыки и ритмов всемирной пролетарской революции просто потому, что нам довелось до конца просмотреть этот ужасный кинофильм, прочесть титры, узнать имена режиссеров и актеров, заглянуть в будущее грандиозных, вселенского масштаба проектов и увидеть своими глазами конечные и бесконечно печальные результаты как тех, так и других религиозных поисков, как, впрочем, и результаты многих других кровавых и беспощадных религий XX века.

Но вернемся к юному Лейбе. В 1890-м Троцкий навел контакты с представителями антиправительственной газеты *Искра* и вскоре стал ее сотрудником, печатаясь там под псевдонимом *Перо*.

Сбежав из-под надзора, в 1902 году Лев Давидович оказался в Лондоне, где начал сотрудничать с Лениным, продвигая в массы идеи будущего *вождя пролетариата*. Молодость талантливого агитатора и оратора не помешала ему быстро завоевать популярность.

Сексот по призванию

*Эту ночь глазами не проломаем,
черную, как Азеф.*

В. Маяковский

Его имя стало нарицательным, ему посвящали книги, пьесы, кинофильмы. О нем писали известные мастера: М. Горький, А. Толстой, М. Алланов, Р. Гуль, Б. Николаевский и другие – все дружно называли Азефа *Иудой XX века, величайшим предателем и негодяем*. Насколько это правда? По мнению В. Лаврова, «суждения эти однобоки, более того – глубоко ошибочны».

Еврей по национальности и провокатор по духу, он умел быть слугой многих господ, везде преуспел и в конце концов предстал перед нами одной из легендарных личностей, подготовивших Февральский и Октябрьский перевороты.

Иона (Евно²⁷) Азеф родился в захолустном еврейском местечке Лысково Гродненской губернии в семье бедного портного Фишеля Азефа. Семья была большая: три сына и четыре дочери, Евно был вторым.

Как вам кажется, имя *Евно* ассоциируется на слух с почтенным именем пророка? А с чем ассоциируется, не со словом ли *евнух*? Тонкий голос при высоком росте и тучности...

А вот еще (Саша Черный постарался):

*Вам все равно –
Еврей ли, финн, иль грек,
Лишь был бы только не «Евно»,
А человек.*

²⁷ Транскрипция имени Иона. Иона – пророк, извергнутый китом в грешной Ниневии.

Скромно и незаметно начинался ручеек его жизни, который превратился в конце концов в бурную реку и выбросил эту экстравагантную персону в бушующий океан опаснейших приключений и мировой славы.

Папаша Азефа – Фишель, которого в Лысково держали за *фуфеля*²⁸, «был тощим стариком в чесучовом, выгоревшем до седого цвета лапсердаке, который он носил так долго, что казалось – родился в нем вместе с седыми пейсами, угрями на тощей шее и глазами, в которых будто отражались все мировые несчастья со времен Ноя²⁹».

Фишель целыми днями сидел в своей лачуге да что-то без конца шил – причем обычной иглой, – ибо если у него что и было, так это геморрой и язва; *Зингера*³⁰, во всяком случае, никогда не было. Он окидывал взглядом нищенские углы хибарки и тяжело вздыхал:

– Я знаю, Бог жалеет и любит бедных, но почему он помогает только богатым?

Если Фишель уж совсем не отрывался от шитья, как тогда получилось, что дождливым октябрем 1869 года у его Сары родился младенец? (В конце концов их станет семеро – дурное дело нехитрое!) На восьмой день местный моэль обрезал тезке пророка крайнюю плоть, что недвусмысленно свидетельствовало о заключении союза между еврейским младенцем и праотцом Авраамом – а это уже что-то да значило, на такой союз вполне можно было положиться.

Как другая знаменитость, вундеркинд Уильям Сидис, который еще в младенчестве обнаружил яркое дарование и научился писать к концу первого года жизни, а в шесть лет изучил аристотелевскую логику, так и наш герой Евно уже в пять годков блеснул талантом, который повсюду развернулся позже и сделал его имя знаменитым на десятилетия вперед.

Как-то по случаю папа Фишель купил на последние деньги фунт хороших конфет для гостей. Конфеты от вечно голодных детей были припрятаны на кухне, но не по возрасту смысленный Евно их обнаружил и тайком слопал, а фантики загодя спрятал под подушку трехлетнего брата Натана. Что было дальше, ясно – Натан был выдран, тем более что по причине задержки речи не смог произнести в свою защиту положенной в таких случаях оправдательной речи.

«О семье Азефов известно: она была не только бедной, но и недружной. Постоянные ссоры, драки. В какой-то момент мать сбежала из дома. В еврейской мещанской семье мать сбежала из дома, бросив детей! Эту семейную драму скрывали. Любовь Григорьевна Азеф-Менкина, впоследствии супруга нашего героя, узнала о ней из случайно подслушанных разговоров мужа с братьями»³¹.

Жить в Лысково было тяжело: нищета отчаянная, к вожделенному куску пищи тянулось слишком много голодных ртов. Кто мог, пытался вырваться из *черты оседлости*, чтобы избавиться от статуса *луфт-менн*³², то есть людей без земли, собственности и заработка. Когда Азефу было пять лет, в поисках лучшей жизни сумел выбраться из *черты оседлости* и его отец.

Семья поселилась в Ростове-на-Дону, быстро растущем в те годы торгово-промышленном центре Юго-Востока России. В богатый хлебом и углем район стекались предприимчивые люди: съезжались промышленники, купцы, создавали новые предприятия, зарождающейся индустрии требовались тысячи рабочих рук. Капиталы тогда создавались быстро и легко – просто надо быть оборотистым и беззастенчивым в выборе путей и средств, вот и все!

Портняжную иглу отец сменил на лавку с броской вывеской *Красный товар*, однако и тут ничего, кроме головной боли, так и не нашёл. Измученный нищетой, но обогащенный ветхозаветной мудростью предков, старый Фишель наставлял чад:

²⁸ Никчемный человек, задница (*русское аргю*).

²⁹ В. Лавров, «Эшафот и деньги, или Ошибка Азефа».

³⁰ Швейная машинка.

³¹ В. Шубинский, «Азеф».

³² Люди воздуха (*идши*).

– Дети, запомните: раз уж вы родились евреями, то гораздо лучше быть богатым и ученым, чем нищим и презираемым! И зарубите на носу: от гоев добра не ждите – никогда! Или вы хотите со мной спорить?

У ребенка внимательные глаза и жадный до знаний ум.

Он умел внимательно слушать учителей. Когда приезжали инспектора, учитель непременно вызывал к доске Евно, и тот поражал комиссию памятью и математическими способностями. Он, например, легко нашел решение задачи «Сколько получится, ежели сложить все числа от одного до ста?», которое первым в свое время показал знаменитый немецкий математик Карл Фридрих Гаусс.

Эта история прокатилась по всему городу – на какое-то время учащийся Евно Азеф сделался популярной личностью. Но потом все стало как прежде: однокашники при всяком удобном случае норовили обидеть любимшего уединение мальчишку. Маленький Евно не блистал красотой, да и обаянием не отличался – был полным и неловким, картавил, пришепetyвал, «словно кончик его языка обвязали марлей»; дефекты речи сохранились у него и во взрослом возрасте. Сверстники звали его *толстой свиньей*, травили, обижали, а он, бедняга, тихо плакал по ночам, зарывшись головой в подушку.

Очень замечательно, когда еврей изучает Тору и Талмуд. Прекрасно дитя, читающее по вечерам возле керосиновой лампы своему отцу откровения Темары. Но если вы хотите жить в радости, то думайте, как заработать гелд.

Выбиваясь из последних сил, Азеф-отец давал все-таки детям возможность учиться: протащил троих сыновей через Петровское реальное училище – на дальнейшее средств уже не было.

«Фишеля Азефа, видимо, сделали не из того теста – он занялся торговлей, но капиталов не нажил. „Люди вообще бедные“, – написано в справке местной полиции о семье Азефов почти через двадцать лет после их переселения в Ростов. Тем не менее на одного из сыновей – на Евно Азефа – ростовская атмосфера погони за легкой и скорой наживой наложила, видимо, неизгладимую печать. С ранних лет у него проявились тяга к деньгам и неразборчивость в выборе средств для их получения»³³.

В училище его не жаловали – кто полюбит эдакого красавца? Никем не любимый, он часто бывал груб, это за ним и потом водилось. Но бывал и сентиментален. Как учился? Азеф старался все и всегда делать на совесть, по первому разряду. Только один дар положила фея в его колыбель. Только одно качество было ему дано – качество, которого никто не мог отрицать, даже после разоблачения, – ум, цепкий практический ум.

Учился он хорошо, но вот училище почему-то вынужден был на время оставить, не получив аттестата. В чем причина? Бедность?

Есть мнение, что свое первое предательство Азеф совершил во время учебы в старших классах Петровского реального училища. «Он якобы выдал несколько тайных кружков, организованных гимназистами с целью повлиять на переустройство России и которые в Ростове-на-Дону как и в других городах России, составлялись из наиболее пылкой, великодушной и развитой части учащейся молодежи. На деньги, получаемые от полиции, ему удалось, по словам некоторых, все-таки завершить свое учение»³⁴.

³³ Б. Николаевский, «История одного предателя».

³⁴ Ж. Лонге, Г. Зильбер, «Террористы и охранка».

Так или иначе, в 1891-м Азеф с блеском сдал экстерном экзамен за реальное училище. Ему было двадцать два года.

Евно ринулся в погоню за неуловимым капиталом: давал уроки, был репортером местной газетки *Донская пчела*, служил писцом в конторе, ссужал небольшие деньги под хорошие проценты, был мелким коммивояжером, но это были копейки. Настоящий капитал упорно шел в другие руки, например владельцу большого продовольственного магазина Фишману, с сыном которого он дружил.

Нищенское существование не могло удовлетворить тщеславного юношу – тем более что о существовании лучшей доли молодой Азеф знал не только по долетавшим до него шумам большого города: еще в училище он завел знакомства и посещал кружки революционной еврейской молодежи – может, надо все перевернуть и построить новую жизнь?

В начале 1892 года на него пало подозрение в распространении революционной прокламации – стоял вопрос об аресте. Угроза оказаться в тюрьме подтолкнула к решению уехать за границу, куда Азефа и без того тянуло желание учиться – *выбиться в люди* без образования невозможно. Но где взять деньги? Математическая голова не подвела его и на сей раз, он все просчитал. Щепетильностью по отношению к чужим деньгам Евно никогда не отличался – по мелочам обманывал соучеников еще в училище. Теперь он сделал следующий шаг, провернув аферу покрупнее: взял у мариупольского купца партию масла на комиссию, выручил от продажи 800 рублей и не вернул. С помощью старого Фишмана выправил заграничный паспорт. Путь на Запад открыт, Евно укатил в Германию, в Карлсруэ, учиться на инженера-электротехника.

В. Шубинский пишет: «По агентурным сведениям, между Азефом и его бывшими товарищами в настоящее время возникла вражда, вследствие того что некоторые из них, выманив у него чужие деньги, поставили в необходимость бежать за границу и не только не оплатили долга, но обманули в обещании помогать в жизни за границей». Скорее всего, так оно и было. Восемьсот рублей, большие деньги по тем временам, позволили бы студенту более полугода безбедно жить за рубежом. Но Евно в Карлсруэ явно *перебивался с хлеба на квас*.

Прошел год, учеба в Германии не принесла спокойствия двадцатичетырехлетнему студенту из России. Просыпаясь среди ночи от тревожного сердцебиения и душевных терзаний, он не мог избавиться от черных мыслей. В бессильном бешенстве курил папиросу за папиросой не в силах смириться с ничтожностью места, уготованного ему злодейкой-судьбой. Это при его-то способностях и глубоком понимании природы человеческой! В голове крутились несбыточные планы, как одним прыжком преодолеть пропасть между ним, бедным евреем из простой семьи, и получающими университетское образование отпрысками родовитых семейств. Задыхаясь от мысли о неосуществимости своих идей, он задумывал все новые и новые кровожадные проекты, ключевым словом которых стало «*месть*». Итак, месть этим тупым и самоуверенным студентам-соотечественникам из богатых семей – почему им все, а ему ничего?!

Евно подходил к зеркалу, с тоской разглядывал полное, бугристое лицо с мясистыми губами, крупными глазами навывкате, короткой шеей и двойным подбородком – ну, чистый Квазимодо! Душевные муки от сознания безвыходности своего положения усиливались. Из-за отталкивающей внешности проститутки брали с него двойную плату – каждое посещение публичного дома на неделю лишало его обеда. О, как же он был охоч до продажных ласк и как часто ему приходилось голодать!

– Это не лицо, а ошибка анатомии, – подумал Евно и, развеселившись, добавил: – Есть верное средство, как показаться красавцем этим капризным шлюхам: надо закрывать им глаза крупными купюрами. Придет день, и меня станут домогаться первые красавицы.

Неодолимая жажда наживы всецело овладела Евно – деньги сулили сытость и наслаждения. Сыграло ли только это решающую роль в его дальнейших поступках, у историков бытуют разные мнения. Возможно, в первую очередь он мечтал отомстить богатеньким мальчикам-революционерам, которые так лихо обвели его вокруг пальца при отъезде в Германию.

В нем и раньше дремали задатки авантюриста и двойного игрока. Честь разбудить их досталась ростовскому марксистскому кружку – знали бы эти пылкие юноши, кого они разбудили!

В марте 1893 года Азеф направил в Департамент полиции Российской империи письмо, в котором сообщил о кружке учащейся молодежи в Карлсруэ и о намечавшейся ими отправке в Россию нелегальной литературы³⁵. Послание заканчивалось заверением в его преданности царю и Отечеству и предложением стать платным осведомителем. После непродолжительной переписки и начального периода сотрудничества директор Департамента генерал-лейтенант Николай Петров рвение нового корреспондента оценил, разглядев в нем потенциального предателя высокого полета, и приказал вызвать в Санкт-Петербург на вербовочную беседу.

На явочной квартире для приема *сексотов* Азеф дал подписку о сотрудничестве: «...*обещаю и клянусь перед Всемогущим Богом и Святым Его Евангелием, что все поручения и повеления, которые я получу от своего начальства, буду исполнять верно и честно, по лучшему разумению моему и совести, что за всеми явными и тайными врагами государства буду тщательнее наблюдать, объявлять об оных и доносить, как и где бы я ни нашел их... Да поможет мне Господь Бог в сей, равно и в будущей моей жизни. Присвоенный мне псевдоним „Раскин“ обязуюсь хранить пуще зеницы ока.*

Во уверение чего и подписуюсь _____ (Азеф)».

Генерал Петров дал ему первое задание: сменить политический окрас и из либерала превратиться в убежденного террориста.

– Ибо опасение есть, – пояснил он, – что уцелевшие члены разгромленной *Народной воли* могут возобновить в России свою террористическую деятельность. Посему вы должны стать своим среди чужих и проникнуть в их планы...

– Я-таки готов, ваше превосходительство! – на радостях новоиспеченный агент оборвал генерала, но тот, не заметив его возгласа, продолжил с пафосом:

– Я распорядился поставить вас, то бишь господина Раскина, на денежное довольствие, теперь вы ежемесячно станете получать 50 рублей...

От бдительного ока генерала не ускользнуло, что Азефа бросило в жар и пот.

«Интересно, – подумал Петров, – его соплеменник Иуда тоже вспотел, получив тридцать сребреников?»

Эта мысль развеселила директора, и он бодро произнес:

– Пятьдесят рублей – это, Евно Фишелевич, лишь начало...

– Ваше превосходительство, хотя вы опять пошли с козырей, но я таки люблю, щоб меня называли Евгений Филиппович... – надув губы, сказал Азеф.

Тонем Понтия Пилата, огласившего смертный приговор Христу, генерал произнес:

– На какое бы имя вы ни претендовали, размер жалованья будет зависеть только от вашего усердия, ибо с каждого предотвращенного покушения на члена царской семьи или на государственного чиновника зарплата ваша будет увеличиваться – слово генерала! – и завершил встречу напутствием: – Последнее на сегодня, Евгений Филиппович... Хотя дело наше первое – чистим мы авгиевы конюшни империи, но приходится нам лавировать между епитимьей и анафемой. А посему запомните наш девиз: «Никогда не думай о себе плохо!»

³⁵ Сведения об этом эпизоде получены из книги Марка Алданова «Азеф».

...Так 4 ноября 1893 года власти предрежащие Российской империи в лице директора Департамента полиции правовым актом узаконили предательство Азефа, и оно стало доминантой его жизни.

Что двигало в тот момент Азефом, только ли желание легкой наживы?

Журналист и историк искусств М. Золотоносов сомневается в этом³⁶: «Во-первых, что касается *легкости* денег... Возможно, Азеф и был алчным, но служить в полиции и *работать* среди революционеров, находясь под постоянным животным страхом за свою шкуру, – можно ли назвать такие деньги легкими?» Есть еще и *во-вторых*, об этом мы тоже поговорим, но несколько позже.

В 1899 году Азеф завершил учебу в Высшей технической школе, вернулся в Россию и вступил в Союз социалистов-революционеров. В Департаменте полиции распорядились зачислить его в гильдию печников при Петербургской палате ремесел и прописать в Северной столице. Теперь он уже не Евно, а Евгений Тимофеевич Азеф, не жалкий недоучка из еврейской слободки (зарубежное образование почему-то не бралось полицией в расчет), а мастер уважаемой профессии с постоянным адресом, поэтому *черта оседлости* на него уже не распространялась. *С сего дни* ничто уже не мешало ему выполнять обязанности секретного сотрудника уважаемого ведомства!

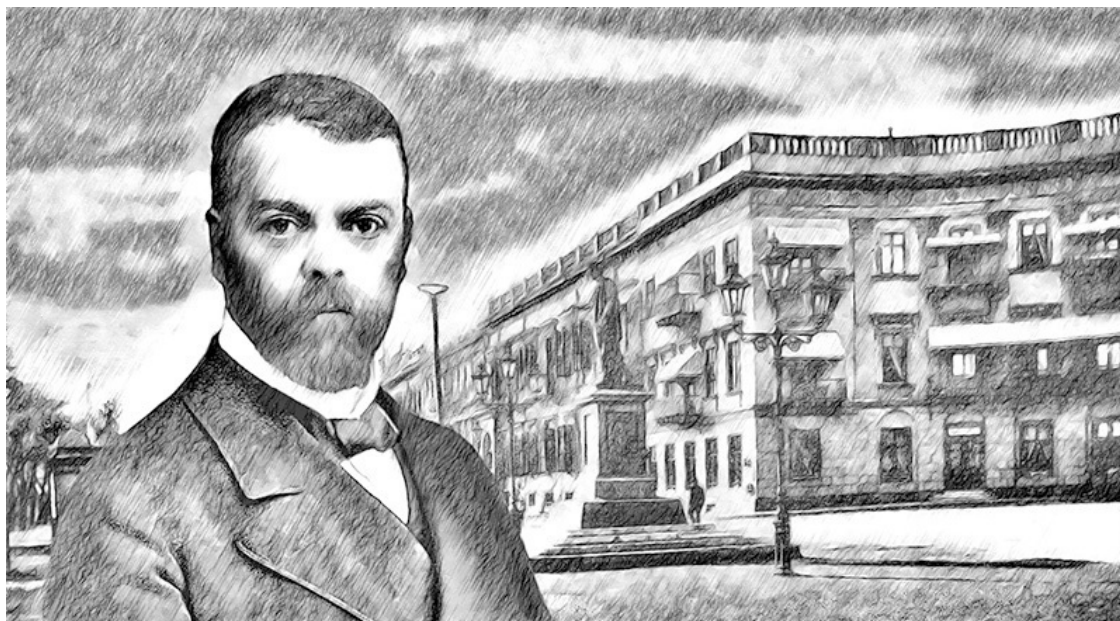
После ареста лидера эсеров Г. А. Гершуни в 1903 году Азеф остался центральной фигурой и возглавил Боевую организацию эсеров, занимающуюся подготовкой террористических актов против представителей полиции и высокопоставленных чиновников Российской империи. Партийные псевдонимы Азефа – инженер Азиев, Иван Николаевич, Валентин Кузьмич, Толстый. В контактах с Департаментом полиции использовался только псевдоним Раскин. Его полицейский псевдоним знали единицы.

³⁶ М. Золотоносов, «Великий провокатор. Загадка Евно Азефа».

Парвеню в посудной лавке

*«Какие бабочки, букашки,
Козявки, мушки, таракашки!
Какие крохотны коровки!
Есть, право, менее булавочной головки!» –
«А видел ли слона?
Каков собой на взгляд!
Я, чай, подумал ты, что гору встретил?» –
«Да разве там он?» – «Там!» –
«Ну, братец, виноват:
Слона-то я и не приметил».*

И. А. Крылов

Имя Александра Гельфанда-Парвуса в советское время нигде не упоминалось. В учебниках, воспоминаниях, работах историков тех времен, директивных документах партии этого имени не встретить, не было в истории такого человека – и все!

Прошло более ста лет, и вдруг выясняется, что та самая «великая русская революция» стала возможной лишь благодаря одному-единственному провинциальному еврею по кличке Парвус, настоящее имя – Гельфанд Израиль Лазаревич.

Наталья Нарочницкая не побоялась написать: «Именно он, а вовсе не Ленин, играл роль первой скрипки. Ленин вообще явился к шапочному разбору»³⁷.

Замалчивай не замалчивай, его слоноподобная фигура выпирала отовсюду. И сегодня она вызывает не меньший интерес, чем сто лет назад, в марте 1915-го, когда был написан знаменитый *Меморандум Парвуса*.

³⁷ Н. Нарочницкая, «Россия и русские в первой мировой истории».

Израиль Гельфанд родился 27 августа (8 сентября) 1867 года в семье ремесленника в местечке Березино под Минском. Позже он почел за лучшее переименовать себя в Александра Парвуса.

Он был еще совсем малышом, когда случился огромный пожар, уничтоживший значительную часть города. Дом слесаря-надомника Лейзера Гельфанда сгорел, и семья была вынуждена переехать в Одессу, на родину отца, где тот стал портовым грузчиком.

Вот как поэтично Парвус описывает пожар, уничтоживший его родное местечко Березино близ Минска: «Я, маленький мальчик, ни о чем не подозревая, играл в углу своей комнаты. Вдруг я заметил, что оконные стекла окрасились в изумительный багровый цвет – мне это очень понравилось... Моя мать бежит по улице, я спешу за ней, крепко уцепившись за ее руку, спотыкаясь, ничего не понимая, в недоумении глядя на мечущихся вокруг людей».

В портовой Одессе, культурной столице юга России, начался его путь *гражданина мира*, свободно говорящего на пяти языках и равнодушного к национальным и религиозным предрассудкам. Позже, скитаясь по Европе, он спрашивал знакомых, где можно «приобрести родину задешево», и в итоге выбрал Германию.

Но сформировала его русско-украинская культура.

«Я родился в России, годы юности провел в Одессе. Я мечтал под звездным небом Украины, слушал шум прибоя на побережье Черного моря. В моей памяти украинские песни сменяются сказками и рассказами ремесленников, приезжавших к моему отцу из Центральной России. Шевченко был первым, кто натолкнул меня на идею классовой борьбы. Я восхищался „Гайдамаками“. Михайловский, Щедрин и Успенский сыграли важную роль в моем духовном развитии. Первой прочитанной мной книгой по политэкономии была книга Джона Милля с комментариями Чернышевского»³⁸.

Парвус прошел типичный путь русского гимназиста своего времени. Чтение запрещенных книжек под партой, споры с учителями и даже попытки «хождения в народ»: в семнадцать лет вместе с другом Шаргородским он устроился в слесарную мастерскую и пытался там проповедовать рабочим революционные идеи.

В Одесской гимназии он делал первые попытки приобщиться к социал-демократическому движению, принимал участие в работе кружков революционной молодежи и определил свою жизненную цель: освободить Россию от царизма и обязательно стать богатым – интересное сочетание, не правда ли?

Видимо, опыт рабочих и революционных контактов разочаровал его, поскольку в 1895-м он обратился в *Палестинский фонд*, на средства которого можно было получить образование в Европе, и, став агентом некоего Сахарова, торговца оружием, уехал в Цюрих.

В Швейцарии он сблизился с группой *Освобождение труда* (Г. В. Плеханов, П. Б. Аксельрод и В. И. Засулич).

Неизвестно, откуда у Парвуса были деньги на жизнь, но он поступил в Базельский университет и защитил у известного политэконома Бюхера докторскую диссертацию о работах Маркса, а в 1891-м со степенью доктора философии переехал в Германию.

Воинственный двадцатичетырехлетний борец за «светлое будущее» (как позже выяснится, в том числе и свое) пожаловал в штаб-квартиру Социал-демократической партии Германии в Берлине, где был принят весьма благосклонно.

Современники вспоминают о нем как о весьма симпатичном человеке с изрядным чувством юмора и умением адаптироваться к любой социальной среде. Хорошо знавшая его Клара Цеткин пишет так: «Парвус был человек с бьющей через край жизненностью и в общении

³⁸ А. Парвус, «В борьбе за правду».

производил очень сильное впечатление, разбрасывая полными пригоршнями духовные ценности и таким образом увлекая за собой трезвую душу Каутского».

Он легко заводил друзей, но и терял их без сожаления. Любил красиво и со вкусом пожить, пользовался успехом у дам. Любил авантурные предприятия, смело шел на рассчитанный риск. Однако основной страстью, постепенно оттеснявшей все остальное, становилось стремление к обогащению и к полной легализации в Германии, что требовало вступления в ее подданство.

В среде германских эсдеков ему симпатизировали. «Партайгеноссе» Парвус оказался душой компании; остролов и весельчак разбавлял веселыми шутками скучные партийные мероприятия.

Рано растолстев и облысев, он получил кличку *Доктор Слон* (кстати, именно от слова *Elefant* произошла фамилия Гельфанд). А еще он привлекал внимание ветхой, засаленной одеждой: эмигрант отчаянно нуждался, имея на попечении жену Татьяну Берман, привезенную из России, а потом и сына Евгения. В поисках заработка он писал на любые темы, сверкая остроумием и не стесняясь в выражениях. Нападки на прусских парламентариев привели к высылке пламенного публициста из Берлина в Дрезден, где он занялся обличением уже своих партийных товарищей – они плохо, на его взгляд, защищали интересы рабочих...

Август Бебель возмущался: «Он выставил ведущих деятелей партии на всеобщее обозрение почти что нагишом!» В результате Парвус сильно подпортил свою партийную карьеру, и вскоре ему пришлось покинуть Дрезден.

Но главные его приключения были впереди.

В 1893 году, как «нежелательный иностранец», он был выслан из Пруссии. *Парвусом А. Гельфанд* стал летом 1894-го, подписав этим псевдонимом одну из статей в теоретическом органе германской социал-демократии (а фактически – *II Интернационала*) *Die Neue Zeit*. Его *слоновий* статус комично контрастировал с партийным псевдонимом – Парвус означает на латыни не только «маленький», но и «выскачка», «парвеню», коим он и был всю жизнь.

Рассорившись с немецкими социалистами, Парвус обратился к русским. В конце 1890-х годов его квартира в Мюнхене стала центром притяжения не только немецких, но и российских марксистов; Ленин бывал у него, пользовался книгами его библиотеки, познакомился благодаря Парвусу со многими видными революционерами. В 1900 году вожди радикального крыла РСДРП Ленин, Мартов и Потресов задумали выпускать за границей газету *Искра* и тайно переправлять ее в Россию. Парвус получил членство в редакции и право публикации статей на первой полосе.

В этот период он постоянно укреплял связи с российскими революционерами и на Международном социалистическом конгрессе в Лондоне в июле 1896 года был членом российской делегации. В 1899-м с фальшивыми документами отправился в Россию, где собирал материалы для книги о голоде 1896 года (*Das hungernde Russland*, 1900).

Троцкий, познакомившись с Парвусом в редакции *Искры*, посчитал его «несомненно, выдающейся марксистской фигурой конца прошлого и начала нынешнего столетия...». «В нем всегда было что-то сумасбродное и ненадежное, – писал он далее. – Помимо всего прочего, этот революционер был одержим мечтой: разбогатеть. И эту мечту в те годы связывал со своей социально-революционной концепцией. „Партийный аппарат окостенел, – жаловался он. – Даже к Бебелю в голову трудно пробраться. Нам, революционным марксистам, нужна большая ежедневная газета, выходящая на трех языках. Но для этого нужны деньги, много денег“. Так переплетались в этой тяжелой, мясистой голове бульдога мысли о социальной революции с мыслями о богатстве».

Троцкий отметил в новом знакомом неожиданную для революционера тягу к роскоши. Толстяк-жизнелюб играючи пускал деньги *Искры* на собственные модные костюмы и развлечения

ния: дорогие рестораны и любовниц. Товарищи, стиснув зубы, терпели *аморалку* соратника – *Доктор Слон* был им необходим как опора в Германии: обстановка в России быстро накалялась.

«Справедливости ради надо заметить: гуляка Парвус успевал и теорию марксизма развивать. Когда впоследствии царский режим начал „маленькую победоносную войну“ с Японией, он опубликовал в *Искре* серию статей, объявивших, что *война станет прологом революции*. В его сочинениях впервые были высказаны теория *перманентной революции*, приписываемая теперь Троцкому, и идея о России как *слабом звене* капиталистического мира, откуда должна начаться мировая революция (позже эта мысль была отдана Ленину)»³⁹.

В 1897 году он стал редактором дрезденской газеты *Sächsische Arbeiter Zeitung* (*Саксонская рабочая газета*); резкостью тона она вызывала сильное недовольство не только среди правых социал-демократов, но и среди левых. Тогда же Парвус получил широкую известность как марксистский теоретик и публицист благодаря полемике с Э. Бернштейном. В конце 1898-го он был выслан из Саксонии, оставив своим преемником в газете Розу Люксембург.

Первый манипулятор общественным сознанием, Александр Парвус был также одним из первых политических эмигрантов, вернувшихся в Россию в 1905 году, в разгар стачек и забастовок. В октябре *Доктор Слон* вместе с Троцким приехал в охваченный волнениями Петербург, где энергичная парочка создала Совет рабочих депутатов (во главе его для вида поставили социалиста «из народа» Хрусталева-Носаря). Попутно сподвижники арендовали заштатную *Русскую газету*, превратив ее в сверхпопулярное издание тиражом 500 тысяч.

Эрлихман рассказывает колоритную байку о том, «как в разгар Первой русской революции 1905 года Парвус издал сборник своих статей, который стал бестселлером и принес баснословный доход. На полученный гонорар Парвус вместе с Троцким якобы кутили так, что перещегооляли самого Григория Распутина. *Божий человек* был уязвлен и осведомился у своих прихлебателей: „Кто такие? Пусть подойдут“. Расторопный официант принес ответ *пламенных революционеров*: „Просили передать, что ежели вы не желаете сидеть голым задом на самоваре, подойдите сами, обещали пятак выдать“».

В те же поры, утверждала молва, без Троцкого и Парвуса не открывались самые популярные политические салоны – Александр Львович был очень популярен, постоянно кутил и дважды в сутки менял поклонниц. Парвуса в буквальном смысле носили на руках; в него влюблялись романтические дамы, а социалистка Екатерина Громан просто переехала к нему, без колебаний оставив своего *классово несознательного* мужа.

В декабре лихих революционеров ждал арест, но благодаря своей популярности Парвус вместо *стольтинского галстука* получил всего лишь три года ссылки в Сибирь. Его этапировали вместе с ветераном партии Львом Дейчем, специалистом по побегам; возле Красноярска они напоили конвойных, переоделись в крестьянскую одежду и сели в поезд, идущий на запад. В вагоне третьего класса Парвусу от вони и грязи стало дурно – тут бы он себя и выдал, но все обошлось.

В Москве он получил у товарищей подложные документы и выехал в Германию, где скрывался под именем Петера Кляйна. Работал журналистом в Дортмунде, публиковал красочные воспоминания о революции и одновременно писал монографию о колониальной политике империализма. Одиночество ему скрашивала маленькая, нескладная и хроменькая Роза Люксембург, обладавшая удивительной – при ее-то внешности – способностью быстро и прочно увлекать мужчин и нашедшая в его неразборчивых объятиях утешение от ужасного поражения революции. Утверждают, что Парвус совершил вместе с музой революции романтическое

³⁹ Вадим Эрлихман, «Доктор Парвус. Кукловод революции?».

путешествие по Италии. Море, цветы, солнце, Ривьера, свободная любовь – это всегда было недешево. Чтобы добыть денег на путешествие с барышней, предприимчивый Парвус якобы запустил руку в партийную кассу. Но, возможно, это всего лишь одна из городских легенд.

В 1902-м Парвус стал литературным агентом Максима Горького; он организовал постановку в Германии пьесы «На дне», которая обошла все театры: только в Берлине выдержала 500 представлений и имела оглушительный успех. Часть выручки от постановок составлял агентский гонорар Парвуса, другую он должен был передать Горькому, третью – в партийную кассу РСДРП. Впрочем, никто, кроме Парвуса, денег не получил. «Трудно сказать, – пишут по этому поводу З. Земан и В. Шарлау⁴⁰, – что было правдой, а что вымыслом в этой истории с Горьким...» Узнав, что Парвус потратил 130 тысяч его кровных марок на путешествие в Италию с некой блондинкой – а может, вовсе и не с блондинкой, – взбешенный Горький посоветовал немецким социалистам «хорошенько надрать уши» обманщику По жалобе Горького дело Парвуса в 1908 году рассматривала партийная комиссия во главе с А. Бебелем и К. Каутским; Парвус был морально осужден и исключен из обеих партий, российской и германской. Сумма, присвоенная Парвусом, составила 180 тысяч золотых марок.

Скандал заставил его покинуть Германию и найти прибежище в Вене, а потом в Константинополе, где в 1908 году победила так называемая Младотурецкая революция. Хотя, по мнению симпатизирующего ему Радека, в Германии Парвусу было уже неинтересно: «Этот страстный тип эпохи Ренессанса не мог вместиться в рамках спокойной германской социал-демократии, в которой после падения волны русской революции революционные тенденции пошли на убыль. Ему нужно было или крупное дело, или... новые ощущения»⁴¹.

Это была уже не юность, но вполне еще молодость, до зрелости политическому авантюристу такого масштаба еще далеко. К началу XX столетия Парвус как личность полностью сформировался: был гедонистом, эпикурейцем, сибаритом, а еще – теоретиком и практиком марксизма; Ноздрев, Швейк, Омар Хайям, немного даже от Никиты Михалкова плюс уменьшенная копия гибрида Маркса с Энгельсом – и все это в одном флаконе: адская смесь, которая должна была когда-нибудь рвануть. И рванула, да еще как – до сих пор расхлебываем! Вот она, роль личности в истории.

⁴⁰ З. Земан, В. Шарлау, «Парвус – купец революции».

⁴¹ К. Радек, «Парвус. Силуэты: Политические портреты».

Везувий просыпается

Когда Березовский заходил в комнату, начинало пахнуть серой, как от спичек. Он был для меня настоящим чертом. Очень талантливым чертом.

Б. Белоцерковский

«А ведь скажи тогда кто-то, в стародавние пятидесятые, что этот щуплый и шустрый еврейчик с вечно не закрывающимся ртом станет некоронованным властителем России, будет избирать вождей (о президентах в те годы слухом не слыхивали), формировать правительства и открывать ногой тугие кремлевские двери, никто бы это даже за удачную шутку и не посчитал. Еще, может, и побили бы его – для острастки»⁴².

Кем мог стать школьник Боря Березовский?

Плохоньким инженером? Совсем плохоньким, потому что не любил приземленной практической деятельности, – да.

Псевдоученым, кропающим никому не нужные квазидиссертации и псевдостатьи? Да, уже и стал в какой-то момент.

Заведующим продмагом, отпускающим *по благу* дефицит, а еще лучше начальником ОРСа – вполне. Возможно, неудачником-товароведом. Или, наоборот, мог «подняться» до директора овощебазы.

Директором совхоза, как Лукашенко? Вряд ли, не по зубам косточка, не по Сеньке шапка...

Мечтал он о многом, вплоть до Нобелевской премии, мечтать в стране *развитого социализма* никому не возбранялось. Но чтобы рулить Россией – об этом, думаю, он даже во сне не фантазировал. «И дело здесь не столько в государственном антисемитизме, – писал Хинштейн, – сколько совсем в другом: в отсутствии у нашего героя тех неуловимых, но необходимых черт, которые с детства отличают будущих начальников и VIP-персон от прочего люда, всевозможной *массовки*».

⁴² А. Хинштейн, «Березовский и Абрамович. Олигархи с большой дороги», 2013 год.

Кто знает, были у мальчика черты лидера или их не было? Сверстники могли не догадываться об этом, а нам теперь издалека не разглядеть.

«Ужас, все время болтал, – вспоминала его мать. – Уже не знали, на какую парту его посадить, он все равно найдет кого-то и будет все время разговаривать».

Незначительный, суетливый, говорливый, невнятный – таким его увидел и Сережа Турчин при их первом знакомстве. Люди вообще мало меняются. Приобретая жизненный опыт, многие, как правило, становятся хуже: хитрее, изворотливее, злее, коварнее. Мало кому удастся пронести через годы лучшие детские качества: открытость, непосредственность и доброжелательность. Кстати: были ли у маленького Бориса эти замечательные детские качества? Почему нет, впрочем...

Сверстники, видимо, не принимали всерьез вертлявого Бориску, однокашницы – вообще не замечали. Детские и юношеские обиды сформировали его характер: вкрадчивость, энергию, несгибаемое, звериное упорство и сатанинское тщеславие. «Меня многие предавали», – часто повторял он. До последних дней лондонский изгнанник пытался рассчитаться с *предателями* за свои детские мальчишеские и новые недетские обиды, доказать неблагодарному миру – и в первую очередь самому себе, – «сколь преступно они все недооценили его таланты и достоинства».

Абрам Маркович Березовский, сын томского купца, по профессии инженер-строитель, всю жизнь колесил по стране, что-то возводил, воздвигал, пока не осел наконец в Москве. В 1943 году, в самый разгар войны, познакомился с Анной Гельман, девятнадцатилетней студенткой мединститута, – встреча двух провинциалов, приехавших «покорять столицу».

Двенадцать лет разница в возрасте...

Она – милая и трогательная, он – солидный и надежный: за таким как за каменной стеной. Что это было – пылкая любовь или трезвый расчет? Шла война, по Москве женихи не гуляли; даже инвалиды шли нарасхват...

Первый послевоенный год. Мертвые похоронены, живые вернулись с фронта, люди настраиваются на послевоенную жизнь, которая «теперь будет совсем другая», все полны радужных надежд. Двадцать третьего января 1946 года у четы Березовских родился мальчик.

Абрам Березовский был на хорошем счету, его переводили с завода на завод – каждый раз главным инженером, – дали даже премию Совмина. В общем, молодой советский выдвиженец.

К моменту рождения сына Анна училась на третьем курсе, из академического отпуска назад уже не вернулась – выбрала жизнь скромной домохозяйки.

Отныне и навсегда все в этой семье будет подчинено интересам долгожданного наследника. О, эта атмосфера безоглядной любви и даже поклонения! «Она боготворила сына, полностью жила его жизнью, – вспоминает ее знакомая Алла Раствелина. – Есть такие фанатичные мамы, которые с первых дней появления в семье чада всю собственную жизнь дарят только ему. Она даже второго ребенка не захотела только потому, что не представляла себе, что придется делить свою любовь к Борюсе с кем-то еще. Борюня для Анны Александровны был светом в оконце, абсолютным „всем“ в ее жизни».

Анна Березовская, насколько мы знаем, дала единственное интервью, приуроченное к шестидесятилетнему юбилею сына. Мать олигарха вспоминает такой эпизод: обнаружилось, что ненаглядный отпрыск скрыл от нее несколько полученных двоек, и она решила проявить строгость, наказав нерадивого ученика.

«Он лег. И я его так, знаешь... рукой шлепнула. В общем, и потом мы оба... Нет, не помню, не буду говорить, плакал ли он, но я плакала».

Жили Березовские скромно: шиковать было не на что. Если появлялись лишние деньги, тратили на Борю.

«Помню, один раз муж получил премию... и сказал: „Поезжай купи себе хоть платяице“. Я приехала и увидела детские колготки и шапочки. И купила их на все эти деньги. А себе, помню, купила только клипсикки. И такая счастливая ехала домой!»

В сравнении с большинством советских семей Березовские существовали сносно. Достаточно сказать, что на почетном месте в их одиннадцатиметровой комнате стоял, прикрытый салфеткой, телевизор – роскошь по тем временам неслыханная! Все равно что теперь автомобиль класса *люкс*.

В школе Бориса постигло жесточайшее разочарование: выяснилось, что их кажущееся благополучие – не более чем жалкая пародия на подлинную роскошь. Дело в том, что в школе № 413 Ждановского РОНО учились в основном представители столичной элиты.

«Определенное своеобразие школе добавляла близость нескольких престижных домов, – вспоминает одноклассник Березовского Евгений Беркович, – высотного на Котельнической набережной и пары домов на улице Чкалова, где жили известные физики. Оттуда пришли в школу дети знаменитых ученых, артистов, военных».

Блатные дети жили уже не в коммуналках, а в отдельных квартирах с телефоном, ватер-клозетом и даже с ванной. Носили модные курточкки и брюки, катались на велосипедах и коньках, а к школе их подвозили аж на персональных автомобилях.

Впечатлительная душа избалованного домашнего ребенка не могла остаться равнодушной к столь прелестным признакам социального успеха: вот тогда-то, наверное, и зародилась в маленьком Боре мечта о «красивой и богатой жизни».

Он был увлекающейся натурой – ходил в кружки, секции, учился играть на баяне (пианино не помещалось дома), навзрыд отдавался пионерской работе, взалхлеб соревновался в сборе макулатуры и металлолома.

Семья Березовских переезжает на новую квартиру в Академическом проезде, и в шестом классе их мальчик переходит в английскую школу № 2 на углу Ленинского и Ломоносовского проспектов. В этом районе жили в основном работники Академии наук. Среди Бориных одноклассников – сын Нобелевского лауреата Прохорова, дочь крупного физика-теоретика профессора Берестецкого.

«Из общей массы Бориса я никак не выделяла, – вспоминает Елена Баженова, его классная руководительница. – Да, неглупый. Да, способный. Но особой исключительности ничто не предвещало; был как все».

В новой школе юный Березовский вступил в комсомол и активно включился в столь важную для всей страны общественную деятельность. Среди его многочисленных комсомольских нагрузок – работа в школьном агитпункте. С агитацией, похоже, у него как-то не пошло, и тогда он придумал комсомольский патруль (патруль – уже какая-никакая власть!), придумал, организовал, сам же его и возглавил (не отдавать же власть в чужие руки!).

Патрульные дежурили на входе, проверяли: чистоту обуви, наличие *сменки*, успеваемость комсомольцев, отмечали опоздавших. Ах, что за сладкое чувство: задержать за опоздание не кого-нибудь – аж сына классной руководительницы! Это ли не высшее свидетельство его высочайшей принципиальности?!

Что говорить, талантов у шустрого мальчишки – хоть отбавляй! Но случился у него еще один по-настоящему высокий дар – главный талант всей его жизни: уже тогда он мастерски овладел высоким искусством обмана. Нет, никто в классе не умел врать лучше него: у будущего политического деятеля это получалось на удивление правдоподобно. Отъявленный шкода, он после любых, даже самых дерзких «проделок» выходил сухим из воды. Учителя глядели в эти наивные восточные глазки с растеряннo хлопающими ресницами, и у них не оставалось ни капли сомнения: уж кто-кто, а этот приличный, интеллигентный мальчик точно не может быть

замешан в плохом. Но ведь кто-то все придумал и сделал... Ну что ж – за проделки Березовского доставалось совсем другим. Начало было положено уже тогда, в невинные детские годы грядущего босса! Начало... Лиха беда – начало!

Это качество очень пригодится ему в дальнейшем.

И разумеется, понятно, почему одноклассники его не любили.

Дворовые мальчишки считали его дохляком и маменькиным сынком – от них больше всего и доставалось.

Когда сверстники впервые *поучили* его правильной жизни, пионер Боря долго не мог сообразить, что случилось. Мир раскололся: в одной половинке – домашние тепло и уют, мама, от которой никогда не было секретов, и алтарь домашнего храма – покрытый кружевной салфеткой телевизор; в другой – опасный двор и ничего не понимающая, неотесанная дворовая шпана.

Он был уверен: правда на его стороне, но дать сдачи обидчикам не мог и не умел – теще-душен был, росточком обделен, да и бойцовским характером на тот момент не отличался. Но уже тогда его нельзя было упрекнуть в недостатке сообразительности – быстро смекнул: не хочешь ходить с синяками, подстраивайся под тех, кто сильнее.

Видимо, с тех пор и появились у него хорошо нам теперь известные поднятые плечики, подобострастная, вкрадчивая походка – бочком, бочком, тяга к сильным мира сего и торопливое многословие... надо ведь успеть побольше наговорить, отвлечь внимание, *заболтать* противника, лишь бы не били. Ну и, конечно же, пристрастие к соленому и матерному словцу, без труда добавляющему недостающие штрихи брутальности его невзрачному облику.

А потом он стал старше и сделал неприятное открытие: прелестные одноклассницы игнорировали его, будто он и не юноша вполне себе пубертатного возраста, – вообще не замечали. Он готов был из кожи вон лезть, чтобы привлечь хоть чье-то внимание, – ноль результата. «Юный Березовский был в точности таким же, каким через много лет его узнает страна: сумбурным, невнятным, суетливым. Невысокого роста, сутулый, вечно куда-то спешащий, во рту сплошная *каша* – он, понятно, никак не подходил на роль героя-любownika, – писал А. Хинштейн, скрупулезно опросивший его одноклассников. – Но в изложении Бориса Абрамовича был он парнем хоть куда, драчуном, забиякой и бретером. И друзей имелось у него с избытком, а если от чего и страдал он, так исключительно от антисемитизма и большевистской косности».

«Однажды мы играли в классе в футбол и разбили портрет Дзержинского, – рассказывал он в одном из интервью, которые в эру своего расцвета раздавал в несчетном количестве. – Под этим предлогом меня не хотели принимать в комсомол. Говорили, что это был антисоветский поступок, чуть ли не сознательный».

Правда, его матушка вспоминала о том эпизоде несколько по-другому: «Учительница по истории рассказывала им, что, когда Дзержинский говорил, у него горели глаза. И что эти трое или четверо сделали? Сняли портрет Дзержинского со стены, подчистили глаза и провели туда лампочки».

Веселая детская шалость, тут нечего стыдиться – ну подзабыл, ошибся... Вспомнил не так, как было на самом деле, – может, случайность? Вроде пустяк. Но с этим умением БАБа в нужный момент вытаскивать из рукава туза или короля, переворачивая события с ног на голову, мы еще не раз столкнемся.

* * *

Да, у четы Березовских родился чертенок. Веселый, проказливый, симпатичный... Со временем из него вырос вполне себе полноценный черт.

И. Малашенко в *Рамблере* рассказывал о БАБе (это случилось на презентации сразу после выхода книги «Время Березовского»): «Он был малообразован, не понимал, где проходит граница между добром и злом. Однажды он пригласил меня на свою виллу на Кап-д'Антиб, и, выйдя из машины, первое, что я увидел, – каменная надпись „Оставь всю печаль, приходящий сюда“, переиначенная цитата из Данте. В „Божественной комедии“ над адом написано: „*Оставь всякую надежду, входящий сюда*“⁴³. И я сказал Борису: „Посмотри, твой рай – просто перелицованный ад, и это очень опасная игра, потому что с адом ты неизбежно заиграешься“. Борис заигрался с адом».

Как получилось, что в человеческой семье родился черт? Отец и мать Бориса не были обременены предрассудками клерикализма – может, поэтому? А с другой стороны, не очень-то верится, что милая двадцатидвухлетняя Анна Гельман могла водиться с «нечистой силой». Как тогда быть с чертячьей генетикой? Кстати, такой же вопрос можно задать и относительно происхождения Троцкого, Азефа и Парвуса. Те уж точно – из всех чертей самые что ни на есть чертяки, просто несвятая троица. А в принципе, как в обычной семье может появиться ребенок-черт? Сейчас даже самые верующие и воцерковленные не очень-то разбираются в делах небесных, а уж в демонологии – тем более. Посмотрим же, что об этом писали искушенные люди в Средние века.

Очевидно: черти не рождаются сами по себе. Нужно, чтобы чертом (инкубом) были либо отец, либо мать. И отчасти примыкает к этому традиционный русский народный сюжет о подмене младенца чадом нежити.

Средневековые демонологи не были изобретателями инкубов, поскольку истории о сношении человека с духами природы, демонами и языческими богами появляются во многих культурах и верованиях. В древнегреческой мифологии Зевс отличался большим распутством и влюблялся в смертных женщин, например в Семелу, родившую ему Диониса.

Римляне считали инкубов духами и приписывали им возможности и привычки, которые русские приписывают домовому... Инкуб, кстати, упоминается и в трагедии Гете «Фауст» в качестве «духа земли».

В славянских преданиях инкуб увязывался с Летяющим или Огненным змеем: «Огненный змей (варианты – змей-любака, маньяк, налёт огняный, прелестник) – злой дух, мифологическое существо, которое часто является людям инкубом – ипостасью ходячего покойника или черта, принимающего облик умершего или находящегося в отлучке мужа или любовника и вступающего в любовные отношения с женщинами».

В сказках, легендах и мистических историях встречается и такое, что нечисть якобы обернулась мужем и затащила женщину на ложе. А тогда уж, наверное, возможно и рождение ребенка – почему нет? И при определенном стечении обстоятельств никто, включая мать, не узнает, что ребенок этот не от мужа, а от черта, то бишь он и есть маленький черт.

Мне кажется, можно сразу отместить приведенные выше варианты, подробно описанные в «Молоте ведьм»⁴⁴. Все наши пламенные революционеры родились в достойных семьях, хоть и не христианских, но их матерей мы никак не можем заподозрить в тайных связях с чертями. А чтобы эти заботливые еврейские мамы не заметили подмены их младенцев на чады нежити – нет, этого ну никак не могло случиться!

⁴³ «Оставь надежду, всяк сюда входящий».

⁴⁴ Генрих Крамер, «Молот ведьм» – трактат по демонологии и о так называемых надлежащих методах преследования ведьм.

«Молот ведьм» дает еще один вариант – на эмбрион (в момент его формирования) или на плод (уже на этапе вынашивания) было обращено какое-то особенное воздействие.

Что может происходить с плодом, если в беременную женщину вселится inferнальная сущность? Наверное, эта сущность может как-то направить развитие плода.

А насчет вселяющихся в человека бесов – если верить легендам, то это запросто может произойти в любой момент. Во всяком случае, к такому выводу меня подталкивают цитаты из книги Александра Амфитеатрова⁴⁵: «Чтобы ворваться в слабо защищенную душу, дьяволы пользовались не только малейшим вольным грехом, но всякою невнимательностью, вводившей в грех невольный. Дитя хочет пить. Дьявол подсовывает ему кружку воды и сам в нее ныряет. Бедное дитя пьет, позабыв перекреститься, и вот бес уже в нем, это рассказ св. Цельза. В житии св. Бонания, аббата в Люцедио, повествуется о родильнице, которая таким же способом проглотила дьявола по имени Фумарет (Fumareth). Св. Григорий Великий знал монахиню, съевшую демона в листке латука. Если человек жил в грехе, от бесноватости не могли его спасти никакие святые прибежища, ни убежища. В житии св. Констанца, архиепископа Кентерберийского, рассказывается случай, как бес вселился в молодого монаха в то самое время, когда он читал за литургией Евангелие. Сын отца Алексея в известном рассказе Тургенева окончательно был схвачен преследующим его бесом в момент еще более священный:

– Слушай, – говорит, – батька. Хочешь ты знать всю правду? Так вот она тебе. Когда, ты помнишь, я причастился и частицу еще во рту держал – вдруг он (в церкви-то это, белым-то днем!) встал передо мною, словно из земли выскочил, и шепчет он мне... (а прежде никогда ничего не говорил) – шепчет: выплюнь и разотри! Я так и сделал; выплюнул – и ногой растер. И стало быть, я теперь навсегда пропащий – потому что всякое преступление отпускается – но только не преступление против святого духа...

Все некрещеные предполагались одержимыми бесом с момента рождения».

Теоретически, кстати, и вселение беса необязательно. Деревенская ведьма посмотрела дурным глазом – вот плод уже и стал развиваться под черта. Или, например, зачатие в аномальной зоне произошло. Или потом беременная в проклятом месте плод вынашивала. Или тот же домовый решил на будущего ребенка как-то повоздействовать своими мистическими силами.

* * *

В последних классах школы в Березовском произошел неожиданный перелом – проснулась любовь к точным наукам, хотя вплоть до восьмого класса тройки по геометрии с алгеброй были самой частой отметкой. Он всерьез увлекся математикой, его даже стали посылать на математические олимпиады – отстаивать честь школы.

Годы еще вполне *оттепельные*. Еще живы хрущевские послабления с нежными ростками, пробивающимися сквозь изрядно продырявленный *железный занавес*, – демократизации, свободы творчества и контактов с *продолжающим загнивать капитализмом* хотя бы в области культуры.

Андрей Вознесенский у памятника Маяковскому кричал: «Я – Гойя! Глазницы воронок мне выклевал ворог, слетая на поле нагое». Появился театр *Современник*, а в 64-м – обновленный Юрием Любимовым *Театр на Таганке*. В Москве проводился Конкурс Чайковского и возобновился международный кинофестиваль. Рупорами шестидесятников стали *Новый мир* и *Юность*, вечера поэзии в Политехническом музее, зарождался новый жанр бардовской песни,

⁴⁵ А. Амфитеатров, «Дьявол в быту, легенде и в литературе Средних веков», 1911 год.

впервые после возвращения из Китая прошли гастролы оркестра Олега Лундстрема, вживую появился американский джаз в лице биг-бенда *короля свинга* Бенни Гудмена.

И садовые скамейки куйбышевского *Бродвея*, на которых весной 62-го собиралась молодежь, действительно были. И там действительно бурлили идеи, кипели страсти, обсуждались замыслы... Молодежные движения и объединения по всем городам Союза росли как грибы.

В 1962-м наш герой окончил школу, но аттестат оказался посредственным: четыре пятерки, двенадцать четверок и одна тройка. Аттестат – что, разве это самое главное? Честолюбивый юноша решает посвятить себя науке и несет документы в святая святых – на физический факультет МГУ. Он, как вся страна, смело смотрит в будущее и почти уверен в успехе, но жизнь не согласилась разделить его оптимизм: на устном экзамене по математике Борис получает *отлично*, но на письменном – *неуд*.

В случившейся неудаче виноват, конечно, государственный антисемитизм: «Мне поставили двойку, потому что я еврей». Давая интервью уже в годы своего жизненного успеха, БАБ постоянно педалирует именно такое объяснение случившегося провала, подчеркивая, через какие суровые тернии ему приходилось продираться к звездам.

Не секрет, что даже в открывающие новые горизонты шестидесятые юдофобство еще поддерживалось государством – вспомним чеканную формулу Косыгина: «Старые не вытаскивать, новые – не забивать!» – но в данном конкретном случае это очередная легенда прикрытия. Михаил Денисов, приятель Березовского с юношеских лет, вспоминает, что такая версия *неуда* по математике появилась на свет гораздо позже, уже в годы публичности БАБа: «Напротив, он сам признавался, что ему не хватило знаний. Борис даже приводил в пример своего приятеля из параллельного класса – еврея. Вот, мол, если б я был подготовлен, как он, тоже бы поступил».

Вместо МГУ он был вынужден поступать в Лесотехнический институт на факультет электроники и счетно-решающей техники, созданный по инициативе самого С. П. Королева: вот уж унижение так унижение!

Некоторые доморощенные биографы высказывают мнение, что туда с поступлением у Бориса тоже возникли проблемы и, возможно, они как-то устранились его отцом, Абрамом Марковичем, – вероятно, с помощью сверхлимитной отгрузки керамической продукции своего предприятия. Не исключено, что это наветы недоброжелателей, хотя все знают: при совет-

ской власти именно так, неформально, и решались нерешаемые вопросы. Но если это все-таки верно, то уже с нежного абитуриентского возраста будущий БАБ убедился: связи и блат являются настоящей властью в стране «развитого социализма» – перед ними не устоят никакие стены, *amen*.

Чудесные студенческие годы, все прекрасно! Нет, он не просто лучше сверстников решает математические задачи, он умнее их во всем. Вот мнение Ю. Фельштинского: «Отличие Березовского от остальных людей заключалось в том, что его интересовал только он сам. Думал он только о себе; делал только то, что считал для себя выгодным и приятным». И обоснование готово – все вокруг дураки, зачем с ними считаться? Недаром любой его разговор с друзьями (да полноте, разве были у него друзья?), как правило, начинался с присказки-скороговорочки: «Ты не понимаешь». Ты не понимаешь, вы все не понимаете, а я-то уж точно понимаю...

Похоже, уже в те годы у него появились комплекс превосходства и пофигизм. В личном деле – выговоры: «За нарушение правил читального зала и грубость к сотрудникам библиотеки», «За систематические пропуски занятий»... Вроде бы ерунда, но раньше тихий, пугливый мальчик ничего такого себе не позволял: дисциплина – пять, прилежание – пять, что еще там есть – *послушание?* – твердая пятерка...

Соученики его не особенно жаловали; в том числе и девушки, для которых умение решать математические задачи не играло, видимо, существенной роли.

Однокурсница Татьяна Хохлова вспоминает Бориса как «*сутулого мальчика* небольшого роста, с черными, не всегда аккуратно причесанными волосами. Ходил он обычно в запачканном светлом клетчатом пиджаке. Вдобавок необычайно быстро двигался и говорил».

Он уже почти взрослый, он лучше и умнее всех, а женского внимания как нет, так и нет.

Студент Боря Березовский, по мнению близких знакомых, отличался повышенным мужским темпераментом – любил прекрасный пол, трогательно относился даже к бывшим возлюбленным, но дамы, увы, не отвечали ему взаимностью. Все ближайшие годы – вплоть до конца перестройки – наш герой будет мучиться от этого, и, возможно, именно здесь зарыт корень многих проблем БАБа.

Тема секса почти не сходила с его языка; даже случайным знакомым, просто первым встречным, он любил рассказывать о своих бурных эротических похождениях. Вездесущий А. Хинштейн, который запальчиво и не по-детски копал эту тему (задание было такое или задело за живое?), сообщает, что в каком-то колхозном таблоиде он обнаружил «преоткровеннейшее интервью личного уролога Бориса, некоего доктора Князькина, в котором тот рассказывал о вещах сугубо интимных – о *габаритах*, особенностях, недугах своего пациента и даже о том, что перед *абордажем* Борис Абрамович непременно натягивал ярко-красные трусы».

Несколько старых приятелей Березовского, пожелавших остаться неизвестными, рассказывали тому же въедливому Хинштейну, что «еще в 1980-е Борис Абрамович вынужден был пользоваться услугами платных цыпочек: и это в те годы, когда проституция слыла исключительно западным пороком и платить за любовь считалось чем-то постыдным, недостойным нормального мужчины».

Пришло богатство, и многолетние унижения БАБ с лихвой компенсировал, оттягиваясь за наличный расчет... «Хорошо, что наступила перестройка, – восторженно заявлял он. – Теперь без проблем можно снять бабу, завести в гостиницу». Любовницы, жены, нимфетки, девочки из модельных агентств напрокат, жены партнеров – словом, он дорвался до сладкого, просто плескался в клубничке с молоком!

Стоило стать богатым и знаменитым: локомотивом его непомерных амбиций, возможно, оказалась элементарная фрустрация. Ситуация, понятная и знакомая не только ему. «Для очень многих людей, – поясняет Петр Авен, хорошо знавший Березовского, – то, что девушки их обходили, становилось стимулом в разных отраслях человеческой деятельности».

Давайте вспомним разговор на эту тему незабвенного Паниковского с монументальным Остапом Бендером.

П.: Я совсем бедный! Я – старый. Меня девушки не любят.

Б.: Обратитесь во Всемирную Лигу Сексуальных Реформ. Может быть, там вам помогут.

П. (содрогаясь): Меня никто не любит.

Б.: А за что вас любить? Таких, как вы, девушки не любят. Они любят молодых, длинноногих, политически грамотных. А вы скоро умрете. И никто не напишет про вас в газете: «Еще один сгорел на работе». И на могиле не будет сидеть прекрасная вдова с персидскими глазами. И заплаканные дети не будут спрашивать: «Папа, папа, слышишь ли ты нас?»

П. (перепугавшись): Не говорите так! Я всех вас переживу. Вы не знаете Паниковского. Паниковский вас всех еще продаст и купит.

Это не о Паниковском написано, это о судьбе Бориса Абрамовича (и про старость, и про девушек, и про вдову с персидскими глазами, и про детей на могиле) – пророческие строки! И о собственной нестигаемой позиции БАБа:

«Вы не знаете Паниковского. Паниковский вас всех еще продаст и купит».

Возникает вопрос: не слишком ли много внимания уделяет автор любовным похождениям будущего олигарха? Да нет, я не ханжа, мне все равно, как строил личную жизнь Борис Абрамович, это его выбор. Просто, если ты только покупаешь любовь, не надо удивляться тому, что твоя гражданская жена исчезает на две недели (*выкрали инопланетяне*, как она объяснила), а потом живет со своим фитнес-тренером; что одна из бывших жен, с которой якобы сохранились самые теплые отношения, отсуживает у тебя несколько сот миллионов фунтов стерлингов; что шестнадцатилетняя стерва в глаза и при свидетелях называет тебя «старым евреем, которого все ненавидят», но живет с молодым любовником в подаренной тобой квартире. Еще озадачивает, почему такой неподдельный восторг вызывают похождения немолодого и не особо удачливого *казановы* у некоторых представителей российской и нероссийской *элиты* – у Юла Дубова, например, у Дмитрия Гордона или у милого моему сердцу Павла Лунгина, создателя фильма «Олигарх»?

Но это будет потом – и *портфельные* модели, и элитные эскортницы, и доступные нимфетки, и жены класса люкс. А в студенческие годы нашему герою пришлось умерить эротические амбиции, предпочесть *синицу в руке* и жениться на скромной соученице Нине Коротковой, которая родила в этот мир двух прелестных девочек: Лизу и Катю.

После окончания института Березовский в течение полутора лет трижды менял работу, пока в 1969-м не осел в столь желанном академическом Институте проблем управления (ИПУ, тогда – Институт автоматики и телемеханики). В те годы это были очень сложные, почти цирковые трюки – поменять работу после распределения и попасть в престижный академический институт. Надо отдать должное способностям начинающего фокусника, уже *на заре туманной юности* умевшего подключить нужные связи и рычаги блата – абсолютно уникального советского явления!

Нет, не зря он упирался и суетился – в этом учреждении Борис Абрамович останется все-рез и надолго: в неприступных стенах научного парадиза встретит перестройку, развал Союза и собственное чудесное превращение из балаганного фокусника в настоящего волшебника – из бесправного нищего ученого в преуспевающего долларового миллионера.

Уже была написана повесть «Понедельник начинается в субботу»⁴⁶, и наш герой под фанфары вошел в лучший из советских НИИЧАВО, чтобы заниматься – *естественно* – чародейством и волшебством. Институт, основанный в 1939-м, занимался теоретическими и прикладными исследованиями в области управления. Модная тематика с мутными формулировками

⁴⁶ Книга братьев Стругацких.

направлений научных исследований, чем-то напоминающая поиск красной тинктуры в условиях развитого социализма, именуемой еще панацеей жизни или жизненным эликсиром, – универсального средства: и золото из дерьма делать, и старое тело молодить. Но в ИПУ это не какая-то дремучая средневековая алхимия – все на строго научной основе. Постулаты, теоремы, доказательства... А уже по их интеллектуально емким рекомендациям будут перестраиваться производства, которые сразу же превысят уровень зарубежных аналогов – почти без затрат и практически мгновенно!

* * *

ИПУ в те годы напоминал свифтовскую Лапуту – и по созвучию, и по содержанию их бурной деятельности. Кстати, вы знаете, что такое Лапута? Очень просто – *la puta*, *путана* по-испански. Что-то от работы *путаны* было и в этом НИИЧАВО – денег *научный рай* съедал немерено, но философского камня для волшебных превращений нашей отсталой промышленности мы так и не дождались. Полный аналог продажного секса: стоит дорого, удовольствия – ноль!

Заглянем в старинные тексты Джонатана Свифта.

«Дома лапутян построены скверно: стены поставлены криво, ни в одной комнате нельзя найти ни одного прямого угла; эти недостатки объясняются презрительным их отношением к прикладной геометрии, которую они считают наукой вульгарной и ремесленной; указания, которые они делают, слишком утонченны и недоступны для рабочих, что служит источником беспрестанных ошибок. И хотя они довольно искусно владеют на бумаге линейкой, карандашом и циркулем, однако что касается обыкновенных повседневных действий, то я не встречал других таких неловких, неуклюжих и косолапых людей, столь тугих на понимание всего, что не касается математики. Они очень плохо рассуждают и всегда с запальчивостью возражают, кроме тех случаев, когда бывают правы, но это случается крайне редко».

Очень по-советски, на мой взгляд.

Дальше Свифт пишет о необъяснимом пристрастии лапутян к новостям и политике: *«Они вечно осведомляются насчет общественных дел, высказывают суждения о государственных вопросах и ожесточенно спорят из-за каждого вершка партийных мнений»*, хотя сам-то Свифт не мог найти ничего общего между математикой и политикой: *«...разве только, основываясь на том, что самый маленький круг имеет столько же градусов, как и самый большой, они предполагают, что и УПРАВЛЕНИЕ миром требует не большего искусства, чем какое необходимо для управления и поворачивания глобуса».*

Несомненно, одаренные математики нашего своеобразного НИИЧАВО готовы были и стремились *управлять* чем угодно – только допустите. Как и в случае с лапутянами, *«эта склонность обусловлена скорее весьма распространенной человеческой слабостью, побуждающей нас больше всего интересоваться и заниматься вещами, которые имеют к нам наименьшее касательство и к пониманию которых мы меньше всего подготовлены нашими знаниями и природными способностями».*

Забегая вперед скажу, что впоследствии из таких вот *храмов науки* и вышли смелые лидеры перестройки и бодрые младореформаторы (настоящие *Тимур и его команда*), которым мы почему-то доверили свои судьбы, и за короткий срок соорудившие на месте нашей страны свой бредовый и претенциозный *лапутянский рай*.

Но это будет потом, а пока ипушники, как и лапутяне, *«находятся в вечной тревоге и ни одной минуты не наслаждаются душевным спокойствием, причем их тревожения происходят от причин, которые не производят почти никакого действия на остальных смертных».*

Чем же они так увлечены и взволнованы?

«Один из ученых занимался проектом извлечения из огурцов солнечных лучей, которые предполагал заключить в герметически закупоренные склянки, чтобы затем пользоваться ими для согревания воздуха в случае холодного и дождливого лета; другой – превращением человеческих экскрементов в те питательные вещества, из которых они образовались, путем отделения от них некоторых составных частей, удаления окраски, сообщаемой им желчью, выпаривания зловония и выделения слюны; третий – пережиганием льда в порошок. Одни сгущали воздух в вещество сухое и осязаемое, извлекая из него селитру и процеживая водянистые и текущие его частицы; другие размягчали мрамор для подушек и подушечек для булавок; третьи приводили в окаменелое состояние копыта живой лошади, чтобы предохранить их от изнашивания».

Если назвать темы диссертаций, написанных и защищенных в ИПУ в 70–80-е, получится нечто похожее – квазинаучная жвачка, не имеющая отношения к науке и практике управления чем-либо. Управлением чем-то конкретным занимались – причем достаточно успешно, – но совсем в других ведомствах.

Думаю, уместно напомнить об особой машине лапутян, показанной Гулливеру, – станке, подбирающем случайные сочетания слов, написанных на деревянных дощечках. Благодаря этому изобретению самый невежественный человек, считали лапутяне, может *писать книги при полном отсутствии эрудиции и таланта*. Неважно о чем – книги по философии, поэзии, политике, праву, математике, богословию и т. д.

Как это похоже на маразм некоторых советских научных учреждений восьмидесятых... Не всех и не всегда – возразите вы и будете правы. Но об этом позже.

* * *

Писать книги при полном отсутствии эрудиции и таланта...

Звучит куда как заманчиво! Молодой специалист сразу понял, что его всегда тянуло к чему-то подобному Тонкой, увлекающейся натуре юного БАБа претила работа практическая, приземленная работа от сих до сих. Потому-то он и бежал из этих ужасных *почтовых ящиков*. То ли дело чистая наука – можно бесконечно дискутировать, спорить, воображая себя попеременно то Фурье, то фон Нейманом, в крайнем случае – Леонидом Канторовичем, придумавшим линейное программирование.

Вот что об этом периоде своей жизни писал сам Борис: «Мне нравилась жизнь ученого в Советском Союзе. Нерегламентированный рабочий день. Не нужно было к восьми часам, продираясь через толпу, лезть в метро. Я мог поспать, но зато мог и посидеть до четырех утра и подумать над проблемами, которые были интересны. Я вел жизнь советского художника. Это не жизнь советского рабочего. От звонка до звонка у станка. А с рассвета до заката наедине с собой, со своими мыслями и с компанией, которую ты выбираешь».

А вот мнение Ю. Дубова, сослуживца и будущего компаньона Березовского: «У нас был невероятно высокий уровень инфантилизма. Это были такие замечательные элои, как у Уэллса. Сел, написал диссертацию. Вскочил, получил зарплату, сбегал за колбасой. Мой шеф говорил: „Ты пришел в замечательное место, в Академию наук. Тебе здесь всю жизнь будут платить зарплату, и тебя никто никогда не тронет“... Березовский, – продолжает Дубов, – придумывал новые задачи с какой-то невероятной скоростью. Были задачи, на которые уже есть ответы, он про это просто не знал. Было какое-то количество задач, наверное, интересных, но непонятно кому нужных. Он был ребенок-непоседа. Он этих идей рожал штук по пять в неделю и бросал».

Нет, БАБ не создан для безмятежной жизни в раю, радостей мнимых *научных открытий*, накрученных на генераторе идей *лапутян* (или другим весьма прагматичным способом – бартером автозапчастей), ему явно недостаточно. Его энергия бьет ключом. «Я – образец клас-

сического советского карьериста. Я – общественное животное. Я – активный человек, был в пионерии, комсомоле, партии».

Березовский с головой погружается в общественную жизнь института: член комитета комсомола ИПУ, активист совета молодых ученых, потом – председатель совета. Одной наукой карьеры не сделать.

На пике своего успеха – а он придет в недалеком будущем – Березовский без устали станет всем напоминать, с каким увлечением он занимался наукой, каким был талантливым и успешным: «В двадцать семь лет защитил кандидатскую диссертацию, в тридцать семь стал доктором технических наук, в сорок пять был избран членом-корреспондентом РАН. Двадцать пять лет я занимался наукой, тоже в режиме восемнадцать – двадцать часов в сутки».

Борис Абрамович вылепит в СМИ собственный образ нищего подвижника науки, живущего математикой, забывающего пообедать аскета в мятом костюме, мыслителя не от мира сего, сутками бьющегося над решением мировых проблем.

Вся озвученная в СМИ биография нашего героя составлена из мистификаций и тщательно придуманных мифов.

Первый фантом: **БАБ – большой ученый.**

В советском смысле – да, был вполне успешным; большим, видным – не уверен...

По мнению Авена, «он был очень посредственным ученым. В проблемах, которыми занимался, разбирался поверхностно. Но зато был хорошим организатором. Как только Березовский занял в ИПУ мало-мальски значимый пост, он мгновенно добился права набирать к себе в подчинение евреев. За это они вынуждены были работать на него, выполнять функции научных негров. Вот эти-то ребята и были действительно гениальными. Например, Юлий Барышников, живущий сейчас в Германии. Березовский же попросту их эксплуатировал, пользуясь их бесправием».

Друживший с ним в студенческие годы Михаил Денисов: «Ничем особо выдающимся Борис не выделялся. Средний ученый; верхний слой среднего уровня. Но у него всегда была очень развита организаторская жилка... Это не то, что мы – теоретики; сидели на кухне, писали диссертации. Он всегда входил в темы через предприятия, через производство».

В конце концов, это тоже очень важно – заниматься именно тем, что нужно промышленности, обеспечивать внедрение. Социолог а. Ослон, некогда работавший в ИПУ, считает, что Березовский был довольно слабым администратором: «Работники лаборатории постоянно были увлечены чем-то. Постоянно находились на гребне творческой активности. Березовский был слишком занят, чтобы отвлекаться на повседневные дела».

А вот мнение еще одного сослуживца, приведенное в книге А. Хинштейна: «Березовский буквально фонтанировал различными идеями, но реализовать что-то до конца было выше его сил. Своих подчиненных он просто утомлял противоречивыми, а то и взаимоисключающими заданиями».

В общем, все, даже близкие друзья, уверенно подтверждают: *слабак* – а как тогда появились диссеры, научные работы?

Многие считают, будто диссертации Березовский готовил не сам: его кандидатскую писал Михаил Денисов, докторскую – другой приятель, сослуживец по ИПУ, впоследствии партнер, Александр Красненкер. Есть мнение, что активное участие в подготовке принимал и Ю. Барышников.

А вот что говорит об этом первый заместитель Березовского по *ЛогоВАЗу* Самат Жабоев: «Красненкер сам рассказывал мне, что делал для Бориса докторскую. Ему принесли написанные Березовским наброски, тот посмотрел. „Полная фигня (он, правда, выразился крепче)“, – говорит. Но его настоятельно попросили помочь».

Я привел высказывания разных людей – как было на самом деле, мы выяснить уже не сможем, оставим это на совести очевидцев. Или, перефразируя Александра Сергеевича, «ну что же, мненья очевидцев я вам старательно читал – иных уж нет, а те далече, как Сади некогда сказал».

Фантом второй: **БАБ – блестящий коммерсант.**

Мне рассказывали о запуске на конвейер диссертаций на заказ. Якобы писал их Красненкер со товарищи, Борис Абрамович же, как и положено председателю совета молодых ученых, осуществлял общее руководство и занимался реализацией наукоемкого товара. Цена докторской под ключ – нескольких тысяч рублей (сравним с типовой зарплатой тех времен – от ста до двухсот рублей).

В «Большой пайке» Дубов посвящает немало страниц этому увлекательному промыслу.

«Действительно, они писали диссертации за других», – свидетельствует бизнесмен В. Хроленко, познакомившийся с Березовским еще в конце 1970-х.

«За написание одной главы Борис брал триста рублей, – сообщает Петр Авен. – Но писал, разумеется, не он; Березовский лишь организовывал процесс – находил заказчиков, подбирал исполнителей».

Главное – организовать процесс, набрать толковых исполнителей, пусть они придумывают и играют музыку. Всю основную работу сделают статисты, а сливки останутся директору филармонии...

Я не сужу. Так принято было в Советском Союзе делать карьеру ученого. Совок неэффективен во всем. Удивительно, что советская Академия наук все-таки дала нам имена великих физиков, математиков, биологов и кибернетиков – Ландау, Сахаров, Курчатов, Котельников, Королев, десятки имен. Как говорится, не благодаря, а вопреки... Объяснение на поверхности: все, что касалось ВПК, космоса и их обеспечения, было под особым контролем. От прикладных институтов – тем более от *шарашек* – требовались конкретные результаты, а не диссертации. По опыту моей собственной работы могу сказать, что в министерствах микроэлектроники, судостроения, общего машиностроения были очень сильные прикладные НИИ, но и там выкрутасов и безобразий с внешними регалиями научной работы хватало.

БАБ не был ученым в общечеловеческом смысле этого слова, он был обычным, как все, чиновником от науки – бесцветной, затертой личностью без собственного лица. Говорят, не научился даже ясно излагать свои мысли. По воспоминаниям А. Зибарева, на заседаниях совета директоров *ЛогоВАЗа* Березовский каждый раз мямлил, не мог толком сделать доклад об итогах работы его компании. Вот он, реальный масштаб человека!

Но у него ведь есть истинные таланты. Как у Азефа, как у Парвуса. Что-то даже от Троцкого. Просто таланты эти лежат в иной плоскости. С ранней юности Борис имел нюх на нужных людей и обладал умением легко с ними сходитья: поистине дар небес в эпоху тотального дефицита! Что вам надо? Билеты на спектакль *Театра на Таганке*? Продуктовые заказы для ветеранов из *Елисейского магазина*? Книги Юлиана Семенова, подписку на библиотеку современной фантастики?

Он получился совершенно замечательным чертиком, типичным *жучком* советской поры, человеком повышенной бюрократической проходимости – очень, кстати, нужный в то время тип людей.

«Борис был таким активным, что поймать его невозможно, – говорит о нем Александр Ослон. – Он появлялся то здесь, то там, звонил в миллион мест, опаздывал в миллион мест, обещал быть в миллионе мест, но так и не попадал туда».

Одним словом, калягинский персонаж Сан Саныч Любомудров – умел дружить, а его записная книжка была испещрена телефонами *нужных людей*; при этом на службе он почти не появлялся.

Втереться в доверие, выскочить *как черт из табакерки*, улучшить момент и подсунуть бумажку на подпись, найти подход к нужному человечку, выбить дефицитные фонды – вот его стихия. Зачем он пошел в науку? Из него мог получиться талантливый *снабженец-толкач!* Это ведь тоже дар. И самое главное – он любил всем этим заниматься.

А вот что говорит о нем Михаил Денисов: «Боря всегда искал контакты с нужными людьми. У него были к тому способности».

Ему вторит сослуживец Березовского Владимир Гродский: «Борис знал, как строить отношения с людьми. Он мог найти общий язык с кем угодно».

Руководство института благоволит к молодому ученому. Ему симпатизирует и помогает во всех делах сам академик Трапезников – личность легендарная, Герой Труда, лауреат мыслимых и немыслимых премий, бессменный директор института со сталинских времен. Скорее всего, не научными талантами объяснялись симпатии институтского начальства к Березовскому. Услуги, услуги и еще раз услуги – очень удобный и полезный сотрудник. И какая пробивная сила – нет, такой завлаб определенно необходим институту!

Березовский уже тогда понял, как важно заранее создавать правильный имидж. В его собственном изложении БАБ предстает перед нами в образе бескорыстного ученого, живущего в аскезе и всего без остатка отдающего себя советской науке. Похоже, это не совсем верно. Его с детских лет тянуло к красивой, роскошной жизни, да вот беда: *бодливой корове бог рог не дает* – на зарплату научного сотрудника особо не разгуляешься.

Денисов рассказывал, что от безденежья Березовский экономил буквально на всем. Ну и конечно, приходилось ловчить, подрабатывать мелкими спекуляциями. Через знакомых продавцов скупал в столичных магазинах мелкие партии дефицита, потом перепродавал – с интересом для себя. Время от времени какой-то товар подкидывал ему папа приятеля, возглавлявший *Роспотребсоюз* – организацию, управлявшую всей потребкооперацией на российских коммерческих просторах. Очевидцы рассказывают о распродажах втридорога меховых шапок, организованных БАБом и этим его приятелем, – довольно выгодный дефицитный товар в те времена.

Но главной золотиносной жилой для него стали запчасти *Жигулей*: самая твердая советская валюта. Достать в те годы запчасти – двери, крылья, бамперы, лобовые стекла, кузов – было сродни подвигу. А у Бориса нашего Абрамовича в тот период образовались уже кое-какие знакомства на Волжском автогиганте, *ВАЗе*.

Нужному человечку или начальничку он *доставал* (ну что, забыли об этом важном глаголе содействительности?) вожделенные *железяки* по госцене, прочим – с наценочкой.

Все шло по накатанной, пока не случился конфуз в славном городе Махачкале, куда самолетом из Москвы прилетел предприимчивый ученый. Наметанный глаз сотрудника ОБХСС сразу заметил два огромных мешка, которые, надрываясь, тащил небогатерского вида столичный пассажир.

Мешки, как выяснилось, были набиты сирийскими покрывалами и комплектами постельного белья. Молодого ученого препроводили в кабинет следователя – он мгновенно сознался, что хотел перепродать товар по спекулятивной цене.

По тем временам – криминал, и криминал весьма серьезный. Когда следователь Анатолий Коркмасов объяснил незадачливому коммерсанту, что сидеть ему придется годика четыре, тот не мог удержаться от слез. До сих пор Коркмасов с умилением вспоминает, как *сам Березовский* рыдал у него в кабинете: «Расплакался как ребенок. Особо упирал на нищенскую зарплату, рассказывал о несовершеннолетних детях, которые станут безотцовщиной, и неработающей жене. Наволочки и пододеяльники, как оказалось, он купил с помощью знакомого товароведа универмага *Москва*; деньги на товар назанимал у сослуживцев. Говорил о поломан-

ной научной карьере, о том, что мечтал быть полезным для страны. Но закон есть закон, и прокурор уже дал санкцию на его арест...»

В махачкалинском СИЗО Борис Абрамович отсидел десять суток. Дома у него прошел обыск, родственники и сослуживцы были в шоке: в институте отреагировали и подготовили специальный выпуск стенгазеты, клеймящий позором *отщепенца и спекулянта*.

Но потом случилось нечто удивительное. Уголовное дело неожиданно прекратили – якобы за недоказанностью вины. Будто бы следователь Коркмасов проникся состраданием к несчастному кандидату наук и не стал ломать ему жизнь. А руководство института тут же забыло, как только что собиралось пригвоздить незадачливого спекулянта к позорному столбу.

И еще одна пикантная деталь: не ожидая завершения следствия, дирекция направляет Березовского – случай беспрецедентный – в командировку (куда-то в Восточную Европу). В те времена для выезда за рубеж требовалось пройти все круги ада в жерновах бесчисленного количества советских инстанций и комиссий.

Борис из заточения многим звонил, подключал к избавлению себя любимого своего друга Ленью Богуславского, а через него – известных деятелей культуры Зою Богуславскую и Расула Гамзатова: у П. Авена это подробно описано, но меня почему-то Петр Олегович не убедил. Волшебное спасение мелкого барыги и незначительного махинатора от науки можно списать на низменные инстинкты академиков и служителей правосудия, которым ничто человеческое – в том числе дефицитные автозапчасти – было не чуждо. Можно – на капризные зигзаги удачи, которая берегла нашего героя для будущих славных дел и свершений. Александр Хинштейн, бывший журналист, а ныне известный политик, считает, что главная причина счастливого избавления нашего героя из рук правосудия крылась в другом: «Об этой стороне своей жизни Борис Абрамович постарался забыть как можно скорее; даже мысленно – я почти уверен – он предпочитает не возвращаться в далекий 1979 год, когда судьба свела его с одной могущественной, таинственной организацией, чью аббревиатуру из трех букв знала вся страна.

Теперь Березовский ругает Лубянку на чем свет стоит, обвиняя *контру* в покушении на него самого, в убийстве Литвиненко, во взрыве жилых домов. Кажется, нет сегодня на планете более ярого ненавистника отечественных спецслужб, чем Борис Абрамович.

Однако так было далеко не всегда. Мне доподлинно известно, что осенью 1979 года скромный кандидат технических наук Березовский вступил в близкие отношения с КГБ;

попросту говоря, стал агентом госбезопасности по кличке *Московский*, или, выражаясь его нынешней терминологией, *стукачом*».

Леонид Богуславский, знакомый с Борисом со времени их работы в совете молодых ученых, считает, что кураторы из органов не занимались спасением и реабилитацией БАБа, что именно он выручил своего друга – может, и так, нам-то какая разница? А. Хинштейн называет имена кураторов агента *Московского* – наверное, знает, раз говорит...

Я не случайно привел справки о первых жизненных шагах троих известных авантюристов. С каждым из них у Березовского есть что-то общее. С Троцким – желание кардинально перекроить привычное нам общество, с Парвусом – изобретательность и способность находить неожиданные ходы в политических играх.

А с Азефом? Оба работали на охранку. Почему они выбрали этот путь?

Оба карьеристы, оба – прагматики *tsu di beyn*⁴⁷, оба понимали, сколь полезным может оказаться сотрудничество с охранкой. Для Азефа – это деньги и ощущение тайной власти, орудие мести ненавистным богатым сверстникам. По крайней мере, с этого начиналось. Для БАБа, возможно, все начиналось как игра. Даже рассуждая абстрактно, протекцию и заступничество влиятельной *конторы* трудно недооценить – почему не попробовать?

Березовский не ошибся в расчетах: «ангелы-хранители» из *конторы* неоднократно помогали ему. Самое главное, он получил возможность выезжать за рубеж. Перед поездкой – на научные симпозиумы, совещания, лекции – агенту *Московскому* давался инструктаж: какой информацией интересоваться, с кем из зарубежных коллег завязывать отношения. А потом на встречах с куратором, проходивших либо возле его, Березовского, дома на Ленинском проспекте, либо на конспиративной квартире, он писал подробный отчет.

Вот и сейчас – сразу после задержания в Махачкале первым, кому он ринулся звонить, был его куратор. Незадачливый коммерсант чуть не плакал в трубку: «Умоляю, спасите! Век не забуду! Отслужу! Отработаю сторицей!»

Говорят, КГБ своих в беде не бросает. Как изложил это дело Хинштейн, куратор связался с Махачкалой, объяснил следователю, что гражданин, конечно, виноват, но полностью осознал вину, а доводить до суда не следует...

Когда Бориса Абрамовича отпустили, он прыгал до потолка и клялся следователю в вечной любви. Правда, через полтора десятка лет пробиться к своему бывшему подследственному Коркмасов, сколь ни старался, так и не смог.

Что ж, вполне в характере БАБа! Люди для него имеют сугубо прикладное значение: пока есть в них надобность, он ужом станет виться, по-волчьи выть, в глазки заглядывать – и это будет безграничная любовь и бес-ко-нечная преданность. Но стоит им потерять былую прикладную привлекательность, *черт из табакерки* навсегда вычеркнет их из памяти.

Итак, после короткой отсидки наш герой благополучно вернулся на службу. Старыми грехами никто его не попрекал: напротив, карьера *перспективного сотрудника* лихо пошла в гору.

Через полтора года Борис Абрамович защищает докторскую, его научным руководителем числится не кто-нибудь – сам академик Трапезников. Тогда еще Березовский представить себе не мог, какое будущее ждет его за поворотом. Советская власть казалась вечной, незыблемой, словно Кремль с курантами и Мавзолеем Ленина. Вся жизнь была распланирована на годы вперед – как в Госплане.

К началу перестройки наш герой добился практически всего, что задумывал. Стал доктором наук, завсектором, а в 1987-м – завлабом, получал 500 рублей в месяц и, чтобы засвидетельствовать окружающим свою успешность и достаток, разъезжал на *шикарной* красной

⁴⁷ До мозга костей (*идиши*).

«шестерке». Купить «шестерку» без очереди или переплаты было невозможно, но у Березовского уже были нужные связи на *ВАЗе*.

Как ему это удалось? К выполнению своей программы-максимум Борис Абрамович шел шаг за шагом всю жизнь. Ради нее готов был поступиться любыми принципами, благо принципов этих, видимо, у него никогда и не водилось.

Он использовал простой ключ к успеху: с людьми надо говорить только на их языке. С начальством – сама любезность и почтительность; критиковать, спорить – ни-ни! С сослуживцами – свой в доску; с деловыми партнерами – сухой прагматик без сантиментов; с женщинами – галантный, заботливый, сама открытость и обаяние; на конспиративной квартире – дисциплинированный исполнитель, рьяный служака. С друзьями на кухне – отчаянный смельчак, напропалую ругающий *тупое* руководство, обличающий песочников из Политбюро, отпускающий шуточки типа: «Даю настройку, раз, два, три, товарищ майор, вы меня слышите? Я люблю советскую власть!» – ха-ха-ха, как смешно!

Каков он был на самом деле – тихий карьерист, умеющий ладить с сильными мира сего и нужными людьми, готовый переступить через любого, кто окажется на пути, или скрытый диссидент, поругивающий аж саму *Светлану Васильевну*?⁴⁸ Закомплексованный трус, который боится начальства, комиссий, парткома, КГБ, милиции, бандитов, старух у подъезда, дворовой шпаны, слухов и пересудов, или нищезанский сверхчеловек, уверенный в своем превосходстве над обычными людьми, радикальный эгоцентрик, принимающий жизнь в ее самых экстремальных проявлениях, творец, воля которого задает вектор исторического развития? Кто я – *тварь дрожащая или право имею?* Молчалин, талант которого *умеренность и аккуратность*, – или Чацкий, не признающий условностей общества? Незадачливый герой-любовник – или в нем скрыт темперамент яркого плейбоя, Казановы наших дней?

Нет сомнений, он считал себя Казановой, Калиостро, пророком и сверхчеловеком в одном лице. Нет, не просто считал. В нем действительно дремал яростный и неукротимый характер, просто этого тогда еще никто не знал. До поры до времени не знал. Он и сам не понимал до конца своих возможностей и будущей судьбы.

«И если б не перестройка и развал СССР, ветераны Института проблем управления и по сей день пребывали бы в святой уверенности, что работавший с ними лысоватый суетливый доктор наук Б. А. Березовский был милейшим, интеллигентнейшим человеком...»⁴⁹

А в стране тем временем начались изменения. То, о чем вчера боялись говорить даже на кухне, теперь уже вещали со всех телеэкранов. Правда, продукты и промтовары постепенно исчезали с прилавков, но разве народ не готов заплатить такую цену за обретенную наконец свободу?

⁴⁸ *Светлана Васильевна, Софья Власьева* – эвфемизмы для обозначения советской власти.

⁴⁹ А. Хинштейн, «Березовский и Абрамович. Олигархи с большой дороги», 2013 год.

Научная среда приняла перестройку на ура; большинство демократов, новоявленных кумиров общества, выйдут из различных НИИ и КБ.

В феврале 1987-го Совмин принимает постановление «О создании кооперативов». В эпоху *большого ханка* предприимчивый и суперактивный БАБ не может оставаться в стороне и хватается за самые анекдотические бизнес-проекты. Он решил проверить свои силы в сельском хозяйстве, а именно попрактиковаться... в строго научной кастрации кабанов.

«Мы приехали в колхоз, договорились с председателем, взяли аванс, закрепили борова, установили лазер, – вспоминал позднее Ю. Дубов. – Первые два борова подошли на месте, третий испустил дух ровно в тот момент, когда мы вскочили в автобус: за нами уже бежали с дрекольем». Нечто подобное случилось с Березовским и на ниве птицеводства, когда он вознамерился увеличить поголовье кур с помощью чудодейственных импортных кормовых добавок. Картина маслом: на фоне гор из куриных трупиков, преследуемый птичницами с мотыгами наперевес, наш герой вновь с трудом успеваешь добежать до машины, прижимая к хилой груди потрепанный портфельчик... Так бы и бегал наш *блестящий коммерсант* с неизменным портфельчиком по окраинам реформируемой империи, кабы однажды его не осенила гениальная идея: конвертировать в бизнес свою самую сильную сторону – связи.

К концу 1988 года, когда Березовский только решал, податься ли ему из науки в бизнес, будущие олигархи уже делали первые шаги на новой для них стезе коммерции.

Театральный режиссер Владимир Гусинский в кооперативе *Метал* лудил металлические изделия всех видов: от ручных браслетов до гаражей. Инженер-конструктор Михаил Фридман в кооперативе *Курьер* зарабатывал на мытье окон. Бывший комсомольский вожак Михаил Ходорковский впаривал молодежи *варенки* и поддельный коньяк. Товаровед Александр Смоленский, судимый когда-то за хищения социалистической собственности, создал кооператив *Москва-3*. А студент Роман Абрамович спекулировал зубной пастой и конфетами, играя на разности цен столицы и родной Ухты.

Надо было спешить. Но Березовский не станет лудить браслеты или драить московские окна. Выпускать *вареные* джинсы тоже не будет. И вообще не рвется он что-то создавать, выстраивать – зачем, если можно забрать то, что уже существует? Позднее его мысль получит идеальную огранку: «Надо приватизировать не завод, а директора». Этот подход станет впоследствии фишкой, фирменным стилем БАБа.

В этом смысле *АвтоВАЗ* представлял собой идеальный объект его вожделий. Здесь удачная дебютная идея впервые прошла проверку боем. А потом уже были телевидение, *Аэрофлот*, *Сибнефть*... Принцип работал. Поэтому и появилась более серьезная цель – управлять *ООО Россия*. Что для этого надо? Правильно – приватизировать президента. Временами казалось, что даже это вполне возможно, но все еще впереди, и наш герой пока пробует силы в бизнесе, а о политике даже не мечтает.

Все знавшие Березовского сходятся в одном: к поставленным целям он шел с фантастическим упорством.

Михаил Денисов: «Борис умеет фокусироваться, целиком погружаться в проблему. Если он выбрал какую-то цель, не будет ни есть, ни спать, поднимет, перевероршит всех вокруг, двадцать четыре часа станет работать, пока не добьется своего».

Владимир Темнянский: «Если Боря что-то задумывал, он никогда не отступался, чего бы это ему ни стоило. Создавая *ЛогоВАЗ*, он позвал меня за собой. Поначалу я не соглашался: у меня были другие планы. Так вот, каждый вечер, приходя с работы домой, я заставал Бору, сидящего на кухне и улетающего ужин, который прямо с порога начинал свои уговоры. А пока меня не было, он с той же горячностью обрабатывал мою жену».

Петр Авен: «Березовский кайфовал от ощущения, что он может переубедить, уговорить любого, заставить встать на собственную позицию. Это было поводом для его внутреннего превосходства. И действительно, если он за что-то брался, остановить его было невозможно».

Для прагматизма БАБа не существовало условностей и нравственных преград: если надо решить конкретную задачу, он отбрасывал амбиции и гордыню. Не боялся показаться смешным, жалким, не боялся кланяться, заискивать и плакать, чтобы добиться своего. Он, не стесняясь, говорил друзьям: «Если мне что-то надо, я перед любым стану на колени». Академику Трапезникову он доставлял на дачу продукты, руководителей *АвтоВАЗа*, приезжавших в Москву, вместо шофера развозил на собственной машине, часами мог ждать нужного человека под лестницей.

Как создать фирму для продажи дефицитных *Жигулей*, как перетащить на свою сторону руководство завода?

Владимир Каданников, только что избранный трудовым коллективом (чувствуете специфическую терминологию и контекст перестройки?) на пост гендиректора *АвтоВАЗа*, вспоминал позднее: «Зибарев привел ко мне Бориса, с которым был давно знаком. Час они мне говорили какую-то ерунду о создании какого-то совместного предприятия. Сначала я не понимал, о чем идет речь, потом спросил, сколько им надо денег. В качестве уставного капитала они назвали пятьдесят тысяч рублей. Что ж, говорю, вы мне час голову морочили, сказали бы сразу, сколько надо, и шли бы».

А вот как описывает этот разговор сам Зибарев. Дескать, когда он объяснил генеральному цель своего прихода, тот, поразмыслив, бросил в сердцах: «Да отдай ты ему эти пятьдесят тысяч, и пошел он на хер».

В. Каданников и А. Зибарев категорически отрицают, что изначально понимали истинные корыстные цели проекта Березовского. Эх, Владимир Васильевич, эх, Александр Григорьевич, вы собственного счастья не понимали, совсем не понимали!

Каданников долго возражал и сломался, лишь когда ему принесли письмо академика Шаталина на бланке члена Президентского совета – *ай да Березовский, ай да сукин сын*.

Предложение, сделанное *вазовской* верхушке, подкупало наглым цинизмом. *АвтоВАЗ* мог продавать собственные автомобили только по госценам. БАБ брался за их реализацию по свободным ценам. «Прибыль пойдет на разработку *технологических и инвестиционных инициатив*, чем больше заработок – тем круче *инициативы*», – заявлял он на голубом глазу.

«Вначале мы действительно надеялись сделать что-то новое, – рассказывает Михаил Денисов, один из отцов-основателей *ЛогоВАЗа*. – Все хотели зарабатывать честно, своими мозгами, потому что ничего другого и представить себе не могли. Никто и подумать не смел, что деньги так легко можно будет вводить у государства».

Новая компания была учреждена в апреле 1989-го и получила название *Совместное предприятие (СП) ЛогоВАЗ*.

Пятьдесят процентов акций было отдано итальянской фирме *Logo system*, издавна занимавшейся автоматизацией *ВАЗа*. Сорока пятью процентами СП владел завод в разных своих ипостасях. Оставшиеся пять процентов отошли ИПУ, под маркой которого выступал Борис Абрамович. Костяк предприятия составили поначалу три человека: Березовский, друг его юности физик Михаил Денисов и денисовский приятель Самат Жабоев, преподаватель режиссуры *ГИТИСа*.

Председателем совета директоров *ЛогоВАЗа* был избран А. Зибарев. Березовский удивился постом гендиректора, хотя у него уже тогда были наполеоновские планы...

Петр Авен: «Как-то у нас возник разговор, кто и сколько планирует заработать. И Борис на полном серьезе мне заявил: „Пока не получу миллиард долларов, я не успокоюсь“. Это звучало как абсолютная фантастика. Миллиард! А на дворе еще – махровая советская власть, хождение валюты запрещено, бизнес только-только начинает выходить из подполья».

Березовский в интервью рассказывает о создании СП: «Переход к бизнесу произошел мгновенный. В один прекрасный день я вышел из института, в котором проработал больше двадцати лет, а в следующий раз появился там через полгода».

Не совсем верно. Борис Абрамович не расторгал формальных отношений с ИПУ. Он оставался завлабом – правда, на общественных началах – до момента бегства из России. Его научная карьера продолжалась и после ухода в бизнес: в декабре 1991-го Березовский был избран членом-корреспондентом Российской академии наук, чем всю жизнь гордился, с удовольствием и часто демонстрируя публике свою мантию.

Первый зам гендиректора *ЛогоВАЗа* Самат Жабоев комментировал это событие как весьма малочтенное мероприятие: «Борино избрание в Академию наук обошлось нам в общей сложности в 126 *Жигулей*».

ЛогоВАЗ создавался как научно-технический центр для нужд автозавода, да и назывался поначалу весьма горделиво: *Центр технологических и организационных инициатив*. Торговля машинами декларировалась исключительно как способ его финансирования.

Михаил Денисов: «Ни одной идеи *АвтоВАЗу* мы не предложили».

Александр Зибарев: «Он постоянно обещал: подождите, дайте только встать на ноги, но закончилось все пшиком. Из Академии наук прислали даже письмо, что никаких материалов предоставить они нам не могут: не исключаю, что это было делом рук самого Бориса. В итоге, так и не став научно-техническим центром, *ЛогоВАЗ* превратился в обычную посредническую структуру».

Промысел Березовского при переходе в *ЛогоВАЗ* мало изменился – разве только сделал рывок в масштабах. Работая в ИПУ, он скупал из-под прилавка дефицитный товар и перепродавал втридорога. Раньше спекулировал постельным бельем, теперь автомобилями. До того связи ограничивались товароведом, продавцами, в крайнем случае заведующим секцией; отныне партнерами Бориса Абрамовича стали первые лица флагамена российского автопрома.

Едва ли Каданников и Зибарев не понимали, что происходит у них под носом. Кто им мешал в любой момент остановить отгрузку машин? Думаю, они были в доле, иначе что еще могло их остановить?

Березовский – специалист по системным моделям. Вот как работает его бизнес-модель.

ЛогоВАЗ разместился в здании московского представительства автозавода, бывшем особняке поэта и гусара Дениса Давыдова, в Сеченовском переулке на Пречистенке. Деньги, продукция, связи – все чужое, *вазовское*. А зачем тогда нужен БАБ? Он все время в центре событий, лихо перекладывает товар из одного кармана в другой, из кармана завода в карман *ЛогоВАЗа*, заодно оставляя там и всю выручку.

Пятьдесят тысяч рублей, обещанных Каданниковым, СП так и не увидело. Как начать работу без оборотных средств? Гениальное детище БАБа могло погибнуть сразу после регистрации. Выручил Михаил Гафт, старый знакомый БАБа по Академии наук.

Трудясь в некоем НИИ, Гафт накопил толстенный талмуд с помпезным названием «Оценка технического уровня промышленной продукции». Суть сего эпохального труда заключалась во введении группы *параметров*, по которым можно было оценивать *любую* промышленную продукцию.

«Само по себе это было чистой профанацией, – комментирует Жабоев, – заводам предписывалось жить уже по-капиталистически, но оценивать их работу предлагалось по-социалистически. Никому это на хрен не было нужно».

Предприимчивому БАБу удалось через академика Трапезникова (тогда зампреда ГКНТ) пробить постановление ГКНТ СССР о внедрении разработки Гафта в советскую промышленность. Кроме Гафта, никто ничего не знал об этих таинственных *параметрах*, поэтому все внедрение замкнул на себя героический *ЛогоВАЗ*.

Свидетельствует Жабоев: «Мы разослали договоры на обучение специалистов примерно по 15 тысячам предприятий. Трое суток безвылазно сидели в офисе, подписывая и проштамповывая каждый договор; рук уже не чувствовали. Особых иллюзий мы, правда, не питали; Союз уже разваливался, и этот чисто социалистический бред даром никому не требовался. Но, к всеобщему удивлению, примерно треть предприятий клюнули на нашу удочку и договоры оплатили: магическая аббревиатура ГКНТ СССР по инерции еще работала. В подвале *ЛогоВАЗа* оборудовали специальную комнату для занятий, где Гафт с указкой в руках обучал командиремых в Москву специалистов, как им надо жить: чертил схемы на доске, показывал диаграммы. В один миг мы разбогатели: за каждого специалиста нам платили то ли по шесть, то ли по десять тысяч рублей – деньги в то время огромные».

Одуроченные директора получили за казенный счет никому не нужные инструкции и методики. *Ах, если бы не болела «Светлана Васильевна»!* Они, глядишь, и до Политбюро сумели бы дойти, в крайнем случае до партийной прессы, и призвать аферистов к ответу. Но погоды на дворе стояли уже не те, страна рушилась, никому не было дела ни до чего. Всю жизнь Борис Абрамович успешно торговал воздухом – наиболее эффективным в будущем станет цирковой номер с народным автомобилем *АВА*, но все его лучшие подвиги еще впереди.

Успех с гафтовскими *параметрами* окрылил нашего героя. Выяснилось, что зарабатывание денег – занятие не столь сложное и совсем не опасное.

В том же 1989-м *ЛогоВАЗ* протолкнул крупную сделку с партией *Фиатов-Тупо*. Кредит 8,5 миллиона долларов дала одна из *вазовских* структур: *Интер-Волга*. *Logo system* помогла приобрести в Италии партию автомобилей.

Сделку оформили на внешнеторговое объединение (ВО) *Агропромсервис*: это означало как бы приобретение машин для себя. Накануне *ЛогоВАЗ* стал ассоциированным членом *Агропромсервиса*. Закон не позволял перепродавать машины на сторону, но и не запрещал уступить их своей структуре – *ЛогоВАЗу*. А поскольку передача *фиатов* происходила не из-за рубежа, *ЛогоВАЗ* мог поступать с ними по своему усмотрению.

Ю. Дубов в «Большой пайке», захлебываясь от восторга, объясняет, как обрабатывалось руководство ВО: «Два дня и две ночи они директора этого и двух его замов поили-кормили,

девок им откуда-то из *Метрополя* возили, подарки дарили, а к вечеру в воскресенье те подписали документы». *Накрыть поляну*, подтянуть продажных девок – тоже черты будущего фирменного стиля БАБа.

Березовский не без гордости вспоминает свою первую комбинацию: «Никто никогда не продавал в России иномарки. Мы привезли первую партию – 886 *фиатов*. Взяли кредит, выложились до копейки. Мне говорили: ты сумасшедший. Их никто не купит. Их по дороге растерзают. И вот приходит замдиректора *АвтоВАЗа* – и стоят эти *фиаты* на стоянке, как летающие тарелки с Марса». Красиво сказано, черт побери!

Если сделка имени Миши Гафта была чистым надувательством, то контракт по ввозу итальянских машин – вполне законный рыночный ход, умело использовавший спрос на европейские автомобили и лазейки в умирающей советской системе хозяйствования.

Logo system в лице своего главы Джанни Чемароне закупил для *ЛогоВАЗа* *фиаты* по цене от шести до семи тысяч долларов. Сбывали их по 11–13 тысяч, хотя машины были не новые – год с лишним хранились на открытой стоянке где-то в Скандинавии. По западным меркам эти *фиаты* считались устаревшей рухлядью, но в голодном Союзе они казались верхом роскоши. Добавим к этому, что кредит *ЛогоВАЗ* заводу не вернул и тот впоследствии был списан.

Несколько толковых ребят из науки после образцово-показательной торговой операции как по мановению волшебной палочки стали миллионерами. Руководство СП почувствовало: им не надо больше ничего ни с кем согласовывать, они могут делать что захотят, им больше не нужно считать деньги – поездки за рубеж, частные авиарейсы, дорогие отели, рестораны, валюта, лучшие автомобили, одежда и обувь из лучших бутиков и роскошные эскортницы – все, что еще вчера казалось недостижимой мечтой, им теперь по плечу.

Вот и закончилась полная счастливых надежд правильная (почти правильная) юность нашего героя. Вы скажете, какая юность в сорок три? Взросление у каждого происходит в разное время. Завершилась увертюра, сыграна красивая прелюдия. Все только начинается в жизни молодого внесистемного чертика.

Теперь уж он точно не будет Молчалиным. *Вы не знаете Березовского. Березовский вас всех продаст и купит.* Ему нечего бояться. Еще посмотрим, кто теперь начальство! Пусть академики сами бегают за ним. И еще он больше никогда не окажется в роли неудачливого героя-любовника – только плейбоя! Бабы теперь сами станут искать его внимания и влюбляться как кошки... Он будет и Казановой, и Калиостро, и великим манипулятором.

Рано БАБ раздухарился – от себя не убежишь. Он еще не раз будет праздновать труса – и перед безжалостными органами, и перед могучей машиной власти, и перед отвязными бандитами. Он еще будет втискиваться бочком в приемные всесильного начальника Службы безопасности президента (СБП) А. Коржакова, вице-преьера О. Сосковца, на лице – все те же многократно отрепетированные покорность и боязливость. Изображая Березовского в *высоких кабинетах*, управделами президента Павел Бородин «по-заячьи прижимал к подбородку сжатые лапки, подразумевая портфель, мелко и подобострастно тряс головой и бормотал без остановки: „Спасибо, спасибо, спасибо“».

Чему тут удивляться? Мы знаем, что такое страх перед жестокой Системой, воспитанный десятилетиями пропаганды, лагерей, репрессий и тотального контроля над жизнью «маленького человека». Но мы видим: наш герой уже научился переступать через это. На многое ли его хватит?

Борис Абрамович почувствовал свою силу, выпал из теплого гнезда Академии, распрямил плечи, преисполнился. Первый шаг – обескровить и проглотить *АвтоВАЗ*. Он готов и к настоящему большому полету. Но сколь величественным будет сей полет, с кем ему теперь предстоит сразиться там, в разреженных горних высях, недоступных обычным людям, он еще не представляет. Мечты о покорении *ООО Россия* пока остаются далеко за горизонтом его самых смелых фантазий.

Еврейские авантюристы

*Они говорят на всех языках, утверждают, что знакомы со всеми князьями и великими людьми, уверяют, что служили во всех армиях и учились во всех университетах. Их карманы набиты проектами, на языке – смелые обещания, они придумывают лотереи и особые налоги, союзы государств и фабрики, они предлагают женицин, ордена и кастратов; и хотя у них в кармане нет и десяти золотых, они шепчут каждому, что знают секрет *tincturae auri*⁵⁰.*

Стефан Цвейг

Авантюрами могут быть опасные приключения, бесцельные похождения, неожиданные происшествия, главные свершения жизни или деловые рискованные предприятия. Для некоторых людей *авантюра* становится делом жизни. Милан Кундера определяет *авантюру* как «страстное открытие неизвестного». Так хорошо это или плохо?

И. Муромов⁵¹ называет главные отличительные черты *образцового* искателя приключений: «непредсказуемость, импульсивность, сосредоточенность на сегодняшнем дне, вера в удачу, доходящая до суеверия, богатая фантазия, прожектерство, смелость, решительность, даже жестокость, эгоцентричность и общительность, любовь к внешним эффектам, обманам, мифотворчеству, к игре, умению плести интриги».

В XVIII веке именно искатели приключений крутили рулетку европейской истории.

Маленький барон фон Нейгоф, сын вестфальского дворянина, известный авантюрист, растеряв все свое состояние, получил поддержку Константинополя, затем Амстердама и несколько раз высаживался на Корсике, провозгласив себя королем Теодором I.

Шевалье д'Эон де Бомон, французский дворянин, тайный агент, принадлежавший к дипломатической сети *Королевского секрета*, первую половину жизни прожил как мужчина, вторую – как женщина: переделся в дамское платье и руководил международной политикой.

⁵⁰ Приготовление золота.

⁵¹ И. Муромов, «Сто великих авантюристов».

Несмотря на хрупкое телосложение, шевалье считался одним из лучших фехтовальщиков своего времени. Российский период его жизни окружен легендами, ему посвящен роман В. Пикуля «Пером и шпагой». Вернувшись в Европу, д'Эон потребовал, чтобы его признали женщиной и называли мадемуазель де Бомон. Умер(ла) он/она в Лондоне в возрасте восьмидесяти одного года. Освидетельствовавший тело врач подписал следующий акт: «Настоящим подтверждаю, что осмотрел и вскрыл труп шевалье д'Эона и обнаружил на его теле мужские гениталии, прекрасно развитые во всех отношениях». Возможно, шевалье страдал от синдрома Каллмана – так называемой неполной маскулинизации. Термин *эонизм* долгое время использовался для обозначения трансгендерного поведения. Одно из первых в мире обществ трансвеститов носит имя Бомона.

Джузеппе Бальсамо (Калиостро) родился в семье сицилийского торговца сукном. В детстве будущий алхимик был непоседлив и склонен к авантюрам, больше интересовался фокусами и чревоуещанием, нежели науками. Из школы его выгнали за богохульство и кражу. Джузеппе Бальсамо путешествовал по Европе, видел Париж у своих ног, именовал себя *графом Калиостро*. Внешне невзрачный, он обладал магнетической властью и притягательностью для женщин. Говорил на четырех языках, на всех – с иностранным акцентом, держался таинственно и напыщенно. Загадочный иностранец был занят изготовлением драгоценных камней и угадыванием выигрышных номеров лотерей. Обманутые лондонцы преследовали мага: он даже попал в тюрьму, но в связи с недоказанностью преступлений был выпущен.

Джон Лоу – финансист и экономист; этот неизвестно откуда появившийся шотландец вначале прокутил собственное огромное наследство, а потом создал государственный *Banque generale* и так называемую *систему Лоу*, стал министром финансов Франции. Банк выпускал бумажные деньги, не обеспеченные золотом и серебром (что, по мнению Лоу, могло способствовать деловой активности и обогащению нации), и разрушил банковскую систему страны – спекулятивный ажиотаж из-за чрезмерной эмиссии банковских билетов и неразумная дивидендная политика привели к ликвидации инициатив Джона Лоу.

Граф Сен-Жермен – французский авантюрист, путешественник, маг, алхимик и оккультист. Происхождение графа, его настоящее имя и дата рождения неизвестны. Владел многими европейскими языками, а также арабским и древнееврейским, занимался *улучшением* бриллиантов и алхимическим получением золота, выполнял дипломатические миссии, пользуясь одно время доверием короля Людовика XV.

Они любят риск, втягивают окружающих в свои авантюры и стараются подчинить их себе. Обаяние и настойчивость могут приводить этих людей к очень крупным победам. Луи-Бонапарт, например, сначала стал президентом, а потом императором Франции.

Еще они очень любят менять имена. В XVII веке в России было около двадцати самозванцев, в XVIII – до сорока; они буквально *врастали* в свои роли и отождествляли себя с теми, за кого выдавали. Пугачев плакал, разглядывая портрет царя Павла, считая его своим отцом.

Они выходят в море – пираты и их сокровища породили целое направление в приключенческой литературе, – строят финансовые пирамиды, плетут политические интриги, создают личные религии, шпионят, подделывают произведения искусства, продают статую Свободы или Эйфелеву башню.

Авантюристы становились великими путешественниками, открывателями новых земель – Колумбами и Магелланами, знаменитыми военачальниками и завоевателями – Наполеонами и Чингисханами, героями сражений, смелыми торговцами, революционерами, низвергателями престолов, создателями прорывных технологий – Стивами Джобсами, Николаями Теслами, Илонами Масками, великими спортсменами, знаменитыми поэтами, футуристами и битниками, рок-музыкантами, рэперами, создателями многочисленных молодежных субкультур *или...* флибустьерами, разбойниками – Разиными и Пугачевыми, кровопийцами, проходцами – Хлестаковыми и Чичиковыми, провокаторами – Гапонами и Азефами, криминаль-

ными авторитетами, создателями мафиозных кланов и мафиозных государств, религиозными фанатиками, сектантами, кровавыми диктаторами и полевыми командирами, знаменитыми террористами, финансовыми провокаторами типа Сороса.

Два списка – в одном все как бы положительные, мы их вроде теперь одобряем. Прошли века: мы принимаем и царя Давида, и Александра Македонского, и Наполеона, и Петра Великого, хотя редкие были душегубы. Интересно отметить, что совсем неавантюрных правителей – типа Николая Второго и Федора Иоанновича – подчас не одобряем, некоторые почитают их «слабаками», иные даже вспоминать о них не хотят.

А что делать со вторым списком – с разбойниками всякими? Как ни странно, мы их тоже хорошо помним: их рисуют, о них пишут книги и пьесы, им посвящают целые оперы... Читая разнообразные плутовские романы, многие получают несомненное удовольствие, а есть и те, кто искренне восхищается этими жестокими мироедами. Хотя, если совсем честно, определить границу между двумя списками не всегда получается. В качестве примера приведу десятка полтора имен (думается, все они из второго списка) – уверен, читатель согласится с тем, что эти проверенные временем авантюристы и проходимцы оставили заметный след в нашей истории и культуре, причем некоторые – в новейшей! Итак...

Лжедмитрий II, также *Тушинский вор* или *Калужский царек* – самозванец, выдававший себя за сына Ивана IV Грозного, царевича Дмитрия Углицкого.

Эрнан Кортес – испанский конкистадор, завоевавший Мексику и уничтоживший государственность ацтеков. Благодаря ему в Европе стали использовать ваниль и шоколад.

Франсиско Писарро – испанский конкистадор, завоеватель империи инков, основатель города Лима.

Сэр Фрэнсис Дрейк – пират и капер, английский капитан, военно-морской офицер и исследователь. Известен кругосветным плаванием в рамках одной экспедиции и притязаниями на *Новый Альбион*, область на территории современного штата Калифорния.

Григорий Отрепьев – монах, дьяк Чудова монастыря. По распространенной версии, именно он впоследствии выдавал себя за царевича Дмитрия и взшел на русский престол под именем Дмитрия I.

Марина Мнишек – жена Лжедмитрия I, венчанная с ним незадолго до его гибели и коронованная как русская царица; затем жена следующего самозванца, Лжедмитрия II, выдававшего себя за первого.

Княжна Тараканова – именовала себя княгиней Елизаветой Владимирской; неизвестная, выдавала себя за дочь императрицы Елизаветы Петровны и Алексея Разумовского. Заявляла о своих притязаниях на российский престол. Похищена в Ливорно по приказу Екатерины II графом Алексеем Орловым и привезена в Санкт-Петербург. Умерла в заключении в Петропавловской крепости.

Маркиз де Сад – французский аристократ, политик, писатель и философ, проповедник идеи абсолютной свободы, не ограниченной нравственностью, религией и правом. Основной ценностью жизни считал утоление стремлений личности. По его имени сексуальное удовлетворение, получаемое причинением другому боли и/или унижений, получило название *садизм*.

Елена Блаватская – объявила себя избранницей «великого духовного начала» и ученицей братства тибетских махатм. Основала Теософское общество, которое поможет раскрыть сверхчувственные силы человека, постичь таинственные явления в природе; обвинялась в мистификации и откровенном жульничестве.

Сонька Золотая Ручка (Шейндля-Сура Лейбовна Блювштейн) – российская преступница-аферистка еврейского происхождения. Занималась организацией крупномасштабных краж, приобрела известность благодаря изобретательности, склонности к мистификации, импровизации и театральной смене облика. На Ваганьковском кладбище в Москве есть приписываемая ей могила, на которую приносят цветы и монеты различные люди, в основном

преступники, отдавая дань уважения знаменитой воровке и желая получить ее заступничество и покровительство.

Григорий Распутин – крестьянин села Покровское Тобольской губернии; приобрел всемирную известность как друг семьи Николая II; в определенных кругах петербургского общества имел репутацию царского друга, старца, прозорливца и целителя.

Рон Хаббард – основатель Церкви сайентологии, автор книг по дианетике и сайентологии и связанного с ними комплекса идей и практик, которые его последователи считают религиозными, а ученые и критики осуждают как псевдонаучные; занесен в Книгу рекордов Гиннеса как «самый публикуемый» и «самый переводимый» автор.

Дмитрий Якубовский – советский и российский юрист, адвокат, предприниматель; долгое время был полномочным представителем правоохранительных органов в правительстве РФ, после чего бежал за границу. По версии журнала *Bilanz* в период проживания в Швейцарии входил в список двухсот богатейших людей этой страны с личным состоянием 700-800 миллионов швейцарских франков. Осужден за кражу редких книг из библиотеки.

Сергей Мавроди – российский предприниматель, общественный деятель, писатель, основатель финансовых пирамид, в том числе самой известной – *МММ*, считающейся крупнейшей в России по количеству пострадавших и причиненному ущербу.

Со вздохом перехожу к следующему подразделу – еврейские авантюристы. Почему со вздохом? Потому что на еврейской теме зубы поломали многие настоящие философы и историки – не мне чета. Но придется и мне несколько слов положить в эту корзину.

Когда мы сравниваем судьбу *нашего героя* Бориса Березовского с жизненными путями трех великих авантюристов и провокаторов – Троцкого, Азефа и Парвуса, возникает естественный вопрос: почему в российской истории – да и в мировой тоже – так много авантюристов-евреев? У других народов тоже хватает, но ведь евреи – совсем маленький народ, а авантюристов и бандитов (мы только об этом будем говорить) – пруд пруди! Едва ли нам удастся всесторонне охватить указанную проблему – тем более что задача обстоятельного разбора здесь и не ставится. Однако некоторые собственные соображения у меня есть.

Попробуем определить, что сегодня вкладывается в понятие *еврей*.

Евреи – народ семитского происхождения, живущий во многих странах мира; с 1948 года у них есть собственное еврейское государство – Израиль. Понятия *еврей* и *иудей* тесно связаны и в ряде языков неразличимы. В современном русском языке *еврей* – это национальность, *иудей* – вероисповедание. Большинство евреев говорит на языках стран, в которых живет. В Израиле государственным языком является иврит. В разных странах существует также ряд различных еврейских языков, наиболее распространенный из которых – идиш. Евреи могут быть иудеями, могут принять другое вероисповедание, могут быть атеистами. В Израиле евреем считается любой рожденный матерью-еврейкой. Очень часто евреем считается и рожденный от отца-еврея.

Первоначально, во времена исхода Авраама из Ура, они не были народом, их ничто не связывало – ни кровное родство, ни место жительства, ни занятия; они шли в никуда, объединенные идеей Авраама о Боге, все сотворившем. Народом они стали после исхода из египетского рабства, из земли Гошен. Предки евреев стояли у истоков авраамических религий (иудаизма, христианства, мусульманства), алфавита фонетического письма (предшественника финикийского письма и, соответственно, греческого) и даже выходного дня. Этими достижениями пользуются теперь все, но почему-то никто не испытывает чувства благодарности.

Еврейский народ всегда привлекал к себе болезненное внимание других этносов. Евреи, на протяжении двух тысячелетий (после разрушения Иерусалима в 70 году от Р. Х.) не имев-

шие собственного государства, рассеянные по свету, жестоко и повсеместно гонимые, всегда, несмотря ни на что, сохраняли определенную сплоченность и целостность.

Демонстративно обособленные, ограниченные в возможностях дружить и вступать в родственные отношения с аборигенами, евреи однозначно воспринимались инородцами, чужими, непонятными и даже зловещими. Антисемитизм шел за евреями как тень и, в конце концов, во времена Второй мировой войны, принял чудовищные формы и размеры. Евреев ненавидели за все: за униженность и за борьбу против унижений, за равнодушие к культуре и за власть в Голливуде, за отсталость и за вклад в науку, за участие в революции и за участие в контрреволюции... Сегодня быть антисемитом совсем не круто (как, впрочем, и любым другим ксенофобом) – тем не менее за евреями признают некую особенность, хотя, в чем она заключается, никто не знает, в том числе и сами евреи.

Возьмем, например, наших героев.

Троцкий ненавидел любую религию, к любой национальности не питал ни любви, ни ненависти, считал людей материалом мировой революции. Азеф изменил свое имя-отчество на русское, хотел креститься из тактических соображений, но не сделал этого – тоже из тактических соображений. Парвус выбрал Германию своей новой родиной, но был человеком мира. У БАБа отец еврей, мать – наполовину; в советском паспорте, где был *пятый* пункт, записан русским; крестился ввиду неких второстепенных причин в православной церкви. Тем не менее эти персонажи воспринимаются нами именно как евреи.

«Какая черта характера и менталитета делает евреев евреями, людьми, отличными от прочих наций? Я голосую за авантюризм. Такими нас создавали», – пишет Б. Гулько⁵². Не могу с ним вполне согласиться, но то, что среди евреев было много авантюристов, – это правда.

Очевидные качества авантюристов – открытость всему новому, особенно опасным приключениям, и пренебрежение опасностью.

Перечисление прославленных еврейских авантюристов можно начать с Колумба, выходца из семьи марранов⁵³. Что это был за человек? В. Бласко Ибаньес⁵⁴ рисует его невежественным, жадным проходимцем и узурпатором испанской национальной славы. Вряд ли кто-то теперь подтвердит или опровергнет это, но, так или иначе, именно он пересек Атлантику и открыл Америку.

Одесса, наиболее европеизированный город Российской империи начала прошлого века, ожидает нового литературного мессии. Бабель описывает Молдаванку с неповторимым одесским жаргоном, смесью русского, молдавского и еврейского, которого нет больше ни в одном городе мира. Там обитали в основном евреи – нищие и бесправные парии общества. Подрастали дети, не желавшие жить по законам того времени. Изогранный еврейский ум дал миру не только Христа и Моисея, не только Эйнштейна, Спинозу, Иоффе, Маркса и Фрейда, он дал миру известных бандитов и воров, вошедших в историю криминалистики благодаря особому почерку и даже *шпику*. Та же Сонька Золотая Ручка. Бабель рассказывает о звездах преступного мира Одессы – это Фроим Грач (прототип Фроим Фишер) и его помощник Эмиль Люмкис, Хаим Дронг, контрабандистка Любка Казак, «бешеный» Колька Паковский, Король – Бенья Крик (прототип Мишка Япончик), левый эсер Фельдман, убивший Япончика. Жили они в своем странном мире – налетчики *дружелюбно* грабили, *дружелюбно* убивали, – как-то все друг другу свои.

⁵² Б. Гулько, «Путешествие с пересадками».

⁵³ Евреи Испании и Португалии, принявшие христианство, и их потомки, независимо от степени добровольности обращения.

⁵⁴ В. Бласко Ибаньес, «В поисках Великого хана».

Революция вообще, а потом и русская революция стали заманчивыми идеями и центрами притяжения для многих еврейских авантюристов. Япончик, например, организовал полк из одесских налетчиков и в составе армии Ионы Якира воевал с петлюровцами. В Петроградском совете рабочих и солдатских депутатов работали меньшевики Ф. Дан, М. Либер, Л. Мартов, Р. Абрамович, эсер А. Гоц. В сентябре 1917-го председателем Петроградского совета стал Л. Троцкий, один из крупнейших авантюристов XX века. В составе ЦК РСДРП(б) были Г. Зиновьев, Л. Каменев, Л. Троцкий, Я. Свердлов, М. Урицкий, Г. Сокольников, Г. Зиновьев, М. Лашевич, К. Радек. Из-за большого числа евреев в партии большевиков советская власть воспринималась многими ее противниками как «жидовская власть».

Привлекала евреев и опаснейшая служба в секретных войсках. Знаменитые разведчики – Лев Маневич, участники «Красной капеллы» Леопольда Треппера – шпионили против Третьего рейха. Меньше славы досталось евреям, шпионившим против США, но и их достижения общеизвестны. В первую очередь это выкраденный для СССР секрет атомной бомбы – имя казненного за шпионскую деятельность Юлиуса Розенберга в России не нашло должного признания.

Авантюристы и провокаторы тянулись к деятелям культуры. Мишка Япончик дружил с молодым Леонидом Утесовым. Зловещий руководитель оперативной работой НКВД Яков Агранов стал своим человеком в тесном *семейном* кругу Маяковского и Лили Брик. Ярчайший авантюрист века Яков Блюмкин – убийца германского посла фон Мирбаха, начальник охраны, позже адъютант Троцкого, организатор Персидской компартии и Персидской ССР (была и такая!), создатель шпионской сети в Палестине, участник центрально-азиатской экспедиции Николая Рериха – был завсегдатаем литературных клубов, дружил с Есениным и Николаем Гумилевым.

После «очистки» Президиума ЦК КПСС от Молотова, Маленкова, Кагановича, Булганина и других соратников Сталина претендовавший на автократию Хрущев вознамерился реализовать мегапроект коммунистической утопии и мобилизовал партийно-государственный аппарат на борьбу со всем, что ассоциировалось с «исторически обреченным» капитализмом. Отчаянно смелые евреи – фарцовщики (годом зарождения фарцовки считается 1957-й, когда в СССР проходил Всемирный фестиваль молодежи и студентов), цеховики (частнопредпринимательская *трикотажная* лихорадка захватила не только советскую глубинку, но прежде всего Москву и Московскую область) и валютчики (нарушением правил о валютных операциях и спекуляцией валютными ценностями в крупных размерах занимался КГБ) восстали против нищеты советского существования. В качестве главных обвиняемых проходили цеховики Ш. Шакерман (племянник Мишки Япончика), Б. И. Ройфман, П. Г. Ордер, Б. Пугач, А. М. Коган, А. Хейфец, Ю. Евгеньев и некоторые другие. Все они были приговорены к расстрелу. За незаконные валютные операции были арестованы Рокотов (*Ян Косой*), Файбишенко (*Влад Червончик*), Эдлис, Попов, Лагун, Паписмедовы, Ризванова. Рокотова и Файбишенко приговорили к смертной казни. Всего в 1960–1966 годах за незаконные валютные операции было привлечено к уголовной ответственности более тысячи человек, из них почти 500 евреев, почти 50 процентов!

До ратификации в 1973 году Международного пакта о гражданских и политических правах СССР не признавал права на свободную эмиграцию. Массовые отказы в выездной визе стали причиной конфликта между государством и желающими уехать, так называемыми отказниками. Группа из шестнадцати евреев решила не дожидаться официального разрешения на выезд в Израиль, а захватить самолет и вырваться за рубеж (операция *Свадьба*). Они видели в этой операции не только решение личных проблем, но и возможность привлечь международное внимание к проблеме свободной эмиграции из Союза. В результате организаторы М. Дымшиц и Э. Кузнецов были схвачены и приговорены к смертной казни, остальные – к различным срокам заключения. Отчаянный авантюризм *самолетчиков* и других героев-отказни-

ков начала семидесятых позволил советским евреям прорвать железный занавес, начать эмиграцию евреев и русских немцев.

Понятно предостережение Зеэфа Жаботинского⁵⁵: «Иногда авантюризм – явление положительное, иногда – вредное».

Евреи в преступном мире Америки в начале XX века оказались не менее успешными, чем одесские. Суперзвездами здесь стали Бэгси Сигель и *крестный отец крестных отцов* Меир Лански, у которого Аль Капоне был на побегушках. Разбогатели они в период сухого закона на бутлегерстве. В ту пору Онтарио, через которое из Канады перевозили спиртное, приобрело второе название – *Еврейское озеро*. Бэгси и Меир создали североамериканскую игорную империю и ее жемчужину Лас-Вегас. Разбогатевший Лански много сделал для спасения европейских евреев во время холокоста, для вооружения Израиля, дружил с Голдой Меир⁵⁶.

Авантюризм евреев был в полной мере востребован в период драматического возвращения в Сион, предсказанного, по мнению толкователей, в еврейской библии *Танахе*. Турецкое, а потом английское владычество над землей Израиля, беспощадные враги вокруг, казалось, не оставляли этому предприятию надежды. Жаботинский⁵⁷ прочел еврейской молодежи целую «проповедь в пользу авантюризма... у которого больше шансов на провал, чем на успех»: «Где написано, что во имя избавления нельзя использовать авантюру как средство?»

Так откуда этот авантюризм, каковы его исторические корни?

Б. Гулько объясняет все эпопеей исхода евреев из Египта.

«Мне рассказывал свои впечатления пассажир самолета, улетавшего из Египта: зелень вдоль берегов Нила, а за ней – пустыня. И вот люди, решившиеся уйти из оазиса в пустыню, стали евреями. Восемьдесят процентов потомков Иакова, сообщает мидраш (устное толкование *Торы*), на уход не решились и погибли в Египте. В евреи набирали только авантюристов, только тех, кто решился.

Можно попробовать и так объяснить: ушли потому, что Всевышний повелел. Но *Тора* рассказывает, что лишь после рассечения Красного моря и гибели в нем египтян евреи „уверовали в Бога и Моисея, служителя его“ (Исход, 14:31). Так что и про манн (манна небесная. – *Примеч. авт.*), который будет кормить нас в пустыне, и про воду из скалы, которая будет поить, никто до ухода не знал».

Авантюризм – это, конечно, духовный динамизм и особое ощущение свободы. А еще способность не задумываясь переступить через интересы и даже судьбы других – и своих близких, и других народов; это декларация собственной – личной и национальной («евреи – богоизбранный народ») – исключительности. Очень перекликается с характерами наших героев, не правда ли?

Многие оценивают евреев именно с позиции анализа их природной авантюрной жилки. Я натолкнулся на такую формулировку, данную явным юдофобом (ссылку давать не буду): «Главными чертами характера любого еврея являются уверенность в себе, абсолютное чувство собственного достоинства и всякое отсутствие стеснительности и робости. Евреям присуще свойство характера, приблизительно определяемое русскими словами „дерзость“, „борзость“ или „наглость“. У самих евреев она определяется как хуцпа, что означает особую смелость и рассматривается как положительное качество. Поэтому носители хуцпы ведут себя так, будто их не заботит вероятность оказаться неправыми». Поясню: это высказывание неплохо описывает психологию главных героев нашей книги, но распространение подобной оценки на весь еврей-

⁵⁵ Еврейский писатель, поэт, переводчик, журналист, лидер правого сионизма, основатель и идеолог движения сионистов-ревизионистов, один из создателей Еврейского легиона и организаций *Иргуи* и *Бейтар*.

⁵⁶ Пятый премьер-министр Израиля.

⁵⁷ Эссе «Об авантюризме».

ский народ – несомненный зоологический антисемитизм: сводить все достижения талантливой нации к последствиям его авантюризма было бы крайне несправедливо.

И все же не для бутлегерства, не для бандитских налетов и не для шпионажа Всевышний выводил из Египта и создавал народ, столь открытый всему новому. Феофраст Лесбосский, современник Александра Македонского, сверстник его учителя Аристотеля, называл иудеев «племенем мудрецов». Клеарх из Соли, ученик Аристотеля, говорил, что это не народ, а целая философская школа.

Мидраш рассказывает такую легенду: якобы всем народам была предложена Тора, но только евреи-де согласились принять ее. Это, конечно, легенда – и легенда, мягко говоря, тенденциозная. Евреи были не первыми, они стали продолжателями и наследниками скрытого монотеизма Древнего Египта. Монотеизм представлен также в философии индуизма, в сикхизме и в других религиях. Но давайте признаем, что для этого важнейшего в истории человечества шага – безоговорочного перехода от язычества к монотеизму – требовались два качества: духовный динамизм и жестковость евреев, поминаемая *Торой* и необходимая, чтобы сохранять *доверенную им истину*.

Не все результаты духовного динамизма евреев, видимо, позитивны. Взамен морали *Танаха* ушедшие от иудаизма евреи несут в сегодняшний мир отвязный либерализм, а также излишне агрессивную секулярность, отдельные черты которых вызывают оторопь у нормальных здравомыслящих людей. Эта книга не место для подробных обсуждений проблем либерализма, но для многих очевидна ущербность, а возможно, и пагубность подобного направления движения нашей цивилизации и ожидаемый провал (к сожалению, нескорый) этой авантюры. Была Октябрьская революция – эксперимент провалился. Европейский и американский либерализм – тоже эксперимент. Со временем он даст какие-то результаты; что ж, посмотрим какие. Отрицательные эксперименты тоже необходимы для поиска истины.

Но вернемся к нашим героям: при всем их несомненном уме, таланте, жизненной активности – а возможно, даже при самых благих намерениях – они придут к своему неизбежному краху. Ушли от заветов патриархов своего народа... Почему не прислушались к посланиям отцов?

Ну хорошо, скажете вы, и в чем же было послание патриархов? В том, что «евреи – богоизбранный народ», что они «должны принести свет народам»? Слышали эти сказки!

Откинем в сторону общие места. Как и пророки, Христос видел несостоятельность многих еврейских законов и установок, в которых рутина и ритуал стали бессмысленными заместителями чистоты сердца и заботы о слабых и падших. Но они не отвергали мудрости отцов Ветхого Завета. А почему мы-то забыли о десяти заповедях?

Почему из нашей жизни все чаще исчезают благие порывы (да, да – посмотрите на героев кино и книг – фактически исчезли, превратились в свою противоположность): не убивай, не кради, не произноси ложного свидетельства, не возжелай жены ближнего своего, не желай дома ближнего своего, чти отца своего и мать свою... Перечитаем преобладающего Юлика Дубова – его герои просто купаются в счастье жить наоборот – обмануть и забрать не свое, обмануть и отнять жену, любовницу у ближнего, а уж правду говорить – даже в суде под присягой, тем более в жизни... Помните, что Березовский сказал в британском суде против Абрамовича, когда судья уличила его в двоемыслии? На суде он свидетельствовал одно, а в интервью – другое. «В интервью я говорил для прессы, там можно сказать по-другому, это же пиар!» Социальные сети, реклама – наша жизнь превращается в сплошной пиар, в непрерывную *болтовню*, о которой писали Арендт, Хайдеггер и Сартр.

Давайте скажем прямо: герои этой книги – никто и ни в чем – не были примером нравственности и чести.

Напоследок приведу слова рабби Гиллеля⁵⁸.

• «То, что ненавистно тебе, не делай другому – в этом вся Тора. Остальное – комментарии. Иди и учись».

• «Если не я для себя, кто для меня? Если я (только) для себя, что я? Если не теперь, когда же?».

• «Не отделяйся от общества, ибо все мы одно, не суди ближнего, пока не будешь на его месте».

• «Будь... любящим мир и стремящимся к миру, любящим людей и приближающим их к Торе».

• «Не ленись учиться, не говори, что выучишь потом, ведь невежда не боится греха, а Тора прибавляет жизни и разумения. Трудись, и плата, которая ожидает тебя в этом и грядущем мирах, будет по труду. Всегда помни, чьим отражением ты являешься, а потому и там, где нет людей, старайся быть человеком».

В принципе, достаточно одного: «То, что ненавистно тебе, не делай другому».

• Это повторяют древние книги и пророки (серебряное правило нравственности): «Не делай другому того, что не желаешь себе» – книга Товит, Христос (Матф. 7:12), Конфуций, «Махабхарата».

В Евангелии мы найдем многое из того, что уже было сказано рабби Гиллелем, но в несколько других формулировках.

• «Ибо заповеди: не прелюбодействуй, не убивай, не кради, не лжесвидетельствуй, не пожелай чужого – и все другие заключаются в сем слове: люби ближнего твоего, как самого себя. Любовь не делает ближнему зла; итак, любовь есть исполнение закона» (Рим. 3:1–10).

• «Не судите, да не судимы будете» (Матф. 7:1–5).

Лозунг Великой французской революции – *Liberté, Egalité, Fraternité*.

В Декларации прав и обязанностей человека и гражданина 1795 года *Братство* определено так: «Не делай другим того, что не хотел бы получить сам; делай по отношению к другим такие благие поступки, какие хотел бы по отношению к себе», а *Свобода* – как «возможность делать все, что не наносит вреда другому».

Троцкий, Азеф, Парвус, БАБ... Горячие еврейские дети – слишком много самости, авантюризма, гордыни, жадности и спешки, слишком мало любви, в том числе сыновней, слишком мало способности к эмпатии... Блудные сыновья мудрого и великого народа, забывшие о заповедях отцов, так и не вернулись в отчий дом. Интересно, они хоть что-нибудь поняли в последний момент своей жизни?

⁵⁸ Наиболее значительный из законоучителей эпохи Второго Храма; основатель фарисейской школы, называвшейся по его имени Бет-Гиллель («Дом Гиллеля»).

Часть 3. Персонажи девяностых

Когда вы начинаете свой бизнес, это означает, что вы отказываетесь от стабильного дохода, больничных и годовых бонусов.
Джек Ма

В 1991-м Сергей Турчин ушел из Академии и пришел в бизнес... Куда еще он мог пойти? *Алтыном воюют, алтыном торгуют, а без алтына горюют.*

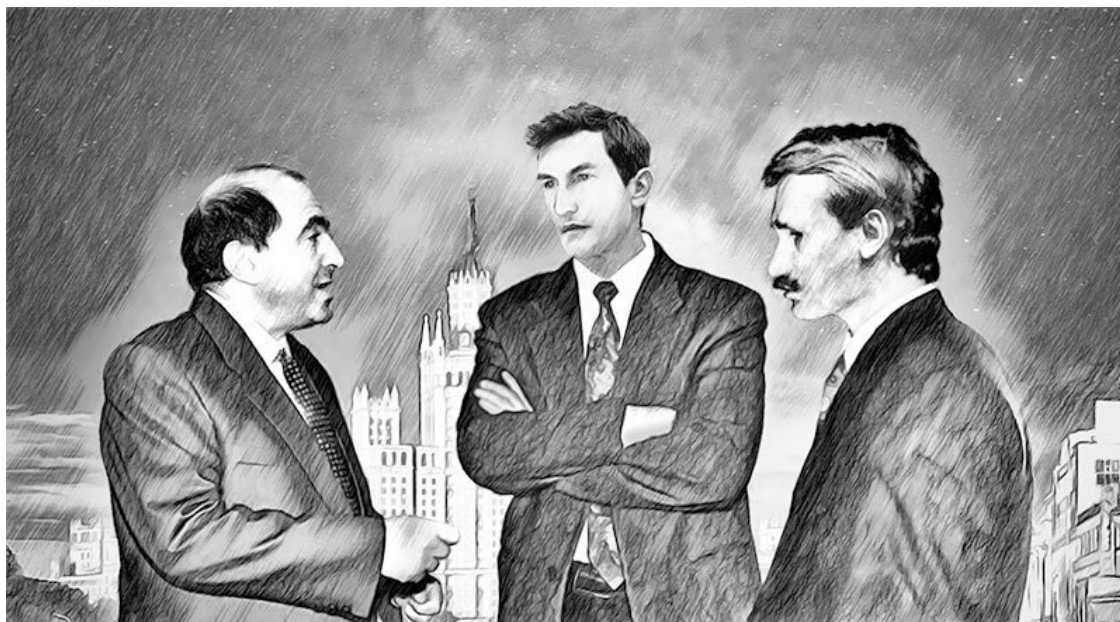
Поначалу это было довольно интересно и даже забавно. Сергей считал, что вполне готов к новым занятиям – к бизнесу ведь можно подойти как к обычному системотехническому проекту. Разложить проблему на составляющие, выделить важные и второстепенные компоненты, определить целевую функцию, подобрать исполнителей, разработать спектр их обязанностей и полномочий – и добро пожаловать – можно стартовать! Базовые знания, конечно, нужны. Но это уже не теория сложности, не теория дискретных систем, не электротехника. Теперь надо знать другие предметы – законодательство России о предпринимательской деятельности, основы бухгалтерии, типовые формы договоров, основы налогообложения, разбираться в приемах финансирования проектов... Оказалось, что освоить это не столь трудно. Если они занимались строительством, надо разобраться в современных материалах и методах строительства, если торговлей автомобилями – в автосервисе и особенностях различных марок. Базовое инженерное образование позволяло ему быстро достигнуть необходимого уровня компетенций. Поначалу такой подход неплохо срабатывал: *busyness* – это ведь просто «дело»! Построить дом, автосервис, шоурум, заправку, оформить документы на землю... Ему это понравилось – браться за решение новых для себя задач и добиваться их осуществления. Все как раньше: начать с идеи и завершить *металлом*.

Казалось, такая работа вполне в его характере. Появился и принципиально новый для всех его сотоварищей компонент, о котором они в советские времена думали только в момент получения зарплаты, – деньги, финансы. Может, кто-то не поверит, но деньги для них, бывших советских инженеров, в то время были в первую очередь еще одним параметром, еще одним средством, еще одной целевой функцией. Деньги, конечно, давали незнакомые им степени свободы – возможность работать в современном офисе, купить оргтехнику, связь, служебные автомобили, возможность выехать за рубеж, привлечь иностранных партнеров, участвовать в престижных выставках и проектах, встречаться с представителями высших эшелонов власти, правоохранительных органов, финансовых институтов. Но сами по себе деньги оставались только красивыми бумажками. В тот период их интересовали просто проекты, новые перспективы, которые они как управляющие – теперь говорят *менеджеры* – почему везде надо вставлять заимствованные английские термины? – получали при их продвижении.

Неизвестное ранее, пьянящее чувство свободы. Впервые над Сергеем не было (или почти не было) вышестоящего начальника. Он сам мог принимать решения, брать на себя риски, извлекать пользу при успешном осуществлении проекта и, наоборот, брать ответственность и соответствующие убытки в случае промаха.

Это был для него начальный, «розовый» период предпринимательства. Но вскоре судьба вынесла его в верхние эшелоны одной из крупнейших олигархических структур, и там довольно быстро к нему пришло осознание и понимание иных бизнес-цветов и оттенков.

Бизнес чистыми руками

«Что-то я отвлекся, – подумал Сергей, – а часы-то *тик-так, тик-так*. Какой вопрос следующий? Ага...»

Как вы впервые встретились с Березовским?

Ну, на это... проще простого.

Был у Сергея хороший московский приятель Леонид Богуславский. Знали они друг друга по семинарам МАР/ТОР, которые Турчин организовывал, работая в Академии. *Предприимчивый Адонис* (судя по отзывам знакомых, он встречался с самыми красивыми девушками) – видно, о таких писал Шекспир: «Любовь и предприимчивость вдвоем каких препятствий не преодолевали?» В недавнем прошлом золотой московский мальчик, Леня жил в высотке на Котельнической набережной. Прославленный дом, чьими обитателями были многие выдающиеся люди: В. Аксенов, Е. Евтушенко, М. Жаров, Л. Зыкина, М. Ладынина, К. Лучко, Ф. Раневская, Л. Смирнова, Г. Уланова, К. Паустовский, Н. Богословский, всех не перечислишь – что ни человек, то легенда.

Сергей заезжал к Леониду, когда оказывался по делам в Москве. Был случай, остался переночевать. Вышел ночью в туалет, зажег свет: пол был усеян огромными шипящими жуками семи-восьмисантиметровой длины – дом заражен мадагаскарскими тараканами! Все испугались – и тараканы, и Сергей: насекомые – врассыпную, гость – в шоке. Ну это так, к слову.

Короче говоря, однажды звонит ему Леня: «Приезжай в Москву, познакомлю с интересным человеком. Мы с ним раньше в ИПУ работали». Когда Сергей оказался в его квартире, *интересный человек* уже был там. Мелкий, невзрачный, лысенький; рукопожатие – так себе.

За окном – темнота, в небе мерцали неестественно большие и яркие, как в планетарии, звезды – то уменьшаясь, то увеличиваясь, они словно говорили: «Не робей, парень, все будет хорошо!» – «Я и не робею», – мысленно ответил он звездам.

Сергею показалось, человечек был чем-то всерьез озабочен и даже, пожалуй, зажат. Леня представил:

– Боря Березовский, у нас совместное предприятие с итальянцами и *АвтоВАЗом*. А это Сережа Турчин из Ленинграда. Деловой парень, занимается всякими компьютерными делами.

Из Ленинграда... Встреча случилась в конце 91-го. После избрания в 1990-м первого демократического Ленсовета появилась инициатива о возвращении Ленинграду исторического названия. В июне 91-го прошел референдум о восстановлении имени города, опрос жителей был совмещен с выборами президента России и мэра Северной столицы. Свежеиспеченный мэр А. Собчак был весьма настойчив – он хотел немедленного переименования города, но в Москве не торопились со *скоропалительными*, как они считали, решениями. Толчком послужил прокоммунистический путч 19–21 августа, и уже 6 сентября 1991 года город вновь стал Санкт-Петербургом, но они все по инерции долгое время называли его Ленинградом.

Так Сергей познакомился с гендиректором СП *ЛогоВАЗ* – при посредничестве Леонида, который работал там замом по коммерции.

Обычный, немного зашоренный генеральный – дел много, вот и зашоренный, – да разве мало Сергей видал таких затурканных делами генеральных? Разговор был невнятный, и Борис почему-то обращался в основном к Леониду. К тому времени сделка по продаже *Фиатов-Тупо*, видимо, была завершена, но, как Сергей понял, готовятся еще поставки машин. Борис четко артикулировал актуальную на то время легенду прикрытия: *ЛогоВАЗ* занимается торговлей автомобилями не ради торговли как таковой – накопленные средства будут вкладываться в *технологические и инвестиционные инициативы* для развития завода. «Так что пусть Сергей занимается своими компьютерными идеями, мы будем направлять ему накопления, все логично».

Турчин пропустил мимо ушей этот сомнительный пассаж – какой добрый дядя станет передавать малознакомому человеку свои как бы *лишние* деньги? Вряд ли у Бориса была мысль, что новые ленинградские сотрудники станут заниматься автоматизацией и совершенствованием производственных процессов автогиганта... Пустые слова – для кого этот *jabbering*? Наверное, отрабатываются формулировки для начальства. Ну конечно, для начальства – над Борисом ведь тоже кто-то есть: итальянцы, *АвтоВАЗ*, ИПУ. Впоследствии, имея копию устава СП, Сергей убедился, что у *ЛогоВАЗа* действительно было трое учредителей и само предприятие называлось «Центр *трам-тарарам* инициатив *блин*», такая вот лабуда – все, как Борис и рассказывал при встрече.

Но потом разговор вошел в привычное для Турчина деловое русло. Ему предложили создать представительство, чтобы вести *логовазовские* бизнес-проекты в Ленинграде. Обычная экспансия, расширение предприятия – это хотя бы понятно. Какие проекты, не обсуждалось – любые, наверное. Сергею было сказано: «Готовь документы» – пожали руки и разошлись. Решение принималось быстро, никаких вопросов к Турчину не возникло – видимо, Ленья провел хорошую артподготовку.

Начинать всегда интересно и тревожно, радостно и страшновато. Первый раз в школу, в театр, на елку, первый раз в гости, первый выход на татами... Сергей подумал, что это татами – он почти пятнадцать лет занимался единоборствами – отличается от его предыдущих, да и соперники здесь рангом повыше будут.

Представительство крупной московской структуры. Заманчивое предложение, но работа предстояла сложная. Принять или отказаться?

Судя по Леониду и Борису, там собрались довольно шустрые московские ребята. Москвичи вообще наглее и разворотливее ленинградцев. А Сергею надо выживать. Стартовать придется сразу и с ходу набирать обороты. Его друзья – прекрасные люди, хорошие специалисты, но слишком уж глубоко в них засели академические привычки. Любят все как следует обсудить, поговорить, сходить несколько раз в день в курилку. К каждой проблеме подойти серьезнейшим образом: «Быть или не быть?» Турчин понимал, что с этой командой ему не стоит рассчитывать на успех в новом проекте.

Дела у предприятий *Турчин и К^о* шли не ах, оставались еще средства от прошлых успешных проектов, но текущих заказов едва хватало на поддержание штанов, а новых дебютных идей не появлялось.

Сергей посмотрел на свою беленькую *копейку*. Он молодой водитель, машина куплена несколько лет назад. Бегаёт хорошо, но уже бита-перебита, даже перевертыш был. «Стану работать в автомобильной фирме, и у меня, наверное, когда-нибудь настоящий автомобиль появится», – подумал он: это вполне меркантильное соображение, видимо, стало решающим.

Он решил выйти из старых проектов. Поровну разделили имущество и деньги, Сергей взял причитающуюся четвертушку и ушел в поисках лучшей доли. Вроде все по-честному, поровну, но товарищи по бизнесу обиделись. «Возможно, я был не прав. Извините, други, но у меня в тот момент не было права на ошибку», – мысленно ответил тогда на их упреки Турчин.

Пилот не снижал скорость болида, резина визжала на поворотах; играя ногами трель на педалях газа и тормоза, он уверенно вписался в первые крутые виражи.

Та-а-ак, а вопросов еще видимо-невидимо...

Как начиналась ваша совместная работа?

Поначалу трудно было назвать это совместной работой. Представительство зарегистрировали, расчетный счет открыли, но какое-то время жили сами по себе.

На вытасканные из прежних проектов средства Сергей арендовал помещение под офис (бывший магазинчик *Ленкультторга* на Кавалергардской), сделал ремонт, купил компьютеры, нанял новых сотрудников, петербургское отделение *ЛогоВАЗа* приступило к работе. Начинали совсем скромно.

Сергей пригласил малознакомых людей – кто-то кого-то рекомендовал, этот кто-то – тоже не из тех, кому можно доверять... Главное, чтоб шустрый был, умел вертеться. Времени на раскачку просто нет – денег на содержание офиса хватит разве что на пару месяцев. Первым его заместителем стал бывший помощник капитана торгового судна по воспитательной работе. Должность – партийная, аналог комиссарской. Умный, солидный, беспринципный и скользкий – с прежней работы он принес кличку *Незаметный*: этот стандартный мужчина неопределенного возраста обладал абсолютно незапоминающейся внешностью – умел пройти через охрану, минуя любой контроль, без пропуска, без билета. Его никто не заметит, никто не потребует документ. Еще один его тогдашний зам – бывший работник ОБХСС (подразделение милиции, созданное в советское время для борьбы с хищениями социалистической собственности). Навязчиво обаятельный, с оттопыренной щеточкой черных усов – *Усатый* – и тоже абсолютно беспринципный. Оба страстно любили красивые бумажки по имени *деньги*, желательно – зеленого цвета.

Такая вот сборная солянка получилась. Стартовали неплохо – нашли голландца, который завозил в Россию подержанные иномарки. Пообедали, поговорили, подписали документы – сотрудники представительства понравились голландцу, и он быстро отправил им первую партию машин на реализацию. Провести такую же операцию, как москвичи с *фиатами*, чтобы обойти рогатки таможенного законодательства, им было не по зубам – не было ни связей, ни денег. Ввоз машин оформляли на физических лиц (своих знакомых и сотрудников представительства). Арендовали на Петровском острове помещение, подремонтировали, сделали вывеску, получился их первый автосалон – туда поставили иномарки, взяв их как бы на комиссию от физлиц. Машины пришли в неплохом состоянии и понемногу стали уходить.

Трудились день и ночь, понемногу *поднимались*. Зарабатывать в те годы оказалось несложно – деньги были очень весомыми, а жизнь недорогой – продажи одной иномарки хватало, чтобы в течение месяца содержать их небольшой офис. Торговали машинами, запчастями, подшипниками... Запускали специальные схемы продажи, чтобы обойти существовавшее тогда пятнадцатипроцентное ограничение наценки. Появились проекты, связанные с землей, с реконструкцией жилых зданий, гостиниц. Постепенно жители узнавали, что в городе появилось представительство *ЛогоВАЗа* – мощной московской фирмы.

Ими заинтересовался известный авторитет из Красногвардейского района – прислал в их офис на Кавалергардской человека на разведку. Тот приехал инкогнито, осмотрел офис и так называемых *бизнесменов*, вернулся разочарованным, шефу заявил: «Ходят в обносках. Порядочному бандиту взять с них нечего».

Сергею со товарищи повезло – три мойры, суровые старухи, прядущие нити судьбы, обошли их своим вниманием: беда миновала. Как теперь известно, присылал им человека не кто иной, как грозный *Миша Хохол*, впоследствии депутат ЛДПР, прославившийся угрозами, вымогательством, да и кровавыми делами тоже – убийствами своего товарища Вячеслава Шевченко, коммерсанта Юрия Зорина и депутата Галины Старовойтовой⁵⁹.

С *Мишей Хохлом* их пути-дорожки разошлись – в этом повезло. А что сидели пока без денег – не беда, еще Остап Ибрагимович говорил: «Время, которое мы имеем, – это деньги, которых не имеем».

Турчин раз в неделю ездил в Москву, в центральный офис *ЛогоВАЗа*. Вначале по вопросам регистрации, потом отвозил отчеты по текущей деятельности. Московские руководители хотели вести в Санкт-Петербурге крупные проекты, соответствующие звучному имени фирмы. Сергей готовил создание нескольких новых предприятий.

При подготовке документов для регистрации представительства он узнал, что еще в мае 91-го в СП сменился иностранный участник, им стала швейцарская фирма *Andre & Cie* (будем называть ее сокращенно *Andre*). А впоследствии СП *ЛогоВАЗ* акционировалось, преобразовалось в АО, его учредителями стали физические лица – руководители *ЛогоВАЗа* и *АвтоВАЗа*.

В *Andre* подобрали для *ЛогоВАЗа* подходящую вспомогательную структуру – швейцарскую компанию *Anros S.A.* С 1977 года она была «дочкой» *Andre* на основе предъявительских (незарегистрированных) акционерных сертификатов. Такая практика, безусловно поощрявшая коррупцию, широко использовалась в США до краха фондовой биржи в 1929 году. Во время перерегистрации *ЛогоВАЗа* 99 процентов акций *Anros S.A.* оказались в руках у российских компаньонов, *Anros* стала компанией-прикрытием.

Формально *ЛогоВАЗ* оставался российско-швейцарским предприятием с долями 50 на 50, сохранял право на налоговые льготы, в том числе – возможность держать часть прибылей за рубежом, фактически же компания почти полностью принадлежала Березовскому и его российским партнерам.

Советский Союз еще не рухнул, однако некий отдельно взятый российский бизнесмен без оглядки на внешнеторговую структуру советского истеблишмента – о КГБ тоже не стоит забывать – организовал сложную международную финансовую структуру. Автокоммерсант стал пионером российской версии капитализма. На одной стороне стратегии, принесшей ему неслыханное богатство, – личные связи с руководством российского автогиганта, на второй – карманная финансовая система, имеющая статус международной и настроенная на выкачивание всех денег из этого предприятия.

Поначалу Сергей не представлял в деталях, как был устроен *ЛогоВАЗ*, да его это особенно и не волновало. Лишь со временем, через несколько лет, после многих встреч по работе с российскими и зарубежными руководителями различных структур *ЛогоВАЗа*, у него сложилась примерная картина дьявольского замысла его нового руководителя, который поначалу представлялся Турчину всего лишь скромным завлабом, робко пробующим силы на ниве зарождающегося российского предпринимательства.

⁵⁹ Aizentt. Кровавые дела дяди Миши. Проза.ру, 2 декабря 2019 года.

Не таким уж и скромным оказался этот самый Борис Березовский! Одного не учел начинающий чертяка: *жизнь летит быстрее, чем деньги, – и все на ветер*⁶⁰.

Акционирование СП закончилось в 92-м, тогда же АО открыло в Москве первый и единственный на то время в России официальный центр технического обслуживания и салон по продажам автомобилей *Mercedes-Бенц – ЛогоВАЗ Беляево*. В течение года *ЛогоВАЗ* становится официальным дилером *Mercedes-Benz, Volvo, Chrysler, General Motors* и *Honda* – самых мощных, самых влиятельных зарубежных автоконцернов. Ну и конечно – крупнейшим дилером *АвтоВАЗа*.

Турчину поставили задачу организовать автомагазины и дилерские центры в Санкт-Петербурге. Московских боссов интересовало также приобретение знаковых зданий в историческом центре города для их последующего коммерческого использования.

Сергей занимался подготовкой подобных бизнесов и созданием дочерних предприятий, а его заместители руководили ежедневной коммерческой деятельностью.

В тот период по вопросам запуска новых проектов его непосредственным руководителем, а скорее, координатором был замгенерального Николай Алексеевич Глушков. Сергей с ним был на *ты* и называл по имени, как, собственно, и других руководителей *ЛогоВАЗа*. Исключение составляли Александр Григорьевич Зибарев и Владимир Васильевич Каданников. Впрочем, Сергей редко их видел. В *ЛогоВАЗе* все с ними было на *вы* и обращались по имени-отчеству. Из-за возраста? Нет, они были ненамного старше того же Бориса. От них многое зависело – это, пожалуй, тоже было не главное. Возможно, в тусовке *ЛогоВАЗа* их по привычке побаивались, воспринимали социально далекими, людьми уходящего советского прошлого, вчерашней номенклатурой... Теперь, по прошествии тридцати лет, Сергею стало понятно, почему между руководителями *АвтоВАЗа* и их *логовазовскими* партнерами всегда сохранялась дистанция. В первую очередь все определялось человеческим калибром, масштабом личности этих людей, когда-то испытавших на себе трудности создания и становления автогиганта в тяжелейших условиях *развитого социализма*.

Глушков – посланник центрального офиса, щетинистыми усами, бегающими глазками, улыбкой со щербинкой и подвижностью нижнего бюста напоминавший вороватого кота Тома из мультфильма, – прилетал в Пулково (со стареньким фотоаппаратом в руках), чтобы осмотреть объекты-кандидаты для будущих *логовазовских* проектов (сервис, магазины, бизнес-центры). Сергей на своей жалкой *копейке* возил его по городу.

Николая особенно интересовали исторические здания в центре. Многие из них пришли в упадок, обесценились к началу девяностых и выставлялись КУГИ на торги. «Из этого здания может получиться прекрасный бизнес-центр, – говорил Глушков. – А это пошло бы под гостиницу».

Глушков нравился Сергею – контактный, современный, держался по-свойски, без обычного снобизма, характерного для многих «коренных москвичей». Насколько Сергей понял из разговоров столичных сотрудников АО, Николай, один из основателей *ЛогоВАЗа*, чего только не перепробовал в жизни – был физиком, экономистом, занимался информатикой, при советском режиме два года возглавлял отдел внешнеторговой фирмы *Продинторг*. В начале девяностых внешнеторговая деятельность (как, впрочем, и все остальное, касающееся закордонной жизни) казалась по-советски ограниченным и запуганным выходцам из НИИ и КБ чем-то недоступным и запредельным. Уже тогда Сергей подумал, что создание частной внешнеторговой фирмы в интересах *ЛогоВАЗа*, скорее всего, заслуга изворотливого и весьма педантичного ума этого самого Коли Глушкова, а не усилий потертого академического доктора, беззастен-

⁶⁰ Инна Лиснянская.

чиво подгребающего под себя все и вся. Дальнейшее развитие внешнеторговой деятельности грядущей империи Березовского подтвердило его догадки.

В то время у представительства денег было в обрез – так же, как и у его директора, – Турчин еще не мог, подобно москвичам, угощать посетителей в лучших ресторанах, нанять водителей, обзавестись служебными машинами. После поездки по объектам он приводил Николая домой, где его красавица жена по привычке советских времен с удовольствием принимала гостей. Да, конечно, помпезный жилой дом Военно-морского ведомства в стиле сталинского ампира, вольготно расположившийся прямо у крейсера «Аврора», очаровательная семья... отличная квартира с абсолютной совковой отделкой и мебелью, домашний обед в духе кухонных посиделок семидесятых... *Копейка* и директор самолично за рулем... Сергей читал в глазах Глушкова немой укор. Они в СП эту стадию проскочили пару лет назад.

«У нас в Грузии есть кавказское представительство, – рассказывал Глушков за обедом, – возглавляет его Бадри (Турчин тогда впервые услышал об этом *чудесном грузине*). – Ты не представляешь, как он принимает, какой стол! И каждому гостю – рог вина: *пей до дна, пей до дна*, *пей до дна!* – мечтательно продолжил он. – Куда тебе до него!»

Не догадывался тогда Николай Алексеевич, каков в действительности этот *чудесный грузин*, стараниями которого он сам будет оттеснен к задворкам корпорации Березовского: впрочем, случится это лишь через несколько месяцев...

Поняв, что высказался неудачно, Коля с напускной серьезностью пытался исправить досадную оплошность: «Это неважно, Сергей, каждому свое – ты совсем другой человек». Турчин удивился и подумал: «Что он несет, какая ерунда! Накрыть поляну – тоже мне достижение, всего-то – пятьсот долларов в кармане, любой стол можно устроить, и с рогами, и с копытами... Через пару-тройку месяцев и в нашем представительстве будет возможность достойно принять гостей, а со временем и серьезные деньги пойдут».

Это оказалось чистой правдой – через пару лет представительство *ЛогоВАЗа* в Петербурге действительно выйдет на большие финансовые потоки.

И тем не менее... *Петербург – всего лишь вторая столица: труба пониже и дым пожиже.*

Представительство готовило открытие вначале двух, а потом трех центров автосервиса, нескольких торговых предприятий и приобретение двух зданий. Первым зарегистрированным предприятием стало общество *Корона-ЛогоВАЗ*, созданное на основе очень красивого цветочного магазина *Цветы Болгарии* на углу Каменноостровского и Малой Посадской. Магазин должен пройти реконструкцию и получить дилерство *Мерседес-Бенц*. Все это надо сделать за несколько месяцев, завезти лучшие европейские автомобили, которые будут продаваться в прекрасных интерьерах среди фарфоровых фонтанов и живых цветов.

Директором московского АО к середине 92-го стал Самат Жабоев – во всяком случае, Сергею именно так сказали в секретариате *ЛогоВАЗа*, – он был единственным человеком, который мог навести порядок в постоянно бурлящем *логовазовском* котле. Куда взлетел Борис Абрамович, можно только догадываться. Ну а у Сергея свои заботы – надо выполнять обязательства перед партнерами *Короны* и запускать дилерский центр: собственных средств представительства на это явно не хватит. Тем более что Березовский сказал Турчину: презентация должна пройти на самом высоком уровне – с достойной рекламой, с приглашением прессы, «отцов города» и мэра. «Отцов города» – довольно сомнительная установка. У *Северной столицы*, извините, столько различных *отцов*...

Сергей договорился через секретаря о встрече, взял билет на *Красную стрелу* и утром был в Москве на Ленинградском вокзале.

Восемь тридцать – прибытие, его встречает *логовазовская* машина с водителем – впрочем, как обычно; водители – приличные ребята, похоже, большинство из них – инженеры.

Девять тридцать – он на Пречистенке.

Помощник Березовского – Ира Пожидаева, она же – руководитель секретариата. В ее ведении – звонки, расписание, состав встреч, подарки, билеты, посылки, напоминания, все без исключения. Приятная молодая дама, в прошлом девочка из хорошей московской семьи, обходительная, мягкая, деловая – еще можно дать сто эпитетов, и все в превосходной степени, – создает в приемной атмосферу доброжелательности и деловитости.

– Ирочка, привет из Петербурга. Выглядишь, как всегда, словно роза в росе. Можно сказать и как лиса в лесу, что больше нравится?

– Мне нравятся такие гости, спасибо, Сережа, ты прелесть.

– Подтверждаешь встречу с Саматом?

– В одиннадцать, как договорились. Не волнуйся, он точно будет – Самат обязательный. Позавтракай, отдохни с дороги.

На цокольном этаже оборудовано кафе – можно позавтракать вкусно и недорого, посидеть, полистать подготовленные бумаги.

Десять пятьдесят – поднялся в приемную.

– Самат у себя, попросил минут пятнадцать не беспокоить, есть срочные дела. Полистай журналы, я приглашу.

Одиннадцать десять – Турчин входит в кабинет Самата. Сергею говорили, что он был деканом факультета международных связей ГИТИСа, а это о многом говорит. В Союзе международные связи курировались определенными органами... Еще режиссуру преподавал.

Самат – подтянутый, щеголеватый, брутальный, скорее всего, донжуан – эдакий неотразимый кавказский Казанова! Как и Глушков, тоже похож на кота Тома – элегантного и сурового, в отличие от Николая, – только в глазах нет-нет да и промелькнет что-то уставшее и наболевшее. Как они так все подобрались? Березовский ведь тоже похож на Тома – в более наглой и болтливой версии. И тоже с испуганными глазами. У них здесь гнездо, что ли?

Сергей вручает Жабоеву смету на реконструкцию магазина, завоз *мерседесов*, рекламу и презентацию.

– Когда планируешь? – спрашивает Жабоев, не отрываясь от бумаги.

– Первая декада октября, дату надо уточнить – чтобы Боря мог приехать, чтобы Собчак был... Опять же, если денег не будет, можем и в лужу сесть.

– Собчак? У-у-у, высоко летаешь, не боишься упасть? – Выражение лица Самата оставалось непроницаемым, но глаза на мгновение хитро блеснули и тут же погасли.

Сергей почувствовал себя мышкой Джерри, но не оробел и спокойно парировал:

– Бог не выдаст – свинья не съест.

Выяснилось, что Жабоев не столь скуп на слова, как показалось вначале. И решения принимает быстро.

– Значится, так... По поставке *мерсов* встречайся с Панюшкиным. У тебя водитель есть? Поедешь с ним в Беляево. Бывал там? Вот и посмотришь заодно. Пусть Панюшкин едет к тебе с немцами, пусть разработают дизайн, окраску, закажут витрины, подставки для машин, обучат людей. Как машины поднимать – на второй этаж, что ли? Сам все рассчитай...

После некоторой паузы Самат продолжил:

– По пиару свяжись с Митрохиным, он даст человека питерского, мы пока возьмем себе в штат: будет заниматься рекламой, имиджем, приглашениями, ТВ. Поработай с ними, с Панюшкиным и Митрохиным, пусть они завизируют твои сметы – даю на это месяц. Смета на презентацию – ну okay, вроде годится, подпишу все сразу Тогда и деньги будем направлять. Так, что еще? Еще смета? – оторопел Самат. – Ну ты меня задолбал! Это что – смета на содержание представительства? А чем ты еще-то занимаешься, кроме *Короны*?

Сергей рассказал, что работает с Глушковым, готовится регистрация трех юридических лиц, будут создаваться сервисные центры *мерсов*, *вольво* и *дэу*, берутся в аренду два промто-

варных магазина. Решается вопрос о приобретении двух зданий – одно под коммерческий бизнес-центр, другое – капремонт жилого дома. Самат спросил с сомнением:

– И Боря одобрил? Ну ладно, я с ним поговорю, вечно эта Борина манера – одной задницей на десяти стульях! У тебя объектов не меньше, чем у нас в Москве. Ты хоть понимаешь, сколько это будет стоить? Ладно – это другой вопрос, будем решать проблемы по мере поступления. Я смотрю, ты хочешь такой штат, столько денег... А сколько сейчас выделяется?

– Ноль целых ноль десятых, – ответил Сергей. – За полгода ни копейки не поступило. Даже в Москву на свои кровные езжу.

– А как же ты живешь? – искренне удивился Самат.

– Беру подержанные иномарки, арендую автосалон и продаю. На это и живем.

Самат возмутился:

– Безобразие, люди занимаются нашим бизнесом, создают предприятия, продвигают марку, а мы не платим? Машины служебные есть? Сами разъезжаете? Плохо... И никто из Москвы ни гугу? Ну, Борис, ну, Коля, совсем охренели! Придет на презентацию мэра, а у вас и машины приличной нет для него.

После короткого обсуждения Жабоев выносит решение:

– Идешь к Гафту, делаешь с ним смету на содержание представительства. Обязательно включи в штатное расписание зама по строительству и двоих водителей. Свяжешься со мной дня через три, договоримся о машинах: перегоним тебе неплохую *вольву* и подержанный *мерсик*. Чтобы нам не возиться с твоим финансированием, будешь помогать в продажах. Пойдешь к Жене Ретюнскому, договоришься, пусть отправит тебе пятьдесят *Жигулей* для начала. Надо бы еще иномарок, но у тебя пока нет дилерства, возьми пяток *хонд*. Пришли сюда продавцов, научим оформлять документы. Договорись с Женей о поддержании правильного курса условной расчетной единицы (УРЕ) и о скидке. Скидка пойдет на содержание представительства. Выручку пока оставляй себе, будешь отчитываться. Деньги будешь тратить на запуск *Короны ЛогоВАЗ*. Но учти, после презентации отчитаешься. Спросим по всей строгости закона.

«Эх, Самат, Самат, – подумал Сергей, – будто мы с тобой не знаем высказывания Салтыкова-Щедрина о *строгости российских законов, которая что? Правильно: смягчается необязательностью их исполнения*».

* * *

После той памятной поездки Сергея в Москву все и началось: в 92-м продолжился счастливый начальный период его предпринимательской деятельности. Поставлялись автомобили, пошло хорошее финансирование. Для хранения машин арендовали огромный ангар у *Ленмбельторга*. Машины продавали из офиса, а отпускали из ангара. Скидки Москва давала им совсем небольшие, потом они еще уменьшались и в 94-м составляли всего 0,7 процента от стоимости машины. Тем не менее этого хватало для безбедной жизни их небольшого коллектива – ведь в отдельные торговые дни сотрудники отпускали до ста автомобилей в месяц. В 92-м уже накопились неплохие деньги, и Турчин оплатил летнюю поездку всего коллектива в Грецию, на Корфу. А в 93-м и последующие годы арендовал на лето для шести семей сотрудников госдачи в Комарово.

От выхода на рынок *Короны* зависели будущие отношения с Москвой. Создание дилерского центра и организация презентации были пробным камнем, и открытие состоялось – но не в октябре, а в ноябре. За это время произошло несколько важных для Сергея событий.

Во-первых, куратором всех представительств в центральном офисе стал замгенерального Михаил Гафт. С некоторых пор, как понял Турчин, через него проходил весь документооборот АО. Документооборот... При запуске новых проектов Сергей стал почти независим – при условии, если удавалось решить проблему финансирования. Самые дорогие проекты, которые

ему не под силу поднять с помощью выручки от продажи автомобилей, нужно было согласовывать с Борисом или Саматом. Симпатичного Глушкова Сергей теперь почти не видел. Он, видимо, мало бывал в Москве, потому что Каданникова убедили взять его к себе на завод финансовым директором. Повышение или понижение? Тогда это было еще неясно. С одной стороны, Березовский теперь мог контролировать финансовые потоки *АвтоВАЗа*, посадив на них своего человека; с другой – удалил Глушкова из офиса *ЛогоВАЗа*, где решались все текущие проблемы. Ради кого? Конечно, не ради Гафта – непохоже, что он стал для Бориса ключевой фигурой. Долго ждать ответа не пришлось.

Гафт приехал в петербургское представительство сразу после поручения Жабоева о кураторстве. Сергей показал ему *Короны* и другие объекты, находящиеся в разработке, познакомил с будущими директорами новых фирм. Автомобили еще не прибыли, и Сергей катал Мишу опять на своей *копейке*.

– Давно за рулем? – спросил гость.

– Недавно, три с небольшим, – ответил Сергей и так же, как при встрече с Глушковым, прочел немой укор в больших – навывкате – Мишиных глазах.

Гафт зашел к Турчиным домой, рассказал, что собирается в скором времени стать миллионером, а от домашнего обеда отказался, потому что у руководства АО *обед должен быть совсем другим*. Он пригласил Турчина с женой в ресторан, но Юля ждала из школы дочь-первоклассницу: в итоге мужчины пошли вдвоем. Гафт с гордостью показал Сергею накрытый стол – смотри и учись! Чем гордиться? Турчин поморщился – нетрудно шиковать за счет фирмы, которая оплатит любые счета, – но комментировать не стал.

В богатстве не ищи братства. У рака мощь в клешне, у богача – в мошине.

Летом позвонила Ира Пожидаева и задорно отчеканила:

– Завтра в десять ноль-ноль встречайте в аэропорту Бориса Абрамовича, с ним три человека. Должно быть две машины. Отлет вечером. У вас есть приличные машины? Хорошо... Программа? Осмотр *Короны*, посещение мэрии, ужин. С мэрией я уже договорилась.

Борис прилетел с женой Галиной Бешаровой. Жене шефа выделили отдельный автомобиль с водителем, и она уехала в город по своим делам. Поездка Березовского прошла неплохо. Автосалон *Короны* ему и Панюшкину, ответственному за *Mercedes*, понравился, будущая директриса, которую им представил Сергей, – тоже. В мэрии согласовали дату презентации и договорились: ленточку при открытии разрежет лично Анатолий Александрович. Собчак был тогда несомненной звездой русской политики, второй Плевако, возможно – будущий конкурент Ельцина. Если он придет, будет здорово, но это в будущем – осенью. Новый зам Турчина по строительству показал Березовскому строительные объекты. Программа поездки в Питер должна закончиться на мажорной ноте – ужином в приличном ресторане.

Стол ломился от яств и напитков; четверо москвичей, Сергей с замом и двое от *Короны* – все разместились. Борис был доволен результатом поездки, но выглядел утомленным. Его жена сидела нахохлившись – серым неприметным воробышком, – выглядела чужой на этом празднике жизни. Говорили о петербургских проектах, ужинали, пили за успехи *ЛогоВАЗа* – «компании номер один», по определению Березовского.

По окончании трапезы принесли счет. Правительство Гайдара в начале года отпустило цены, Россия жила в условиях галопирующей инфляции, номиналы банкнот не поспевали за ростом цен, а карточные расчеты банками еще не внедрялись. Озвученная цена за банкет казалась фантастической. Борис сделал слабую попытку оплатить корпоративное разгуляево, но к этому застолью Сергей был уже полностью готов.

– Представительство оплатит, – сказал он, взял *атташе-кейс*, под завязку наполненный банкнотами, и двинулся к кассе. Кто-то пошутил вслед:

– Сергей пошел с кошельком.

Как учил *великий Гафт* – взять деньги под отчет, в кассу вместо денег вернутся чеки, все шито-крыто!

Американская мечта: заработать миллион. Русская мечта: миллион потратить.

В московском офисе появился тот самый *чудесный грузин*.

Бадри Шалвович Патаркацишвили был похож на опереточного Карабаса-Барабаса, только рыжего, с усами и без бороды, с лицом злодея, пытающегося играть роль добрейшего из добряков. Он всю изобразил простосердного, незлобивого грузина, ерошил пышные, загнутые вверх усы, пучил глаза, подчеркивал свой грузинский акцент – получалось неестественно, наигранно, как в плохом водевиле. Но Березовский, Березовский... Он буквально влюбился в этого Бадри, потому и перетащил его из Тбилиси в Москву. Ему нравились крупные, наглые, неторопливые мужики, он тянулся к брутальным и не обремененным комплексами и самокопанием – искал в них то, что не находил в себе: у Сергея еще будет возможность в этом убедиться.

Все было фальшиво в новобранце комсостава *ЛогоВАЗа*: не Бадри, а Аркадий, не грузин княжеских кровей, а грузинский еврей... Почему ему не оставаться просто Аркадием и просто евреем? Как истинный Тартюф, Бадри постоянно подчеркивал собственные скромность, благородство, честность, бескорыстность, если б надо было, то и набожность тоже демонстрировал бы, а плюс к тому – бесконечную широту его *истинно грузинской* души и другие весьма редкие и абсолютно замечательные качества.

Домочадцев, пытающихся доказать, что Тартюф вовсе не столь свят, Оргон (его роль в этой комедии играет БАБ) *считает неблагодарными, погрязшими в грехах людьми*. Истинная сущность Бадри проявится в тот момент, когда в его распоряжении окажутся вся касса, все дома и капиталы империи Березовского, неосмотрительно порученные ему БАБом для хранения и спокойно переписанные им на себя и своих ближайших родственников. Но пока еще ничего не ясно, и до момента истины в отношениях БАБа и Бадри должны пройти долгие двадцать лет.

Чудесного грузина (именно так, кстати, называл в свое время Ленин молодого Сталина) пригласили пока заниматься продажами *Лад* и *Самар* – автомобили из Тольятти давали на тот момент самый мощный денежный поток. Бадри крутился вокруг Ретюнского: «Женечка, Женя! А как это делают, как то? Ну ты же умница, ты все знаешь, объясни мне, я понятливый». Невелика наука – вскоре Бадри прибрал к рукам всю торговлю *Жигулями*. *Лады* продавались стандартным образом – менеджерами через кассу, а покупатели дефицитных *Самар* выстраивались в очередь к дверям кабинета *чудесного грузина*. Там, кстати, большинство богатенькие и лихие закавказские ребятки. Бадри, видимо, умел строить отношения по понятиям. Помимо стандартной цены через кассу, посетители платили *чудесному грузину* наличку из рук в руки – доплаты за передний привод, за цвет, за металлик, за навороты и опции. Платили почти в открытую, Сергей узнал об этом от сотрудников центрального офиса. Все сразу стало ясно – нужны ли еще слова? Бадри пригласили, чтобы брать *черный нал*, – он не брезгливый, вот и брал, наверняка с личного разрешения БАБа. Неучтенные деньги теперь пройдут мимо поставщиков автомобилей, членов правления – партнеров по бизнесу, мимо отчетности, налоги с них тоже платить не надо... Делились ли деньги между отцами-учредителями – неизвестно, но Сергея это не интересовало. Ясно одно: с появлением Бадри здесь больше не работают по правилам, здесь делят наличку под столом.

Бадри вытеснил Глушкова из офиса *ЛогоВАЗа*, место ловкого кота Тома освободили для другого кота Тома – килограммов на пятьдесят поувесистее, с куда как тяжелой лапой, – и понятно для чего: пришло время ловить не крошечных мышек, а больших жирных крыс. Но ведь именно Николай Алексеевич наладил целую финансовую систему для отмывки всего и вся, не так ли? Наладил, теперь его можно и в сторону – такова, видимо, была логика БАБа. Глушкова не раз еще будут выдвигать на передовую – за каштанами из огня, – а потом вновь

задвигать, до тех пор пока он не станет отработанным материалом. Бадри осваивался на новом месте, но ни Гафт, ни Самат пока еще не задумывались о перспективах дальнейшей экспансии *чудесного грузина*.

Машина для выкачивания продукции и денег из автогиганта работала исправно. А Борис в это время был увлечен новыми идеями, внедрялся в другие проекты, задумывался о том, что самым лучшим бизнесом в России все-таки является политика. Ведь если в обычном бизнесе на тысячу долларов вложения в то время можно было получить десять тысяч, то в политике за ту же тысячу – миллион. Правда, можно и все потерять, просто все...

Березовский мало бывал в офисе, часто отлучался, мотался по Европам, осваивал новую для себя роль нувориша, селился в лучших отелях, посещал лучшие рестораны и одевался в бутиках. Возвращался воодушевленный, одетый с иголки, с фирменным платочком в кармане пиджака, в ауре дорогого парфюма. Влетал словно фурия, скороговоркой давал тысячу невнятных инструкций и тут же улетал. Ира Пожидаева заносила в блокнот поручения и с привычной иронией резюмировала: «Пролетел как *фанера* над Парижем, а нам расхлебывать».

Бадри же, наоборот, всячески демонстрировал служебное рвение, бросался к любимому шефу и, карикатурно закатывая в глаза, объяснял, как «мы все скучали без тебя» и «как нам тебя не хватало», – Сергей пару раз становился свидетелем подобных сцен, а Борис млея и таял от счастья. Похоже, у них любовь – платоническая мужская любовь. Борис принимал все за чистую монету, он действительно был влюблен в Бадри, абсолютно доверял ему и всем без конца рассказывал об их необыкновенной дружбе. Подобное тянется к подобному. «Дружба, основанная на бизнесе, лучше, чем бизнес, основанный на дружбе», – говорил Рокфеллер. Интересно, что БАБ скажет об этой «любви» через двадцать лет?

Турчин не задумывался о перестановках в *ЛогоВАЗе* – для работы его представительства почти ничего не изменилось. Согласование поставок с московских стоянок в Петербург теперь проходило через Бадри, но тот просил только визу Гафта о взаиморасчетах и, как правило, не отказывал Сергею в отгрузке машин. Продажи в Петербурге по-прежнему проводились строго через кассу, доплаты опций – тоже.

Борьба за место рядом с БАБом, паразитирование на теле автогиганта, дележка денег под столом и внутренние разборки пусть остаются в Москве, его караван идет своей дорогой.

Сергей придерживался простого принципа: представительство будет работать только легально, *вбелую*, абсолютно прозрачно для москвичей, налоговиков, для их клиентов, для органов власти – для всех. Так, как это было при советской власти. Вскоре он почувствовал, что его помощники стали рулить в другую сторону. «Сергей, – говорили они, – идут хорошие денежные потоки, на этом можно прилично заработать». «Ребята, мы получаем зарплату, которую я оговорил с московским руководством, – отвечал им Турчин. – На полученные доходы я даю бонусы: премии, зарубежные поездки. Кому не нравится – ищите другую работу». *Ребята* затихарились и продолжали делать свое дело. Сергей не мог контролировать каждый договор, каждую сделку, каждую запчасть. Жестко разрывать отношения с замами тоже было опасно: *у ребят* сохранились связи с правоохранительными органами. В то время – те же бандиты, только с корочками.

Сергей понял, что розовый период его *логовазовской* жизни завершается. Что после презентации *Короны* ему придется подбирать на ключевые должности совсем других людей – из тех, кого он хорошо знал.

Объемы продаж машин в Петербурге росли, штат продавцов и охраны увеличивался, и Сергей согласовал с Борисом и Гафтом создание дочернего торгового предприятия *ЛогоВАЗ Санкт-Петербург*, предназначенного только для реализации машин. Оно будет жить на торговую наценку, а вся выручка будет поступать в представительство для запуска новых проектов. Учредителями новой фирмы стали начальники высшего и среднего звена московского *Лого-*

ВАЗа, а директором – Сергей. Для работы фирмы арендовали большой автомобильный склад в таксопарке на Краснопутиловской, со временем открыли новый автосалон на Бухарестской.

Теперь представительство занималось только проектами московских учредителей; Сергей начал готовить новый, более просторный офис на Рубинштейна.

Горячий, шокирующий, авантюрный 92-й – разгул криминала, неистовство младореформаторов, либерализация цен, ваучерная приватизация. Нищая страна с горячечным румянцем на лице торопится, бежит, живет иллюзиями и надеждами на лучшее – а что еще остается? Незаметно пролетело нежаркое петербургское лето; Александровский парк, совсем недавно – парк Ленина, окрасился багрянцем осени.

На предприятиях Турчина вал работ, все крутятся без остановки – новые проекты, продажа машин, подготовка к презентации *Короны*, – бежит, все быстрее вращается беличье колесо Сансары. Реклама презентации первого в Петербурге *мерседесовского* автодилера – в газетах, на ТВ. Над входом в салон – новая, нездешняя вывеска, привезенная из других миров, из других вселенных, на проспектах – перетяжки с духоподъемным слоганом «Пересаживаемся на *Мерседесы!*». Завершается переоборудование салона под автомагазин.

Сергей иногда задумывался о нелепой ситуации, в которой оказался, – в обнищавшей, разваливающейся стране делать бизнес на автомобилях – нонсенс! *Mercedes* – услада бандитов и новых русских. Но останавливаться нельзя – собьешься с ноги, выпадешь из ритма, локомотив истории выбросит на обочину, сомнет, в лучшем случае – спишет.

Вот так всю жизнь бежишь, бежишь вдоль темного тоннеля, впереди светит выход. Прибегаешь, а там уже могила.

По проектам АО Сергею приходится обращаться в мэрию – земля, аренда, торги, приватизация, разрешение на строительство. Его охотно принимают – создается впечатление, что новые клерки готовы вникать в проблемы бизнеса. Сергея знают в КУГИ, в ГАТИ, в комитетах по строительству, по внешним связям. Хорошо принимают, угощают кофе, любят поговорить о городских проблемах. Иногда кажется – в городе царит благостное единение бюрократии и бизнеса. Наверное, кажется... Возможно – единение не всегда и не со всеми. Не исключено, что все гораздо проще: звонкие имена *ЛогоВАЗа* и *АвтоВАЗа* открывают двери в кабинеты Смольного. Однажды после совещания в мэрии к нему подошел высокий respectable чиновник. Представился: «Зампредкомитета. Отвечаю за трубы, воду, фонари и т. д. Инспектирую новые объекты, в том числе и ваши буду». Отчески посоветовал Сергею Николаевичу встретиться с Петром Ильичом. «Тезка Чайковского, но не композитор. Вы не слышали о Петре Ильиче? – Прозрачные водянистые глаза смотрели ласково, полные губы шептали доверительно: – А он таки наслышан о вас. Откуда знает? Так маленький совсем Петербург-то наш – все друг о друге известно. Кто это? Встретитесь, познакомитесь. Нет, нет, я советую. Просто зайдите к нему. Непременно. Просил ли он? Нет, не просил. Но рад будет. Зайдите, зайдите, полезный человек. Старину собирает, его еще *Старинщиком* зовут иногда, но чаще все-таки – *Чайковским*. Встретитесь, поговорите, только на пользу вам будет». «А он-то захочет?» «Захочет, почему нет? Позвоните, вот телефон». Неожиданный поворот... Как-то уж слишком загадочно.

Подъезжает Сергей к дому сказочно преогромному, где *Чайковский* живет. *Дом большой, мрачный, старого кирпича, окна металлом зарешечены, на въезде – тяжелые ворота кованые. Над входом – витиеватыми буквами: «Мир входящему».*

Заходило, заколебалось что-то в голове его, в глазах потемнело – будто в другое пространство переместился, словно в бреду находится... С чего бы это? Осмотрелся: как раз напротив дома *Чайковского* – здание приземистое, в землю вросшее: *Больница старых большеви-*

ков... Разве есть еще такие? Наваждение, вздор, тарабарщина. Дальше идти или уехать, пока не поздно?

Решил идти все-таки...

Охранники выслушали Турчина, пошептались о чем-то, один убежал, вскоре вернулся – и опять зашептались. «Ваши документы!» Смотрят паспорт, потом в лицо, опять в документы – ну наконец-то ворота отворяются. Сергея по мраморной лестнице на второй этаж ведут. Дом отделан словно дворец княжеский – классика и ампир, позолота.

Ждет он, ждет, а вот и хозяин, Чайковский собственной персоной, в спортивном костюме, черный, небритый, крикливый – на профессора консерватории не похож. За плечи обнимает.

– Петр Ильич зовут меня.

Гость чувствует прикосновение колючей щеки хозяина.

– Яшка, старый козел, говорил – тот, что из мэриш... Рад я тебе. Хороших людей в лицо надо знать. Что делать-то думаешь? Ах, работаешь... А лавэ? Кто жлавэ не любит! Неужто не знаешь меня? Петруша при диктатуре всеми пивными на Невском командовал, а сейчас искусством занимаюсь, коллекционирую. Не хуже твоих Жигулей и мерсов лавэ дает, твою... Не нравится, как говорю? Ты нерусский, что ли, по-русски не понимаешь? Вот с человеком тебя полезным познакомлю. Только что откинулся. У-у-умный – чемпион тюрьмы по шахматам, погоняло – Боксер.

За столом сидел некто – невысокий, незаметный. Шахматную позицию изучал. Стрижка короткая, лицо серенькое, глазки маленькие. Нос сломан и провален в переносице.

– А зовут его Валентин – «здоровый», «сильный» по латыни, а еще – «впередидущий». Не слабо? Будешь работать с ним, а он крышевать будет. Мы бережем лучших-то людей! Яшка говорит: большим человеком ты станешь. А побережь-то тебя нам следует, твою... Говоришь, никто не нападает? А нападут-то один только раз, твою... И не будет представительства... Вот, к примеру, подойдут сейчас ребятки мои да и грохнут для забавы прям сейчас... вот и не станет Сергей Николаича...

Вздрыгнул Сергей от слова «грохнут», но виду не подал.

Валентину заявление Петра Ильича не понравилось – бросил он шахматы, поднялся:

– Ты, слышь-ка, Петруша, шути, да меру знай. Чего жэти нагоняешь? Пальцы аж на ногах растопырил, не жмут ботинки? Не пугай мне Середку. Ты не бойся, малой, эт мы шуткуем так. Крышевать буду – никто тебя и пальцем не тронет. Скажешь только – Боксеров я, кто не поймет – ко мне посылай. А у меня коллектив. Коллектив всегда разберется.

– Меня лучше слушай, – сказал Чайковский. – Валентин-то, друг мой лучший, непростой человек. Коллектив у него, да. Как без крыши жить будешь, Сергей Николаич? Без крыши – как? Собчак, Яшка, что с тобой говорил, Валюша – все с крышей, твою... Я – сам себе крыша, у каждого крышняк есть. Все под нами ходят, а для тебя Валентин – самое то: солидно, даже очень! Будешь с ним – будет у тебя, четырежды блин, тихая жизнь.

«Вот и закончилась моя „тихая жизнь“», – подумал Сергей – не знал тогда, что выражение «тихая жизнь» он не раз еще услышит.

– Ты не бойся, слышь-ка, Середка, – говорит ему Валентин. – Не захочешь, так и не надо. А так я присматривать буду да наведываться. Профессором еще наук наших паханских станешь.

Договорились встретиться с Боксером без Чайковского после открытия Короны.

– На презентацию я так и так приду, не забудь пригласить, – предупредил Петр Ильич. – Не обеднеет Береза, если Чайковский выпьет бокал шампанского за успехи его ЛогоВАЗа!

Вышел Турчин из дома Петра Ильича, огляделся, посмотрел на слоган: «Мир входящему» – бр-р-р, мурашки по спине! Одурь какая-то – была встреча или приснилась? Говорил

он с *Чайковским* или в голове помутилось, сам и придумал все? Что за «Сказка о Старинщике» – то ли Гауфа, то ли братьев Гримм? Мрачноватая получилась, хотя-я-я... Вроде эти двое охранную грамоту ему дали – за какие такие заслуги? Уж и не вспомнить, что там было, – интересно, каким окажется продолжение *банкета!*

У Пикассо тоже был розово-голубой период, а потом он эту страшную «*Гернику*» написал – о бомбардировке 1931 года. Похоже, все проблемы Сергея еще впереди.

Нет, не бред это, Сереженька, не показалось – и псевдо-*Чайковский* и *Боксер*, – на самом деле все так и было. Укатали тебя, дружок, одной левой развели – классическим приемом: *один – злой злодей, другой – тоже злодей, только добрый. С новыми друзьями* – поневоле, а не по влечению сердечному – не раз тебе решать проблемы придется, еще и благодарить их будешь за помощь...

Работали много – без праздников, без выходных, нередко по ночам. Жену и ребенка Сергей почти не видел. Он для дочери не отцом был, скорее, легендой. Но у них сложился обычай – сказка перед сном. Не так часто, как хотелось бы, – когда получалось.

Отец Сергея совсем плох, два года держали его на химиотерапии. Он не сдавался: его программа еще не выполнена. Да, сын на ногах, внучка растет, но папе хотелось дожить до возраста своего отца, деда Сергея. Когда дед покинул их, тому под девяносто было. Отметили-таки они и папины восемьдесят девять, скромно, в домашней обстановке. Папа – очень слаб, но в сознании – был очень доволен: сбылась его маленькая мечта! На третий день отца увезли по скорой в онко-диспансер на Каменном острове – положили в реанимацию. Когда увозили, уже не понимал, что с ним и где он. К концу ночи его не стало, но Сергей узнал об этом только к середине следующего дня.

Утром 13 ноября, в день открытия, Турчин в *Короне*. Последние приготовления, встреча гостей из Москвы. Согласование приезда городского начальства, встреча журналистов, телевизионщиков, подготовка фуршета в зале салона, заказ вечернего банкета, приглашение музыкантов, наставления, кто кого и куда везет...

О состоянии отца в регистратуре ничего не сказали – нет сведений и все! Один раз нет сведений, второй раз нет... Надо бы поехать, устроить разнос, но тут самый разгар – никак не отлучиться. Почему не отлучиться? Придется бросить и поехать, невозможно жить в неизвестности. Почему отец должен быть один? В середине дня Юля все-таки дозвонилась – отца не стало... «*Сегодня ничего не получится, свидетельство будет только завтра, завтра и приедете в морг для оформления...*»

«Огромная жизнь позади. Программа выполнена. Так и не попрощались глаза в глаза. Прощаюсь заочно, отец. Ты сделал все, что мог.»

Почти сразу после известия из больницы Турчину позвонили из представительства – приехали проверяющие из Москвы, нагрянули без предупреждения. В ушах прозвучали давние слова Самата: «Спросим по всей строгости закона». Вспомнилось строгое лицо *джигита* с чужими для этого лица глазами когда-то раз и навсегда напуганного человека. Испуганные – они самые опасные. Все мы, кому в девяностые за тридцать, демонстрировали феномен *испуганного совка* – кто-то больше, кто-то меньше.

Про отца он не мог знать, ну а что сегодня презентация – специально подгадал, хотел врасплох застать. Черт бы побрал этого въедливого Самата – если б он завтра проверил, убежал бы Сергей с деньгами, что ли? «Пусть проверяют. Покажите документы – кассовые книги, выручка от машин, деньги на счетах, расходные ордера, финансовые отчеты, нам нечего скрывать. Дайте теткам чаю с бутербродами».

«Папа, папа... Занимался ерундой, когда надо было с тобой... просто сидеть рядом, за руку держать... Поздно, нет больше папы. Остались только бумаги... Дело не в оформлении, оформишь и завтра можно. Сегодня отстреляюсь, завтра с Юлей поедем».

Процедура открытия приближалась к моменту X. Водители привезли из аэропорта московских гостей. Празднично одетый, веселый Березовский был с женой. На сей раз с другой. «Знакомься, Сергей, моя жена Лена». Очередная жена – статная, стильная девица с холодным взглядом – умеет держать дистанцию, выглядит сдержанной, уверенной в себе отличницей-недотрогой а-ля Наталия Белохвостикова. Такая же подтянутая, с таким же маловыразительным непроницаемым лицом. Что-то не верилось в *отличницу*, больше – в *очень тихий омут*. Ему-то, Сергею, какая разница? У *богатых свои причуды*. Лена так Лена.

События происходили будто сами собой, Турчин *вроде бы* присутствовал везде, где требовалось, словно робот, фиксировал слова, жесты, движения, привычно отвечал на вопросы, запускал необходимые процессы, куда-то ехал, давал поручения, возвращался, но сам был не здесь...

Нищее детство отца, три войны, нелегкая судьба и вот – конец. Вспомнилось, как онучил его, совсем еще мальшиа, играть в шахматы. Давал иногда выиграть: Сергей догадался об этом, когда стал старше. Научил ли он сына шахматам жизни, или Турчин дошел до всего собственным умом?

До презентации оставалось довольно много времени; Борис попросил машину, чтобы доехать с Леной до отеля, оставить вещи и переодеться.

– Поедем с нами, Сережа, времени мало, по пути обсудим твои петербургские дела. Вернешься на этой машине, а нас пусть заберут перед самым началом.

На ресепшене отеля *Невский Палас* Борис дал Лене документы, несколько зеленых купюр и кредитную карту:

– Вот карта, киса, рассчитайся с моей. Отчекинься, мне надо сделать срочные звонки.

У Сергея тогда *зеленые* на каждый день не водились; валюта, впрочем, уже не была чем-то недоступным – осенью 92-го в Петербурге появилось много обменных пунктов. Но кредитной карты у него еще не было. Лишь в 94-м, когда Владимир Гусинский открыл на Невском у здания бывшей Думы филиал *Мост-банка*, Сергей стал гордым владельцем карты VISA.

VISA – такая же часть массмедиа, как теперь смартфоны. Прав был Маклюэн: элементы массмедиа решающим образом влияют на человеческие отношения, становятся артефактами и интересны уже сами по себе, вне зависимости от их контента. Маклюэн пытался достучаться до нас: «Это же медиа, болваны!»

Впоследствии Сергей узнал, что новую пассию шефа зовут Лена Горбунова и она работает в секретариате *ЛогоВАЗа* под руководством Пожидаевой. Турчин часто бывал в Москве, но Лену на работе видел лишь несколько раз. Что Борис нашел в этой невнятной девице? Красивая? Да нет, скорее, кукольная – смазливое незапоминающееся лицо, как говорят, «не обезображенное мыслями и чувством»... Молоденькая, с точеной фигуркой – может, ему этого достаточно?

Для каждой прежней жены Бориса его соратники находили какие-то человеческие слова. Первую жену, Нину, ту, что была до Галины, называли среднестатистической советской домохозяйкой, замученной стояниями у плиты и штурмом очередей. «Если б потребовалось охарактеризовать Нину одним словом, то подошло бы слово *угрюмая*, – вспоминает один из знакомых четы Березовских. – Редко улыбалась, сторонилась шумных компаний. Бывало, придешь к ним в гости, Нина всегда мрачная; накрывает на стол, а на лице немой вопрос: „Когда же вы убе-

ретесь?». Для молодого научного работника эпохи развитого социализма Нина была адекватным выбором: надежная, преданная, домовитая, да и дочками, Лизой и любимой младшенькой Катей, тоже надо кому-то заниматься. А куда деться? Шаг вправо – аморалка, шаг влево – разнос на парткоме. Можно предположить, что со временем несколько увядшая супруга не вполне соответствовала представлению пылкого молодого мужчины об *идеальном женском образе*.

И вот наступают новые времена, наш герой становится амбициозным бизнесменом, он созрел для принципиально другой жизни. Гусеница становится яркой разрисованной бабочкой. Новая спутница – Галина Бешарова, та, с которой Борис первый раз приезжал к Сергею в Петербург, – была моложе Березовского на двенадцать лет, хороша собой и совсем не избалованна. «Очень привлекательная, красивая женщина, – описывает Галину коллега по институту Людмила Тихонова. – И вдобавок скромница».

Познакомились они на дружеской вечеринке: это была, возможно, первая женщина, ответившая ему взаимностью без задней мысли. После неудачного замужества Галина просто в рот заглядывала новому возлюбленному, с восторгом слушала все его рассказы; в сравнении с ее родственниками, работавшими сантехниками, мясниками или носильщиками на вокзале, Борис казался незаурядным человеком, да что незаурядным – звездой первой величины!

Борис Абрамович чувствовал себя повелителем, покорителем – возможно, впервые в жизни!

Позднее он охотно делился своими доморощенными, претенциозно-кокетливыми *перлами* о любви. Как вам такое? «Сравнительно недавно я узнал, что в русском языке не было слова *любить*. Его заменяли словом *жалеть*. Не знаю, может, то, что я сейчас скажу, покажется неприятным или обидным кому-то из моих близких и любимых женщин, но я всегда их *жалел*». Галина дала БАБу возможность ощущать свое превосходство, силу, возможность *жалеть* ее.

Или повторял известную шутку: «Как известно, мужчины подразделяются на лицеистов, фигуристов и душистов. Так вот я всегда был лицеистом». Тоже не кривя душой, довольно откровенно сказано.

У Галины была собственная небольшая квартира близ Павелецкого вокзала. Влюбленные встречались то дома у Михаила Денисова, приятеля юности БАБа, то у Гали, где его ждали вкусные татарские лакомства и уют. Говорят, именно Галина приучила неряшливого Березовского к порядку.

С деньгами к тому времени проблем не было, он содержал два дома. В апреле 89-го у них с Галиной родился первенец Артем, и лишь когда ему исполнилось два с половиной года и в животике у Гали вовсю сучила ножками будущая Анастасия, эгоистичный БАБ наступил на горло привычке жить лишь в свое удовольствие и сделал наконец выбор. К тому времени обе дочери, Лиза и Катя, уже учились в Англии. В сентябре 91-го он разводится с Ниной – без скандалов и упреков: как и положено интеллигентным людям. БАБ оставляет ей квартиру на Ленинском, сам переезжает к разлучнице, в уютное гнездышко у Павелецкого, и официально регистрирует отношения с Галей – тоже без всякой помпезности. «Пришли в ЗАГС, расписались и разбежались; ни ресторана, ни семейного ужина», – рассказывает Самат Жабоев, свидетель со стороны жениха.

Нет, тихое семейное счастье совсем не по нраву неистовому БАБу. *Век дожил, а ума не нажил. Стар, да дюж. И свеж и гош. Старик, да лучшие семерых молодых будет.*

К моменту второго брака нашему герою сорок пять; он рвется максимально использовать новые возможности, которые открыло перед ним внезапно свалившееся богатство.

За год до женитьбы на Галине у Березовского начался еще один параллельный роман. Несмотря на рабоче-крестьянское происхождение, красавица-шатенка Елена Горбунова была поистине роковой женщиной... Но об этом тогда мало кто знал – о ней говорили: «Шатенка с прекрасной фигурой» – такой штамп! В этой незатейливой формуле не хватало чего-то важ-

ного, просто человеческого. Так можно говорить о манекене, о восковой фигуре из *Музея мадам Тюссо*, о модели на подиуме, о невыразительной фотографии... В крайнем случае – о доступной девушке из массажного кабинета. А что еще они могли сказать?

Презентация началась по плану. Встреча гостей, оркестр, фуршет, осмотр салона, выступление Березовского и гостей из мэрии. Анатолий Александрович не приехал, но водитель Сергея привез из Смольного Людмилу Борисовну Нарусову. Жена Собчака – молодая женщина слегка за сорок – держалась отстраненно и несколько надменно, ни с кем не говорила и одета была будто для пикника: широкополая соломенная шляпа, хлопчатобумажная кофточка и цветастые брюки нежных тонов в обтяжку. Список гостей составляла директриса *Короны* Ольга. Были представители банков, два заммэра, журналисты радио и *Пятого телеканала*. Наконец, один из замов разрезал ленточку...

Ольга постаралась – пригласила настоящих отцов города. Не только представителей мэрии – у нашего города тогда было много разных отцов. Впоследствии многих из них стали величать авторитетными предпринимателями.

Прикатил и знакомый уже Сергею *Чайковский* – все-таки есть в природе псевдо-*Чайковский*, не привиделся! Да не в трениках с вытянутыми коленями прикатил, а в прекрасном костюме с галстуком. Он был в отличном настроении, ему все нравилось – только Березовский раздражал. Петр Ильич несколько раз подходил к Сергею с фужером шампанского, не ругался, держался достойно, но о бизнесе БАБа высказывался неуважительно: «Пусть не задается, искусство, старина дают гораздо больше и без шума». Несколько раз говорил комплименты Турчину и Юле (Борис просил, чтобы Турчин был с женой), неодобрительно поглядывал на Лену, спутницу БАБа. В конце концов, не выдержав, отвел Сергея в сторону и шепнул на ухо: «Кого он привез, ты видел эту? Соска... Все разойдутся, и она отсосет у меня. Поверь мне, прямо здесь, посреди зала». Турчин поморщился, но ничего не ответил.

Он тогда еще не подозревал, насколько хорошими психологами могут оказаться эти самые *авторитетные предприниматели*. В дальнейшем Сергей кое-что узнает о новой подруге БАБа – некоторые считали, что до встречи со знаменитым драматургом Михаилом Шатровым, коего она еще до БАБа облагодетельствовала кратковременным браком, *шатенка с прекрасной фигурой* подрабатывала оказанием интимных услуг забугорным туристам. Возможно, это просто слухи или даже сознательный оговор. Но многое потом стало доподлинно известно об истинном лице сей юной дамы полусвета, и Петр Ильич оказался прав: Лена далеко не та отличница-недотрога, какой хотела казаться, скорее, ее полная противоположность.

Как говорила подругам знакомая Сергею проститутка из *Прибалтийской*, «*крепкие ягоды и плоский живот – наше непобедимое оружие, не забывайте об этом, сестры!*».

Официальные отцы города кучковались в одном крыле салона, неофициальные – в другом. Между ними действовали силы антигравитации, ибо никто не хотел засветиться рядом с представителем противоположной фракции: такая негласная договоренность. Еще бы: начальник Главка на Литейном, 4, милейший Аркадий Крамарев не может оказаться в кадре с авторитетным псевдо-*Чайковским*. Тогда еще этого стеснялись. Ближе к двухтысячным таких совместных снимков появится множество – к чему юношеская стыдливость? К тому же со временем криминал решительно пошел во власть, а власть все меньше краснела из-за своих криминальных замашек.

Сергей почти никого из *неофициальных* не знал. Петр Ильич решил помочь неопиту и обратил его внимание на высокого элегантного мужчину с узкой полоской усов: «Запомни его, Костя Яковлев, контролирует кладбища и телерекламу, Костя *Могила*, в общем. Почему *Могила*? Молчать умеет».

После презентации избранных гостей отвезли в ресторан для *продолжения банкета*. Там, конечно, был только официоз. Людмила Борисовна тоже почтила ресторан своим высококвель-можным присутствием.

Вечером Сергею сообщили из офиса, что проверка завершилась, проверяющие не нашли нарушений и отбыли в столицу. В дальнейшем Самат еще не раз устраивал внезапные наезды и проверки, но со временем потерял к ним интерес. Когда его спрашивали о представительстве в Санкт-Петербурге, он говорил, что у Сергея деньги в безопасности – как в швейцарском банке.

Проводив гостей и вернувшись домой, Турчин включил *Пятый канал*: Невзоров со своей эпатажной передачей *Шестьсот секунд*. Там уже был репортаж об открытии *Короны* – когда они успели смонтировать? Александр Глебович по обыкновению жег и обличал. Последний кадр – крысы, роющиеся в мусорных баках, – был снят где-то на стороне, возможно, заранее. Сергей точно знал, что у *Короны* все в полном порядке, нет у них грязных баков. Просто невзоровская метафора. Глебыч всегда был гаером и популистом, но в данном конкретном случае он прав: позорная смычка власти и криминала; открытие роскошного салона для самых дорогих авто в стране, где инженеры становятся бомжами, а крестьяне и пенсионеры умирают от голода. И он, Сергей, в центре этой дьявольской круговерти. Не было сил и желания копаться в себе, искать новые смыслы...

Все, что запланировано, получилось. На сегодня можно забыть о работе и обязательствах. И на завтра тоже. У него есть замы, у *Короны* – толковая директриса. Завтра он будет заниматься только отцом.

Ушел отец, унес кусочек его сердца. Первый проект успешно сдан. Закончился *розовый период* работы Сергея в качестве предпринимателя, период интеллигентских иллюзий о бизнесе по правилам. Жизнь грубо вмешивалась, ломала умозрительные схемы и расставляла все по своим местам.

Деньги что камень: тяжело на душу ложатся

И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему и по подобию Нашему, и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле. И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их. И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма. И был вечер, и было утро: день шестой.

Не знаю, уж что там увидел Всеблагий и Всеведущий, но мы-то никак не всеблагие и совсем не всеведущие, очень хорошо видим, что человеки-то нехорошо у него получились, да что там нехорошо – весьма неудачный проект!

Так, чем там еще они интересуются?

Расскажите, насколько криминальным был тогда мир бизнеса в России и Санкт-Петербурге.

Насколько криминальным? Вначале надо вспомнить, чем оказались девяностые для России.

«Все, что происходит сегодня в общественной жизни или политике, все, что происходит сегодня в нашей стране, родилось в России девяностых. Можно как угодно относиться к той эпохе. Очевидно одно: для России *девяностые* стали вторым главным десятилетием прошлого века. В 1991-м страна пережила вторую после 1917 года революцию. Второй раз за век Россия кардинально изменилась. Теперь, спустя тридцать лет, понятно, что имел в виду Петр Столыпин: „В России за десять лет меняется все, а за двести – не меняется ничего“» (*Esquire, журнал для умных и разборчивых*).

Сменилась не жизнь в России – через отрицание старого, советского человека, родился человек новой антропологии. Вдохновленные ельцинским указом о свободе торговли, пенсионеры бросаются на заработки: продают сигареты и водку у метро, комсомольцы завозят в города спирт *Рояль*, ликер *Амаретто* и первые компьютеры. На смену *блатным* и *приблатненным* с фиксами и финками – живущим по понятиям – приходят отвязные *быки* и бригадиры

в кожаных куртках, бывшие спортсмены и вытолкнутые на гражданку защитники Отечества, тоже бывшие. Девяностые – золотой век невиданного ранее расцвета криминала.

Взрывы автомобилей, уличные перестрелки и заказные убийства – страну сотрясали криминальные разборки. В погоне за большими деньгами и красивой жизнью в обе столицы хлынули банды со всех концов страны. Словно грибы после дождя стали появляться бандитские группировки, которые формировались в основном по принципам землячества – в Петербурге, например: архангельская, азербайджанская, дагестанская, воронежская, воркутинская, кемеровская, казанская, тамбовская и другие. Местные группировки, уже поделившие между собой город, незваных гостей встречали враждебно. В борьбе за влияние пускали в ход весь боевой арсенал, не щадили ни конкурентов, ни случайных свидетелей.

Начинаются уличные войны между старыми авторитетами (ворами в законе) и новыми, между местными ОПГ и ОПГ национальных диаспор. Кладбища пополняются большими мраморными памятниками молодым парням, родившимся в 1960–70-е, – им бы жить да жить. Российские бандиты – они теперь влиятельная сила, с ними всем следует считаться – фотографируются с мэрами, министрами и лидерами попсы.

Есть мнение, что термин *новые русские* ввел в оборот журнал *Огонек*. Этим *новым русским* нетрудно опознать: короткая стрижка; *мерин*, *бумер* или внедорожник; обязательный малиновый пиджак (моду на такой пиджак ввел, возможно, Сергей Мавроди, дутая звезда общественного интереса того времени). Гремят дискотеки, мелькают стробоскопические огни; главные там не *рейверы* в оранжевых штанах, не *пиарщики* в очках с тонкой металлической оправой, не *коммерсы с мобилами* и даже не *аллюры*, крашенные или натуральные девицы с кричащим макияжем – главные там *новые русские*, сорящие шальными деньгами в открывающихся стриптиз-клубах и казино. Роскошные женщины двигаются в такт музыке, их лица покраснелись от танцев и наркотиков. Русские красавицы – обязательные спутницы успешных мужчин, вместе со спросом рождается и предложение. Еще не скоро появится *Instagram*, еще нет брачных агентств и сайтов знакомств, но уже есть предприимчивые дельцы со связями.

Бывший харьковчанин Петр Листерман, владелец агентства VIP-знакомств, рассказывает: «В 1990 году в Москву по заданию *Playboy* прилетел из Америки фотограф Бородулин. Он жил в гостинице *Россия*, и к нему стояла очередь из 300 самых красивых девушек Советского Союза. Он сделал с ними целый выпуск. Я приехал в Москву, увидел очередь к Бородулину и понял: здесь золотая жила, Клондайк. Все эти девушки мечтали стать звездами. Тогда они еще не думали, что им просто нужны богатые мужики».

Бородулин умел превращать *немоделей* в моделей, Листерман – пристраивать их к папикам, к очень влиятельным папикам – вплоть до первых лиц стран Восточной Европы. Неукротимый Борис Абрамович сотрудничал с Листерманом и с агентством *Мадемуазель* Бородулина, иногда по дружбе делился девушками с президентами новых государств, появившихся на постсоветском пространстве.

Тридцатитрехлетний Егор Гайдар отвечал корреспондентам мягким тенорком: небрежной скороговорочкой – будто ответы эти более чем тривиальны. Уверенный стиль внука классика детской литературы понравился Борису Ельцину, и тот доверил ему – ни много ни мало – вершить судьбы России.

Зимой 1991–1992 года в магазинах хоть шаром покати; люди делали запасы.

Умереть с голоду и замерзнуть посреди русской зимы – два фантома русского воображения! Гайдара охватила паника. «Рассуждать некогда, – вспоминал он мысли того времени. – Люди начнут умирать с голода».

Валовой внутренний продукт в 92-м упал на 19 процентов, в 93-м – еще на 9 процентов, в 94-м – еще на 13... К концу девяностых Россия стала обнищавшей страной третьего мира. В девяностые ходила шутка: «*Шоковая терапия* Гайдара – сплошной шок и никакой терапии».

По мнению Григория Явлинского, правительство Гайдара поспешило отпустить цены. «Да, была определенная истерия, но угрозы голода не было. Полки пусты, но они пусты все последние годы». Ценовая реформа несла страшные разрушения. При этом были отодвинуты в сторону и попросту забыты другие вопросы экономической реформы: промышленная политика, выстраивание институтов власти, работа монополий, введение ясных правил конкуренции. Итогом шоковой терапии стал непрерывный спад в течение всей ельцинской эры – экономический, культурный и демографический.

Плановая экономика разрушена, Госплан отменен, в стране наступил хаос – денег ни у кого не было, промышленники не знали, куда отправлять продукцию, как получить плату за нее, где брать поставки. Свято место пусто не бывает – в этом хаосе роль лидеров оптовых продаж и экспорта взяли на себя торговые компании, подобные *ЛогоВАЗу*. Никто из них не был первооткрывателем – махинации с фиктивными товарными потоками и вывозом валютной выручки за рубеж начались еще в конце восьмидесятых и были запущены по инициативе и при участии государственных структур.

В феврале 1991-го (последний год правления Горбачева) в газетах появилась любопытная история о Геннадии Фильшине, замминистра внешней торговли в российском правительстве Бориса Ельцина (не путать с советским правительством Михаила Горбачева), который якобы готовил сделку с британской компанией *Дав трейдинг интернэшнл* по приобретению 7,5 миллиарда долларов в обмен на 150 миллиардов рублей с промежуточным приобретением российских экспортных товаров. Останутся ли доллары, полученные российским правительством, в офшорной зоне или будут переведены в Россию, было неясно. По сделке было много вопросов, позднее выдвигалась версия, что британская фирма действовала в интересах колумбийского наркокартеля – сведения о готовящейся операции просочились в советскую прессу. Российский парламент сделку запретил, Фильшину пришлось уйти в отставку, само же *дело Фильшина* закрыли.

Аналогичная операция состоялась в ноябре 1990 года в офшорной зоне острова Джерси – между советским *Центральным банком* и парижской финансовой структурой *Financial Management Co (Fimaco)*. За пять следующих лет *Fimaco* провела, на этот раз уже для российского *Центробанка*, операции – по оценке генпрокурора Скуратова – на сумму до 50 миллиардов долларов, а прибыли – на сотни миллионов, а то и миллиарды долларов – осели в офшорной зоне и были распределены между частными банками, консультационными фирмами и некоммерческими фондами.

В 1991 году достоянием гласности стала еще одна сомнительная сделка в сфере международной торговли. На сей раз «засветилось» ЗАО *АНТ*, основанное несколькими (возможно, очень важными) физлицами, представителями ВПК, при содействии советского премьера Николая Рыжкова и его министров. Компания тайно проводила крупные экспортные операции без согласования с Министерством внешних экономических связей. Цены продаж были существенно ниже мировых, разница попадала неизвестно куда, неизвестно кому, но за рубежом. *АНТ* поймали за руку при попытке вывезти за границу большую партию танков, артиллерии и прочего вооружения. Расследование по традиции закрыли, но плачущему премьеру пришлось уйти в отставку.

Какой бы ни была природа этих и многих других подпольных операций – *Fimaco*, *АНТ*, дело Фильшина, – нок 1990 году золотовалютные резервы Советского Союза испарились. Что произошло? Как получилось, что коммунистические функционеры сумели вывезти – под завязку – остатки богатств из страны? «По статистике внешней торговли это проверить невозможно, – комментировал Гайдар. – Разумеется, все пошло на обслуживание импортных кон-

трактов или финансовые операции. Другое дело, были ли эти импортные контракты нужны и по каким ценам закупались импортные товары».

«В Кремле к власти пришли новые люди – одна часть коммунистического истеблишмента (круг Ельцина) выпихивала с теплого места другую (старое советское правительство), – писал Пол Хлебников. – Первые коммерсанты (Марк Рич, Тарасов, братья Стерлиговы и другие) оказались за бортом. Их просто вышибли с рынка конкуренты». Одним из тех, кто устоял, оказался *ЛогоВАЗ*.

«Если термин *предприниматель* толковать честно и нормально, то таковых в России просто нет, – заявил известный коллекционер Георгий Хаценков, в те годы глава небольшого издательства и фирмы по торговле драгоценными камнями. – Я бы сравнил нашу экономику с нигерийской: ею правит государственная мафия, госучреждения сливаются с преступными группами, нормальных законов нет. Рынка нет. Есть только коррумпированные чиновники, взятки, полная анархия».

На вопрос журналиста: «Правда ли, что для продвижения своих сделок коммерсанты подкупают директоров государственных предприятий и правительственных чиновников?» – Петр Авен, в 92-м министр внешней торговли, ответил уклончиво: «У нас немало примеров того, что долгосрочные отношения приводят к неформальным и часто коррумпированным связям, и это не всегда хорошо (как это понимать, Петр Олегович, то есть бывают случаи, когда это, наоборот, хорошо? – *Примеч. авт.*). Эти компании знают, кому и что платить, кому и что дарить, и в результате они покупают продукцию дешевле себестоимости. Это не секрет. Мы к таким компаниям относимся осторожно».

Коррупция, беспомощность экономического блока правительства и силовых ведомств, уклонение от налогов, запугивание, рэкет, рейдерские захваты собственности, разгул криминала – вот что характеризует Россию первой половины девяностых.

«Мы и понятия не имеем, сколько средств оборачивается без уплаты налогов», – сказал Петр Авен. В декабре 1992-го были выявлены огромные хищения доходов России от экспортных операций, Авену пришлось уйти из правительства. «Там были проблемы ухода от налогов, – признает Егор Гайдар и тут же успокаивающе добавляет: – Но тогда не было серьезной проблемы с налоговой недоимкой». Правительство сделало все возможное, чтобы новым коммерсантам было легче скрывать баснословные заработки. Например, у России с давних времен существовало налоговое соглашение с Кипром, по которому зарегистрированные там компании имели возможность вывозить доходы из России, не платя за это 20 процентов НДС (на Кипре они платили четырехпроцентный подоходный налог). Кипр стал одним из крупнейших каналов нелегальной утечки капитала из России, но ни правительство Ельцина, ни парламент налоговое соглашение с Кипром отменять не стали.

Экспортеры нефти, главного товара российского экспорта, получали огромные прибыли. До государственных нефтепроизводителей и налоговых органов доходило меньше половины экспортной выручки – остальное прикарманивали торговые посредники. Желавшие получить лицензии на вывоз стратегического сырья – нефти, металлов, химии, леса – постоянно угрожали официальным лицам в министерствах внешних связей и энергетики (или соблазняли взятками), и к концу 1993-го половина российского экспорта была в руках преступных группировок. Новый министр внешних связей Олег Давыдов сократил количество спецэкспортеров, оставив на рынке только крупных производителей и наиболее опытных торговцев. Лицензии на спецэкспорт лишился и *ЛогоВАЗ*.

Реформы Давыдова запоздали: нефтяная промышленность уже стала крупнейшим полем битвы между российскими преступными кланами. Чтобы спецэкспортная фирма работала, необходимо договариваться с руководителями нефтекомбинатов – тех, кто отказывался сотрудничать, убивали. В 1993 году убили директора НПЗ в Туапсе, жестоко избили директора НПЗ в Киришах. Еще через год жертвой пал президент *Мегионнефтегаза*.

Большинство новых российских банков было создано на деньги компартии Советского Союза, многие из них оказались замешаны в афере с фальшивыми авизо. В 1992–1993 годах несколько преступных групп и связанных с ними банков провернули крупнейшую в истории России банковскую аферу. В отделе выплат *Центробанка* царил полный хаос, а его работники оказались столь охочи до взяток, что преступникам удалось здорово нажиться.

Как работала схема? Открывались две компании – обычно банки. Используя коды, полученные от *Центрального банка*, первый банк посылал второму фальшивое авизо на перевод денег. Второй шел с авизо в один из отделов выплат *Центробанка* и снимал наличные. Пока власти разбирались, оба банка исчезали с деньгами.

Афера с авизо стала одной из самых больших катастроф «реформистского» правительства Гайдара. В 1992–1993 годах размер хищений составил от полумиллиарда (треть кредитной линии, открытой Россией *Международным валютным фондом*) до нескольких миллиардов долларов. Заметную роль в этой афере сыграли чеченские группировки, действовавшие в своих интересах и в интересах казны жаждавшей самоопределения Чеченской Республики – Чечня была идеальным местом для регистрации ложных банков. В обналаживании авизо участвовали многие ведущие банки и торговые компании России, иначе проверить такую операцию не удалось бы.

Весной 93-го Ельцин признался, что две трети коммерческих структур связаны с организованной преступностью, – похоже, президент смирился с этим прискорбным фактом. Так же, как он закрыл глаза на коррупцию в армии.

Некоторые искали корни оргпреступности в далеком прошлом – в первых шагах большевиков сразу после Октябрьского восстания. Другие видели причину разгула криминала в ошибочной стратегии приватизации: «Нельзя раздавать предприятия бесплатно – не будет должного уважения. Все ценное добывается в поте лица. Собственность надо было продавать. Справедливого перераспределения собственности не бывает. Россия криминальна, потому что 75 процентов собственности стало не государственной, а частной». Кто-то добавлял: «Собственность не раздавалась, вырывалась зубами в конкурентной борьбе».

Березовский объяснял, что источником и отправной точкой криминала был «союз высших правительственных чиновников и бандитов».

Председатель *Российской товарно-сырьевой биржи* Константин Боровой сказал, что все начинается с мафии: «Мафия – это попытка имитировать государство: собственная система налогов, собственная система безопасности, собственный способ управления. Любая форма мафии оказывается сильнее государства. Предприниматель, помимо официальных налогов, должен платить налоги криминальному государству: подкупать санинспекцию, местную милицию, налоговую службу, арендодателей и, разумеется, платить бандитам за гарантию безопасности, поскольку государство нерыночно, ненадежно, любой нормальный предприниматель, который считает деньги, выбирает мафию».

БАБ, например, считал, что размах преступности не выходил за пределы разумного, потому что «масштабы преступлений не превышали масштабов преобразования собственности». Можем ли мы согласиться с этим? Взглянем на список лишь некоторых резонансных преступлений этого незабываемого десятилетия.

Одиннадцатого апреля 1993 года в Москве убит криминальный авторитет Валерий Длугач, лидер бауманской ОПГ, известный под именем *Глобус*. Пули из автомата Калашникова настигли его при выходе с дискотеки *УЛИС'Са*. Смерть *Глобуса* оказалась звеном в цепочке убийств авторитетов преступного мира, взбудораживших Москву весной этого года. Еще 26 марта в иномарке, припаркованной у гостиничного комплекса *Измайлово*, неизвестные в упор

расстреляли Р. Ахмедшина (*Гитлера*) и Ю.Кузнецова (*Босса*). На другой день в подъезде собственного дома убит В. Кривулин (*Кривой*), и точно такая же смерть настигла среди бела дня 13 апреля *Рэмбо* – А. Семенова. Исполнители действовали дерзко, по заранее продуманному плану, предусмотрев все нюансы предстоящих акций, – здесь прослеживался почерк профессионалов.

Тринадцатого сентября 1994 года рядом с домом номер 46 по 3-й Тверской-Ямской улице был взорван *Mercedes-Benz 600*, в котором находился криминальный авторитет Сергей Тимофеев по кличке *Сильвестр*. Взрывное устройство сработало, как только *Сильвестр* сел в машину и начал говорить по сотовому; корпус устройства взрывной волной отбросило на одиннадцать метров. Тимофеева называли королем преступного мира Москвы, врагов у него хватало. Существует версия, согласно которой во взорванном *mercedese* находился другой человек, а сам *Сильвестр* скрылся за рубежом с огромной суммой денег. Во всяком случае, все, кто опознавал его тело, внезапно разбогатели.

Отари Квантришвили был уникальной фигурой для Москвы девяностых: его нельзя было назвать бандитом, но слово Отари в криминальных кругах имело решающее значение. Он не был вором в законе, но был своим везде. Крупный меценат, председатель Фонда имени Льва Яшина, Квантришвили успешно общался и с уголовниками, и с представителями власти. В друзьях у него ходили милицейские генералы, члены правительства, депутаты, известные артисты и спортсмены. Отари стал серьезным конкурентом могущественному *Сильвестру*. Пятого апреля 1994 года на выходе из Краснопресненских бань Квантришвили был убит тремя выстрелами из снайперской винтовки. Преступление раскрыли лишь двенадцать лет спустя. Заказ исполнил знаменитый киллер ореховских Алексей Шерстобитов (*Лешиа-Солдат*).

Седьмого июня 1994 года возле дома номер 40 по Новокузнецкой улице в Москве, где располагался *Дом приемов ЛогоВАЗа*, прогремел взрыв. Бомбу привели в действие, когда *mercedes* Березовского выезжал из ворот *Дома приемов*. Погиб водитель, ранены охранник и восемь случайных прохожих, но олигарх уцелел. Есть предположение, что за покушением на Березовского стоял конфликт интересов *ЛогоВАЗа* и *Московского торгового банка*, который возглавляла в то время жена *Сильвестра* Ольга Жлобинская.

Первого марта 1995 года в Москве был убит телеведущий и журналист, любимец всей страны первый гендиректор *ОРТ* Владислав Листьев. Киллер подкараулил Листьева в подъезде дома на Новокузнецкой улице, когда журналист возвращался со съемок программы *Час тик*. При погибшем были обнаружены ценности и большая сумма наличных; следователи предположили, что убийство Листьева связано с его деловой или политической деятельностью. Несмотря на неоднократные заявления правоохранительных органов о том, что дело близко к раскрытию, ни убийцы, ни заказчики найдены не были.

Двадцатого ноября 1998 года в подъезде своего дома на Набережной канала Грибоедова была убита политик и правозащитница Галина Старовойтова, депутат Государственной Думы, сопредседатель партии *Демократическая Россия*. Киллеры подкараулили пятидесятидвухлетнюю Старовойтову и ее двадцатисемилетнего помощника Руслана Линькова у дома, где жила правозащитница. Она скончалась на месте от огнестрельных ранений, а ее помощник, тоже получивший тяжкие ранения, остался жив. Тридцатого июня 2005 года Городской суд Санкт-Петербурга приговорил Юрия Колчина (организатора убийства) и Виталия Акиншина (исполнителя) к двадцати и двадцати трем с половиной годам заключения в колонии строгого режима. А в 2015 году Октябрьский районный суд Санкт-Петербурга признал бывшего депутата Госдумы Михаила Глушенко соучастником организации убийства Галины Старовойтовой и приговорил его к семнадцати годам лишения свободы. Заказчик убийства не установлен.

Восемнадцатого августа 1997 года служебный автомобиль *Вольво*, в котором находились вице-губернатор Санкт-Петербурга Михаил Маневич, его жена и водитель, притормозил, выезжая с улицы Рубинштейна на Невский проспект, и был обстрелян с чердака дома на противо-

положной стороне. Маневич был ранен в шею и грудь и по дороге в больницу скончался; жена получила легкое ранение. Убийца скрылся, бросив на чердаке автомат Калашникова с оптическим прицелом. Убийство не раскрыто до сих пор.

Семнадцатого октября 1994 года журналист *МК* Дмитрий Холодов погиб в Москве на рабочем месте от взрыва самодельной мины-ловушки, находившейся в портфеле. Смерть Холодова наступила от травматического шока и потери крови. Известность Холодову принесли его публикации о коррупции в российской армии; журналист часто критиковал министра обороны Павла Грачева. Убийство до сих пор не раскрыто.

Протоиерей Русской православной церкви, богослов и проповедник Александр Мень был убит утром 9 сентября 1990 года по пути в церковь, он шел на литургию. К священнику подбежал неизвестный и протянул записку – Мень вынул из кармана очки и начал читать. Из кустов выскочил еще один неизвестный и ударил священника сзади то ли топором, то ли саперной лопатой. Теряя силы, отец Александр добрался до своего дома – он жил недалеко от подмосковной платформы *Семхоз* в Загорском районе. Дошел до калитки и упал; позже врачи констатировали смерть от потери крови. Убийство священника не раскрыто.

Александр Солоник (*Валерьяныч, Александр Македонский* – последнее прозвище связано с навыками стрельбы с двух рук, по-македонски) – использовал документы на имя Владимира Кесова и Валерьяна Попова – киллер, на счету которого десятки убийств, совершивший три побега из-под стражи. Стал *легендой* преступного мира девяностых, да и правоохранительных органов тоже. Отойдя от дел, жил в Греции, на вилле в коттеджном поселке Лагониси (Восточная Аттика), с двадцатидвухлетней моделью Светланой Котовой. У них была мистическая связь. Она с детства мечтала быть первой красавицей России и стала финалистка *Мисс Россия – 96* (самой криминальной России). Солоник был черным романтиком: еще проходя службу в армии, хотел стать самым романтическим суперменом. Он не людей убивал – пускал в расход только самых матерых и жестоких негодяев, выходил живым из самых опасных ситуаций и считал себя кем-то вроде Робин Гуда или агента 007 криминальной России. Два романтика – белый и черный – нашли друг друга (как в песне блатных: «*Сколько было там ласки, сколько было там счастья, воровская любовь коротка, но сильна!*»), но *ворованное счастье*, построенное на крови и криминальных деньгах, оказалось недолгим. Второго февраля 1997 года тело задушенного романтического киллера обнаружили на мусорной свалке в Варибоби, пригороде Афин. Через три месяца расчлененку его прекрасной возлюбленной нашли в чемодане под оливковым деревом у небольшого курортного городка Саронис. Солоника и его девушку убили ореховские бандиты Алексей Гусев, Александр Шарапов и Александр Пустовалов (*Саша-Солдат*) по приказу Сергея Буторина (*Ося*).

Семнадцатого января 1998 года в один день в *Матросской тишине* загадочным образом скончались лидеры курганских Олег Нелюбин и Павел Зеленин. Обоих убили в драках между заключенными. Скорее всего, это была месть за расстрелы ореховских и бауманских.

В мае 1998 года Владимир Петухов, мэр Нефтеюганска, обвинил дочернее предприятие *ЮКОСа Юганскнефтегаз* в неуплате налогов в местный бюджет, из-за чего госслужащие не получали зарплату. Он объявил голодовку, потребовав возбудить уголовное дело в связи с неуплатой *ЮКОСом* налогов, отстранить от занимаемых должностей начальника налоговой инспекции Нефтеюганска и начальника налоговой инспекции Ханты-Мансийского округа, погасить накопленную недоимку в размере 1,2 триллиона неденоминированных рублей, прекратить вмешательство в деятельность органов местного самоуправления со стороны *ЮКОСа*. Голодовка Петухова через неделю прекратилась – после обещания губернатора Ханты-Мансийского округа проверить информацию и принять меры. Двадцать шестого июня 1998 года Петухов был застрелен из пистолета-пулемета неподалеку от здания городской администрации, а его охранник – ранен. Следствие установило, что преступление совершили члены камышинской преступной группировки Попов и Приходько. Вскоре труп подозреваемого Приходько с

двумя огнестрельными ранениями обнаружили недалеко от трассы Нефтеюганск – Тюмень, чуть позже неизвестные застрелили и Попова – уголовное дело тогда прекратили. Девятнадцатого июня 2003 года был задержан начальник отдела внутренней экономической безопасности *ЮКОСа* Алексей Пичугин, который в 2005-м был осужден по обвинению в организации ряда убийств, в том числе и мэра Нефтеюганска.

Двадцатого октября 1999 года в центре Санкт-Петербурга был убит депутат городского парламента и авторитетный предприниматель Виктор Новоселов, считавшийся главным претендентом на пост главы парламента Санкт-Петербурга. Служебный *вольво* депутата остановился на сигнал светофора на перекрестке Московского проспекта и улицы Фрунзе. К машине подбежал киллер и поставил на крышу *вольво* бомбу на магнитах. Когда отбежал – прогремел взрыв, депутат погиб на месте. Это было не первое покушение на политика: его уже пытались убить в 93-м, после чего Новоселов стал инвалидом и передвигался на коляске. Несколько лет спустя за исполнение и организацию убийства были осуждены члены банды киллеров во главе с Тарасовым. Заказчиков преступления установить не удалось. В прессе высказывалось мнение, что ликвидация Новоселова была результатом разборок тамбовской ОПГ с группировкой Кости *Могилы*.

Авторитетный предприниматель Вячеслав Шевченко баллотировался в Государственную Думу Второго созыва от ЛДПР (номер один по Санкт-Петербургу). Был избран и стал аж заместителем председателя комитета Думы по туризму и спорту. В 2004-м вместе с деловым партнером Юрием Зориным и секретарем Валентиной Третьяковой был убит на Кипре. В убийстве подозревался деловой партнер Шевченко и коллега по Думе Михаил Глушенко.

Двадцать второго мая 2000 года в Тольятти убит легендарный борец с оргпреступностью – майор Дмитрий Огородников. Киллеры на автомобиле нагнали милиционера, когда он на своей белой *десятке* выруливал на Южное шоссе. Убийцы обогнали его машину и открыли шквальный огонь. В майора, пережившего несколько покушений, попало больше тридцати пуль – он погиб на месте. Водитель и один из убийц получили пожизненные сроки, второй киллер и заказчик преступления Евгений Совков (Совок) сгинули в бандитских разборках.

Страна походила на большой бурлящий котел – все знали всех. Сергею в те времена тоже приходилось встречаться со многими значительными фигурами бизнеса и государства. Их деятельность в девяностые подробно освещалась в СМИ: многие литераторы и журналисты взяли на себя эту опасную миссию. В частности, Пол Хлебников – названия его книг говорят сами за себя. В сентябре 2000-го вышла книга «Крестный отец Кремля Борис Березовский, или История разграбления России». В 2003-м – книга «Разговор с варваром», в которой Хлебников излагает и комментирует свою пятнадцатичасовую беседу с полевым чеченским командиром Хож-Ахмедом Нухаевым. Он пишет: «Весь исламский терроризм, который мы видим в России и во всем мире, вырел из культуры обычного бандитизма». В 2004 году Пол создает русскую редакцию *Forbes* и публикует список ста самых богатых людей России, многие из которых были недовольны такой известностью. В том же году Хлебников был убит. Остались жена и трое детей.

Преступность не выходила за рамки *разумных* норм? Нам этого мало? Продолжать перечисление?

«Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною», – сказано в *Книге книг*.

«И Духа Божия не было тогда видно над водою», – добавим мы с вами.

Маклауд убивал по-братски

18.11.2012

Слову о бандитском путеводителе уже 20

«Жанр предлагаемого материала, видимо, не так просто определить» – так 18 ноября 1992 года начиналась статья в «Смене». Вскоре словосочетание «Бандитский Петербург» стало одним из символов буржуазной России. Вначале власть удивилась явному, потом посчитала, что Андрей Константинов опорочил. Сегодня сановники к нему вежливы. 20 лет остается уместным мнение автора: «Есть вещи и понятия, которые знать необходимо – в порядке изучения окружающей среды».

Двадцать лет назад Анатолий Собчак эмоционально стучал пальцем по номеру газеты «Смена» и требовал на коллегии Федеральной службы контрразведки ответа: «Это правда?!»

газета.ru

Маклауд убивал по-братски

Алена Марьянова

19.06.2009

В Петербурге вынесен приговор лидеру братской ОПГ Олегу Маковозу. Криминального авторитета по кличке Маклауд присяжные признали виновным в убийстве генерального директора «Татинвестнефтегазстрой» Рустама Равилова, застреленного в 2003 году. Маковоз, уже осужденный за несколько убийств, проведет в колонии строгого режима 23 года.

Компромат.RU®

16.11.2009

Царь-дедушка Хасан

В конце 1990-х подполковник милиции Борис Пашаев работал по ворам в законе и считался выдающимся опером. С 2001 года он проходит как особо опасный преступник и числится в федеральном розыске. Его обвиняют в разбоях, изнасилованиях и фальсификации следственных материалов. За день до того, как его собирались арестовать, Пашаев скрылся в Грузии, прихватив с собой свой архив. Теперь, рассказывают в МВД, бывший милиционер консультирует грузинские власти по воровской тематике.

Пашаев — ценный консультант. Его родственник — вор в законе Аслан Усоян по прозвищу Дед Хасан. Он на свободе и, в отличие от Бориса, часто бывает в России. Здесь у него много дел: это только кажется, что времена воров в законе прошли.

В октябре хоронить знаменитого Япончика-Иванькова пришли сотни деятелей криминального мира, в том числе 17 воров в законе. Распорядитель похорон Дед Хасан сам не приехал, но прислал огромный венок. В этом году он стал практически единовластным лидером российских воров. Его авторитет признают даже бездушные компьютерные программы. В интернет-поисковиках в списке вариантов поиска на слово «Дед» Дед Мороз уже на втором месте.

Санкт-Петербургский
государственный
университет

1999 год

Крупнейшие преступные сообщества и группировки Санкт-Петербурга

«Малышевцы» специализировались на «разводках» и «кидках». Намечалась жертва — фирма, коммерсант, с ними заключалась сделка, в процессе которой преступники обманом или мошенничеством завладели деньгами или товаром.

«Тамбовское» преступное сообщество возникло одним из первых в городе. Название оно получило от города Тамбов — родины лидера Кумарина. Группировка долгое время занималась рэкетом, вымогательством, несколько раз лидеры оказывались в тюрьме. «Тамбовцы» одними из первых стали развивать легальную сторону бизнеса, внимание уделялось банковскому делу, строительству, энергоносителям.

«Казанское» преступное сообщество именуется по названию столицы Татарстана — Казань. Большинство их группировок состоит из мобильных команд, приезжающих в Санкт-Петербург на определенный срок. Бригады совершают ряд преступлений, после чего скрываются на территории Татари, а их место занимают следующие («вахтовый метод»).

Группировка «Кости-Могилы» (Яковлев) появилась в Санкт-Петербурге в начале 90-х. Лидер группировки входил в деловую и политическую элиту города, имеет влияние на многие Масс Медиа. Организацией «Кости-Могилы» контролируется импорт алкогольных напитков и некоторых других продуктов питания.

«Комаровская» преступная группировка (лидер — Комар) контролирует автотрассу СПб — Выборг, всю инфраструктуру дороги (рестораны, кафе, гостиницы, ремонтные мастерские и т. п.) и процесс перевозок.

По материалам исследования
Юридического факультета СПбГУ.

Банды 90-х: преступные группировки, державшие в страхе Москву

МОСКВА, 17 марта 2018 — РИА Новости,
Виктор Званцев

Ореховская. Одна из самых крупных российских банд действовала на юго-западе столицы с середины 1980-х. Ее возглавлял тракторист из нижегородской деревни Сергей Тимофеев по кличке Сильвестр. К началу 1990-х банда насчитывала несколько сотен человек.

Бауманская. «Бауманцы» уже в конце 1980-х контролировали весь центр столицы. Занимались рэкетом. Главарем был Владислав Ваннер по кличке Бобон. Преступники отличались особой жестокостью и даже в бандитской среде считались беспредельщиками. Несговорчивых коммерсантов нередко вывозили в лес и закапывали живьем.

Коптевская. Влиятельная столичная группировка в начале 1990-х «держала» весь север Москвы. Ее сколотили Александр и Василий Наумовы. Братья занимались вольной борьбой, а после завершения спортивной карьеры взялись за рэкет.

Щелковская. Одна из самых крупных группировок, орудовавших в столице в начале 1990-х, обосновалась в подмосковном городе Щелково. С годами они превратились в своеобразную расстрельную команду, получая «заказы на работу» в разных уголках страны. Считается, что за десять лет киллеры бригады убили около 60 человек.

16.03.2015

Возвращение крестного отца на пенсию

Спустя 20 лет в Петербург вернулся крестный отец 90-х Александр Малышев. А бизнесмены и силовики об этом не шепчутся. Мало кто помнит, что он родился на Лиговке, а при Ельцине его слава соперничала с известностью Собчака.

Малышеву надоело седьмой год скучать под домашним арестом в Испании. Патриарх мафии хочет тихо отдохнуть на пенсии.

Петербург девяностых

Невский – витрина Петербурга: была, есть и будет быть. Даже в годы полного упадка хозяйственной деятельности и общественных нравов – а девяностые оказались именно такими – стекла вымыты, фасады подкрашены, милиция так и ходит: взад-вперед, взад-вперед (дворников, правда, в девяностые совсем извели), и люди, люди, люди, а потом – машины, машины и опять – люди, люди... А домам тесно на Невском, домам не продохнуть – так и теснятся они друг на друга.

В 30-е годы XIX века Николай Васильевич писал: «Нет ничего лучше Невского проспекта. Чем не блесит эта улица – красавица нашей столицы! Я знаю, что ни один из бледных и чиновных ее жителей не променяет на все блага Невского проспекта. А дамы! О, дамам еще больше приятен Невский проспект. Да и кому он не приятен? Едва только взойдешь на Невский проспект, как уже пахнет одним гуляньем».

В 10-е годы XX века Андрей Белый устами своего героя Аполлона Аполлоновича Аблеухова тоже признавался в любви к Невскому, но совсем по-другому: «Более всего он любил прямолинейный проспект; этот проспект напоминал ему о течении времени между двух жизненных точек; и еще об одном: иные все города представляют собой деревянную кучу домиков, и разительно от них всех отличается Петербург. Мокрый, скользкий проспект: там дома сливались кубами в планомерный пятиэтажный ряд; этот ряд отличался от линии жизненной лишь в одном отношении: не было у этого ряда ни конца, ни начала».

А вот что пишет *Фотанка. ру* – легкая, поэтичная и по-константиновски⁶¹ отвязная – в 21 году XXI века о центральном проспекте Петербурга: «С утра до поздней ночи на Невскомлюдно. Тротуары – подиум, где дефилируют городские красотки и модники. Это променады: семейные прогулки с детьми, демонстрация достопримечательностей приезжим. Невский – клуб, здесь назначают свидания, случайно встречаются в толпе с давно пропавшими из вида приятелями, представляют и представляются. Невский – торжище. Раньше подковоерное, ныне разрешенное. На Невском кавалеры охотятся за дамами и наоборот. Невский – вече. Тут

⁶¹ Константинов – псевдоним Андрея Баконина, российского писателя, журналиста и сценариста, автора известного цикла очерков «Бандитский Петербург».

миссионерствуют, разоблачают партократию или жидомасонский заговор. Здесь, как в Ноевом ковчеге, все представлено и перемешано: анархисты и уголовники, страстные поклонники симфонической музыки и хипстеры»⁶².

В девяностые Петербург перестал быть примером идеального города строгой горизонтальной планировки, образцом *правильных параллелей и перпендикуляров* в общественной и культурной жизни страны, но еще не знал, что в XXI веке снова станет образцом – родиной и достойным примером, но теперь уже вертикали – *вертикали власти* для всей страны. В девяностые Петербург был еще вполне бандитским и по праву мог считаться родиной хаоса и беспредела во всех сферах жизни.

Невский и другие улицы центра изменили прежний облик, не всегда в худшую сторону, но горожане потеряли ряд знаковых точек петербургских тусовок. Мы ведь видим свой город изнутри: кто где собирается; где можно пообедать в обществе VIPов, а где дают кофе с молоком и пышки, которые едят руками, обжигаясь и пачкаясь в сахарной пудре; где можно выпить чашечку лучшего *Carraro* или *Jardin*, а где – *решить проблемы*; куда прийти за шариком мороженого, а куда – за *храмовым* (гашиш с ЛСД) или за дозой. Посмотрим на изнанку Петербурга, какой она была на переломе, на грани двух последних десятилетий прошлого века. Вспомним несколько популярных мест, привычных точек коловращения андеграунда, студентов, скрытых диссидентов, фрилансеров, простого канцелярского и рабочего люда, белых воротничков (термин *офисный планктон* появится только в двухтысячные), да и синих тоже, а еще и ординарного криминалитета: без него в девяностые никуда. Как изнутри исполнены *счетные швы* и загибы этих знаковых точек, какой строчкой – *квадратиком, гольбейном, в строчку, в каемочку...*

Скажите, ерунда? Совсем не ерунда – недаром в народе говорят: *«То нескладно, что сшито неладно»*.

Возможно, тем, кто любит наш город, будет интересна небольшая экскурсия, назовем ее *Изнанкой Северной столицы*.

Кафе Сайгон, Невский, 49

В советское время – место встречи ленинградской богемы: поэтов, хиппи, музыкантов и вольных художников. «...И, как у всех, у меня есть ангел, она танцует за моей спиной. Она берет мне кофе в *Сайгоне*, и ей все равно, что будет со мной», – пела легендарная группа *Аквариум*. Здесь бывали Борис Гребенщиков, Виктор Цой, Константин Кинчев и другие знаменитости. В кафе запрещали курить, и однажды милиционер сделал замечание одной девушке: «Что вы тут курите, безобразие, какой-то Сайгон устроили». Так и появилось название *Сайгон*.

У буфета продают коньяк и дорогие бутерброды; здесь кучкуется аристократическая часть кафетерия: не чуждые духовности дамы в лайковых пальто, книжные маклаки из *Букиниста*, залетные фарцовщики, глухонемые.

Стоя у круглых столиков и сидя на подоконниках – любители дешевого кофе и дури. «Эй, парень, чего глаза закатил, тебе плохо?» – «Отстань от него, ему уже хорошо».

Сергей Турчин, будучи студентом, потом – молодым специалистом, бывал здесь в свободное время – посидеть, выпить кофе, поглазеть на сайгонских клоунов и чудаков, ну и на девчонок, конечно.

Рядом с *Сайгоном* можно было встретить Сергея Довлатова. Он выходил с Рубинштейна в домашних тапочках и на остановке троллейбуса ждал знакомого – чтобы поболтать, чтобы самую малость, по малёху.

⁶² Е. Вышенков, «Петербург наизнанку» (Фонтанка.ру).

До шестьдесят восьмого там временами бывал поэт и художник петербургского андеграунда *Хвост* (Алексей Хвостенко, литературная группа *Верна* и содружество *Хелениктов*).

В девяностые *Сайгон* перевели в начало Невского, но былого духа там уже не было. В прежнем помещении открыли магазин элитной итальянской сантехники, где продавали в том числе золотой унитаз, потом торговали дисками, затем здание отдали под гостиницу *Radisson*.

Ресторан Кавказский, Невский, 25

Пристойное и дорогое заведение, которое посещали знатные иностранцы, гости с Кавказа, воры в законе: там проводились банкеты докторантов и юбилеи влиятельных лиц. Хороший выбор грузинских вин, полный ассортимент кавказской кухни, знаменитый шашлык по-карски, подававшийся с живым огнем. Армянская густая похлебка из телячьих ног и рубца, снимавшая похмельный синдром. За углом – бар, в подпольном мире – *Кавказ*. Здесь опасно. Вольготно чувствуют себя лишь *фартовые*, а также *никовые*, *хачи* и прочие *звери*. От них жди неприятностей. Здесь начинал свою карьеру будущий петербургский миллиардер Сергей Васильев, переживший несколько покушений. Рядом стоит памятник герою войны 1812 года. Потому, наверное, и бытовала присказка: «Получишь долю с Барклай де Толли».

В девяностые здание перестроили, появился торгово-офисный комплекс *Атриум* кипрской компании.

Очки

Очки – огромное заведение вдоль канала Грибоедова (напротив Казанского собора), иногда называлось *Нью-Йорк*, иногда – *Кониюшня*. Модное место, но скорее транзитное – без постоянного контингента. Легенды Невского запечатлели здесь Гену Петрова – нынешнего миллиардера, пострадавшего несколько лет назад от знаменитого испанского судьи Бальтасара Гарсона, инициировавшего дело о *русской мафии* под условным названием *Тройка*. А тогда Гена промышлял покровительством мелких спекулянтов. Магазин оптики сохранился до сих пор.

Метрополь, Садовая, 22

Ресторан славился своей кухней и демократичностью. В *Метрополе* проводились официальные обеды, бывали здесь, в частности, Леонид Ильич Брежнев, Рональд Рейган, Жак Ширак.

Горожане справляли здесь свадьбы, юбилеи, просто заходили отведать, например, *судака Орли*. Больше всего ленинградцы вспоминают наборы пирожных, торты *Прага*, *Метрополь*, *Черный принц* и пирожковую, именуемую *Щелью*. Девушки из *Вагановки* любили *вкуснющие* пирожки метрополевских поваров.

Восьмого декабря 94-го в *Метрополе* состоялась воровская встреча, приуроченная ко дню рождения сибирского *законника Петрухи*. Собралось более шестидесяти *воров в законе* и *авторитетов*, в том числе *Дед Хасан*, *Савоська*, *Блондин*, *Шишкан* и *Якутенко*. Планировалось обговорить ситуацию в уголовной среде города, в итоге все были задержаны сотрудниками милиции.

В начале 1990-х финансовая группа *Норд* братьев Вячеслава и Сергея Шевченко (один – бывший гендиректор *Росвуздизайна*, второй – выпускник торгового института), а также коммерсанта Зорина владела крупнейшей в городе сетью ресторанов, клубов и казино. В их империю вошел и *Метрополь*. Ресторан оказался убыточным и вскоре закрылся. Михаил Глуценко – о нем мы уже говорили – потребовал от своего делового партнера Вячеслава Шевченко оплачивать ему *крышевание* или передать *Метрополь*. Партнеры не пришли к согласию, а в

2004-м Вячеслав Шевченко и Юрий Зорин были зверски убиты. В наши дни группа *Норд* и ресторан *Метрополь* принадлежат семьям братьев Шевченко.

Кафе и кондитерская Север, Невский, 44

Главное ленинградское кафе *Норд* в пылу борьбы с космополитизмом в конце 1940-х переименовали в *Север*. В 1970-е годы это был огромный зал под цилиндрическим сводом, который шел от Невского проспекта до нынешней улицы Итальянской – традиционное место для семейных выходов. Москвич или провинциал непременно привозил из Ленинграда торт из *Севера* с белым медведем на коробке. К концу 1970-х обстановка резко меняется, кафе превращается в кабак с сомнительной публикой – фарцовщиками, проститутками, мажорами. У подъезда демонстративно играют в шмен (азартный подсчет комбинации цифр на купюрах друг друга). В девяностые кафе вошло в группу *Норд*. Здание было реконструировано с выделением отдельного кафе *Север* и галереи дорогущих бутиков *Гранд Палас*.

Катькин садик

Легендарная питерская *плешка*⁶³, с XIX века – место встречи геев Северной столицы. *Катькин садик* – это еще и вечные шахматисты, шашисты. Там играл на деньги – не он один – КМС по шахматам, переводчик и литературный критик Виктор Топоров. Проходя мимо профессиональных шахматистов, обувающих простаков на трешку, гроссмейстер Виктор Корчной возмущался: «Я поставлю вопрос – вы позор шахматного цеха». Вдоль ограды против *Александринки* блатные *шпилили* краплеными картами залетных дельцов.

Гуляя по Невскому, мы увидим десятиметровый памятник Екатерине II, но первыми нас встретят – в любое время года и в любую погоду – ряженые, Петр I с супругой. Днем, пока не стемнеет, здесь, помимо шахматистов, обитают книжники, туристы, художники и мамочки, выгуливающие детей.

Но вот наступают сумерки, и в темных аллеях уже совсем другая жизнь: *плешка* Ленинграда, *плешка* Санкт-Петербурга собирает людей лунного света. При советской власти активисты голубого Ленинграда подавали друг другу тайные знаки – например, кольцо в ухе. Судя по ведущим ТВ-передач, все и теперь остается в силе. Здесь знакомятся, ссорятся, мирятся, делятся новостями, отсюда разносят сплетни, здесь продают и дарят ночи страсти, любви и порока – волшебное, порочное, порой комичное и страшное место. Каждый месяц из *Катькиного садика* исчезали малолетние мальчики – проститутки.

Летом 90-го *Екатерининский сад* стихийно превратился в шумный сувенирный базар. Вдоль ограды выросло кольцо из складных столиков с левым и контрафактным товаром для интуриста: императорские сабли, ножи, ложки, ордена, юбилейные рубли, иконы, расписные платки, матрешки и шкатулки. Торговали открыто, не боясь милиции. Чего бояться? С первого дня торговцы исправно платили дань бандитам. Там царили мир и спокойствие, но это место оказалось последним, которое криминальные группировки смогли по-братски поделить.

В девяностые площадь реконструировали с возвращением планировки XIX века. Но, как всегда, нашлись безбашенные вандалы и беззаветные почитатели сувениров: с величавой груди императрицы сняли тяжелую цепь и орден, у вельмож украли аксессуары, генералиссимус Суворов в очередной раз остался без шпаги.

⁶³ Место встречи какой-либо группы; место для курения, где происходят разговоры, знакомства, общение.

Европа

Гранд-отель *Европа* – гостиница номер один города; постояльцы – *VIP*-москвичи и богатые иностранцы. Там же ресторан *Европа* в стиле ар-нуво – один из красивейших в Петербурге, украшенный витражами и мозаикой по эскизам Леонтия Бенуа. Здесь бывали Елизавета II, Игорь Стравинский, Федор Шаляпин, Жак Ширак, Билл Клинтон, Майкл Дуглас.

В советское время называлась *Европейской* и находилась под особым присмотром КГБ. Рестораны *Садко* и *Крыша* – излюбленные места ленинградской поэтической и художественной богемы брежневских времен.

В конце шестидесятых в *Садко* бывали закадычные друзья: Михаил Барышников, тогда уже звезда *Кировского театра*, и завлит *Театра имени В. Ф. Комиссаржевской* Виктор Новиков. Однажды во время обеда Барышников, который всегда был очень артистичным, решил сделать подарок другу: стал крутить между столиками фуэте – руки под мышками, выбрасывал при каждом обороте указующий перст: «Россия, вперед!» – смешно пародируя *вождя мирового пролетариата*. Посетители ресторана, ставшие свидетелями этой смелой для того времени импровизации, аплодировали. В 1974 году Барышников остался в Канаде, а Новиков в 1991-м был избран худруком коллективом *Комиссаржевки*.

В восьмидесятые гостиница находилась под присмотром КГБ и была доступна, скажем так, *спецконтингенту*: народным артистам, генералам, иностранцам и, конечно же, преступным авторитетам и ночным бабочкам. «Перед гражданином обыкновенным вставала в рост ливрея швейцара, надетая на тело отставника из органов, и шлагбаум закрывался, а господина центрального пропускали с придыханием»⁶⁴.

Там часто и шумно гулял буйный Владимир Феоктистов (*Фека*), общепризнанный *дедушка русского рэкета*; вместе с ним к прелестям *Европейской* кухни приобщался студент Педиатрического института Михаил Мирилашвили, теперь российско-израильский предприниматель-миллиардер, меценат и общественный деятель. Обычным людям доступен был только кафетерий, выходящий на площадь Искусств, – изысканное место (в сравнении с *Сайгоном*), где встречались после *Русского музея* или перед походом в филармонию: хороший коньяк, настоящий кофе, бутерброд с икрой, свежее буше... Рядом находился газетный киоск, в котором будущий нобелевский лауреат Иосиф Бродский иногда покупал *The New Yorker*.

В девяностые годы гостинице вернули прежнее название *Гранд-отель Европа*, она была реконструирована и, сохранив историческое лицо, получила атриум с кафе *Мезонин* под стеклянным куполом вместо внутреннего двора-колодца; первой в России стала пятизвездочной. В *Лобби-баре* теперь можно встретить авторитетных предпринимателей, в том числе и владельца *Петербургского нефтяного терминала*, поклонника императорской семьи Романовых, любителя стилей барокко и ар-нуво Сергея Васильева, который в обществе больших парней вел задушевные беседы – наверное, о важности ЗОЖ, коего он тоже был большой поклонник, – братва во всем была согласна со своим лидером и чинно попивала чай или кофе.

Из завсегдатаев *Европы* самым заметным был создатель *600 секунд* Александр Невзоров. Его *рафик* с телеаппаратурой часто парковался у главного входа под наблюдением охраны отеля, но это не спасало его от обиженных, которые в отместку за репортажи прокалывали шины автомобиля. Стоит напомнить, что, помимо Невзорова, в *600 секундах* было еще двое ведущих – Светлана Сорокина и Вадим Медведев (сын знаменитого актера), но об этом теперь почему-то не вспоминают.

Московские руководители Сергея нередко навещали в Петербург и останавливались в *Европе* или *Астории* – ему теперь тоже приходилось бывать в этом роскошном отеле. *Европа*

⁶⁴ Е. Вышенков.

оставалась самой дорогой гостиницей города, сутки – сто долларов, тогда это казалось огромными деньгами. Рестораны тоже были очень дорогими. Но у представительства в то время появилось достаточно средств, и Сергей мог позволить себе пригласить на ланч или обед зарубежных партнеров, в том числе в восхитительный зал ресторана *Европа*.

Женский туалет на Думской

Не могу не упомянуть еще одну важную для жизни теневого Петербурга *плеешку* – женский туалет на Думской, – где в девяностые встречались валютные проститутки. Автор, естественно, не посещал дамских уборных, но абсолютно доверяет ментовскому опыту и журналистскому авторитету Евгения Вышенкова, теперь замредактора *Фонтанка.ру*, и сообщает с его подачи, что именно там, на Думской, вдали от лишних глаз и вездесущей братвы, тусовались интердевочки (именуемые впоследствии путанами), сбывали иностранные шмотки, занимались *ченджем*, делили точки обслуживания, обсуждали свежие новости рынка продажной любви, морально готовили себя к выходу на работу в интуристские рестораны.

Дом моделей одежды, Невский, 21

Здание *Дома Мертенса*, памятника неоклассицизма в Петербурге, было построено для фирмы меховых изделий Ф. Л. Мертенса по проекту архитектора Лялевича, тогда одного из главных зодчих Петербурга. В 1918-м архитектор переехал в польскую столицу, а в 1944-м – был казнен во время антинацистского восстания в Варшаве.

В 1944 году в *Доме Мертенса* открылся первый в СССР *Дом моделей одежды*. По существу, это было КБ по конструированию коллекций для советской швейной промышленности. Здесь работали лучшие модельеры города, конструкторы одежды, швеи, вышивальщицы; внизу – магазины, на верхних этажах – экспериментальное производство.

Витрины здания выполняли функцию журнала мировой моды и актуализировали доступные советскому человеку коллекции одежды. Городские модницы дефилировали от Адмиралтейства в сторону *Гостиного Двора* и, глядя на образцы, выставленные в огромных сверкающих витринах, могли получить представление о тенденциях *высокого шитья от-кутюр*. Образцы расходились между избранными, как и все стоящее *в стране победившего социализма*, или доставались работникам *Дома моделей*. Когда сотрудницы КБ в шесть вечера покидали работу, это было шоу для посвященных, настоящее Аристотелево триединство – единство времени, места и действия, – сколько стильных женщин в одном месте в Ленинграде!

В девяностые здание было выкуплено английской фирмой *Ede & Ravenscroft*, портными королевского двора (это действительно так – без всякого ерничанья), и переименовано в *Модный дом Невский проспект*. После реконструкции новые владельцы представляли коллекции женской одежды, аксессуары и парфюмерию. Почетным президентом предприятия стал принц Майкл Кентский.

В середине девяностых РПЦ широко обсуждала тему восстановления монархии в России. Приводилось высказывание Иоанна Кронштадтского: «Демократия в аду, на небе – царство». Сбылись сокровенные мечты церкви: патриарх благословил президента, в российский герб вернулось изображение Святого Георгия, восстанавливался храм Христа Спасителя; но церковным консерваторам хотелось большего. Из потомков Романовых на роль наследника больше всего подходил принц Майкл: кровь царской семьи, знание русского языка, внешнее сходство с Николаем II. Принц часто приезжал в Петербург: на открытие *Модного дома*, на спектакли в *Эрмитажном театре*, на демонстрации моделей одежды, занимался благотворительностью. Понятно, что коронацией здесь и не пахло, зато английскому менеджменту пред-

приятия, как и всем предпринимателям того времени, пришлось всерьез познакомиться с криминалитетом Северной столицы, но об этом несколько позже.

Свое историческое имя – *Дом Мертенса* – здание вернуло себе лишь в 2000 году.

Рыба, Невский, 21

Бывали времена, когда этот магазин считался лучшим рыбным в городе: живая рыба плескалась в аквариумах, можно было купить карпа, судака, лосося, форель, горбушу, икру и, конечно же, обычную треску. Однако к концу семидесятых аквариумы убрали, а рыбу продавали попроще – в основном замороженную.

Англичане, ставшие в девяностые хозяевами *Дома Мертенса*, хотели избавиться от рыбного соседа: запах даров моря из магазина и с его помойки, разносившийся по всему зданию, был несовместим с имиджем дома необыкновенно высокой моды. Тони Уорд, тогдашний исполнительный директор, неоднократно пытался полюбовно договориться с *красным директором* Владимиром Даниэляном и его партнерами по *Дарам моря* (так назывался тогда рыбный магазин). Ему предлагалось выехать из этого помещения – взамен англичане приобретут для него эквивалентное помещение на участке Невского от Садовой до площади Восстания – самая выгодная дислокация на Невском. Даниэлян оставался непоколебим.

Рыбный вопрос неожиданно разрешился в майские праздники 2005 года, когда рейдеры подделали документы и переоформили помещение на фиктивных владельцев Джанелидзе и Пситидзе, граждан Грузии с *липовой* пропиской в Тбилиси. В магазин пришли *представители* новых собственников в камуфляже и в штатском, объявили работникам, что помещения проданы, а сотрудники уволены; магазин закрыли *по техническим причинам*.

В феврале 2006 года зампрокурора Петербурга В. Владимиров возбудил уголовное дело по факту мошенничества в отношении имущества магазина. В августе был задержан известный рейдер Андрей Леухин по прозвищу *Медведь*. В пик великой рейдерской волны 2004–2007 годов он в определенных кругах пользовался почти таким же авторитетом, как ныне осужденный Барсуков-Кумарин.

Так получилось, что Сергей когда-то виртуально пересекся с группой *Медведя*. В середине десятых, когда Турчин уже расстался с *ЛогоВАЗом*, к нему обратилось руководство сети продовольственных магазинов *Дикси* и предложило возглавить принадлежащий им убыточный гипермаркет *Мегамарт* на улице Фучика. Сергей познакомился с документами и выяснил, что гипермаркет уже переоформлен на новых собственников, причем для присвоения *Мегамарта* группа Медведя использовала ту же схему, что и при захвате *Даров моря*. Сергей от предложения Дикси отказался.

Впоследствии группу Леухина осудили по ряду эпизодов захвата предприятий. В. Даниэляна признали потерпевшим по делу, и в дальнейшем в арбитражном суде он сумел защитить свои права собственности. Закон восторжествовал, но *дарами моря* с тех пор на Невском, 21 не пахнет.

Пассаж, Невский, 48

Один из старейших торговых домов был открыт в 1848 году; на первом этаже размещались склады, на втором – торговые помещения, на третьем – квартиры. Со стороны улицы Итальянской располагался концертный зал, где устраивались научно-просветительские лекции и литературные вечера, там выступали И. С. Тургенев, Н. А. Некрасов, Ф. М. Достоевский, Н. Г. Чернышевский, Т. Г. Шевченко. В 1901-м здание, реконструированное архитектором С. Козловым, стало четырехэтажным; в обновленном *Пассаже* расположилось шестьдесят четыре

торговых зала. В 1904-1906 годах в концертном зале работал *Новый драматический театр* В. Ф. Комиссаржевской, с 1908-го ежегодно гастролировал *Московский театр* С. Ф. Сабурова.

В 1992-м универмаг стал акционерным обществом, а в мае 2006-го был приобретен на аукционе за 50 миллионов долларов московским бизнесменом Шалвой Чигиринским.

В девяностые годы рынок недвижимости России был на подъеме. Долларовые цены росли на сотни процентов в год, и бизнесмены стройными рядами шли в девелопмент. *Mirax Group* незабвенного Сергея Полонского собрала портфель проектов свыше 7 миллионов квадратных метров. Девелоперы заявляли проекты один другого масштабнее. Однако никто в смелости замыслов не мог сравниться с Шалвой Чигиринским. В начале девяностых он познакомился с мэром Москвы Юрием Лужковым и его супругой Еленой Батуриной и с их помощью запустил несколько многообещающих проектов.

В конце девяностых Сергей Турчин подыскивал партнера для совместного финансирования будущего бизнес-центра *ЛогоВАЗа*, расположенного непосредственно у арки Главного штаба. В Москве он встретился с братьями Чигиринскими и провел переговоры: братья оставили впечатление ненадежных партнеров – продолжения не последовало.

В начале двухтысячных Шалва Чигиринский присматривался к петербургскому *Пассажу*, а заодно и к *Театру Комиссаржевской*. Авторитетный предприниматель, близкий к руководству столицы, настаивал, чтобы художественный руководитель театра В. А. Новиков помог ему выкупить театр, а взамен обещал финансирование реконструкции. Театр оказался в тяжелой ситуации, но его выручил губернатор Владимир Анатольевич Яковлев (мне кажется, лучший губернатор Петербурга в новейшей истории), который в те непростые годы выделил средства, необходимые для поддержки театра и проведения его полной реконструкции – были и тогда примеры некоррупцированных чиновников!

Большинство строительных проектов Шалвы Чигиринского остались незавершенными (башня *Россия* в квартале *Москва-Сити*, отель на месте снесенной гостиницы *Россия*, культурно-деловой центр *Хрустальный остров* в Нагатинской пойме); в 2008 году его компаниям предъявили обвинение в неуплате налогов. Ш. Чигиринский покинул страну. Миллиардер Игорь Кесаев в 2009 году так отзывался о своем партнере Чигиринском: «Лицо, нарушившее отношения взаимного доверия и сотрудничества в результате обмана и нечестности». Довольно витиевато, но понятно.

В июле 2009 года Высокий суд Лондона по иску банка *ВТБ* наложил арест на недвижимость бизнесмена: особняк *Hugh House* в Лондоне, виллу *Maria Irina* во Франции, отель *Советский* на Ленинградском проспекте в Москве, земельный участок 24 гектара, на котором строится башня *Россия*, 50 процентов в проекте *Новая Голландия*, *Олимпийский центр* в Красной Поляне (Краснодарский край) – всего двадцать девять объектов. В марте 2016 года полиция Коннектикута (США) задержала бизнесмена за связь с несовершеннолетней.

Особо следует сказать о судьбе старинной резиденции *Maria Irina* на живописном мысе Кап-Мартен на Лазурном Берегу стоимостью четверть миллиарда евро. Когда-то дворец принадлежал африканскому диктатору Заира, не буду называть его неподъемное имя – в переводе с языка нгбанди оно означает «Воин, идущий от победы к победе, и никто не сможет его остановить». Чигиринский в 2010 году, сразу после низложения Лужкова, потерял дворец; сейчас он находится на балансе *Газпрома*, и что за прекрасные дивы теперь нежатся там под лучами средиземноморского солнца, нам неизвестно.

Обновленный *Пассаж* сейчас, кстати, благоденствует и принадлежит инвестиционной компании *Дженсен Груп*, а *Театр Комиссаржевской* – несомненно, один из лучших театров культурной столицы страны.

Автор, конечно, не может точно свидетельствовать обо всех этих поистине революционных событиях в жизни Санкт-Петербурга (как, впрочем, и Сергей Турчин), но о многих из них

он знает не понаслышке и рассказывает достоверно, так что читатель может с полным основанием сказать: *врет как свидетель*. А почему, собственно, свидетель врет? Да потому, что «вы ошибаетесь, графиня; статский советник Сергеев Юрий Федорович не крал шубу, напротив того: именно у него и украли шубу» – ни у кого нет точного знания, у каждого свидетеля своя правда.

Забавная улица Рубинштейна

Правильная дебютная идея – залог успеха в шахматной партии.

Переход в *ЛогоВАЗ* был на тот момент неплохим решением, дела у Турчина быстро пошли в гору. В начале 93-го они все – представительство и дочернее предприятие – переехали в новый просторный офис на Рубинштейна. Посадили на ресепшене двоих секретарей; заключили договор с милицией и при входе в офис поставили пост охраны. Выделили помещение под столовую с кухней. Теперь сотрудники Сергея получали на работе бесплатные обеды, могли накормить и гостей, прибывших из других городов.

В помещении на Кавалергардской открыли небольшой магазин подарков. Арендовали этаж в здании бывшего таксопарка на Краснопутиловской, организовали там новый склад для продажи автомобилей. Открыли еще один автосалон с большой стоянкой на Бухарестской.

Бадри подписал выгодный контракт о поставке в *ЛогоВАЗ* партии из двухсот джипов *Чероки* из Франции. Модель была несколько устаревшей, зато цена машин – не заоблачной. Авто прибыли морем в Петербургский порт. Их растаможили, пятьдесят машин перегнали в свои торговые точки (на Краснопутиловскую и Бухарестскую), остальные – поджарые, нарядные вездеходы цвета *серебристый металл* – отправили в Москву. Самат согласился одну машину оставить в представительстве для зама Сергея.

Турчин договорился с двумя готовыми автосервисами о создании предприятий *ЛогоВАЗ Северо-Запад* и *ЛогоВАЗ-Нева*. *ЛогоВАЗ* вошел в эти общества с долей 50 процентов на условии финансирования реконструкции станций. Предполагалось, что это будут автосервисы, сертифицированные *Volvo* и *Mercedes*. Создано торговое предприятие на базе двух больших промтоварных магазинов. Готовились строительные проекты. Машина бизнеса набирала обороты.

Здание по адресу Большая Морская, 4 вплотную примыкало к величественной арке Главного штаба на Дворцовой. Фасады (солидная петербургская эклектика) сохранились, но со стороны двора все было разрушено. КУГИ готовило продажу объекта на аукционе. В один из приездов Березовского Сергей показал ему дом: «С этого места начинался штурм Зимнего дворца в 17-м. Отсюда твой *ЛогоВАЗ*»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.